

Федеральное агентство по образованию РФ
ГОУ ВПО «Пермский государственный педагогический
университет»

**Т Р У Д Ы
К А М С К О Й
А Р Х Е О Л О Г О -
Э Т Н О Г Р А Ф И Ч Е С К О Й
Э К С П Е Д И Ц И И**

ВЫПУСК IV

**Поселенческие памятники Предуралья
Средневековья и Нового времени:
к проблеме раннего этапа урбанизации**

ПГПУ

Пермь 2007

УДК 902
ББК Т4 (2РОС36 - 4ПЕР)
Т 782

Т 782 ТРУДЫ КАМСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ. Выпуск IV. Поселенческие памятники Предуралья Средневековья и Нового времени: к проблеме раннего этапа урбанизации/ под общ.ред. А.М. Белавина; Перм. гос. пед. ун-т.—Пермь, 2007.— 142с.: ил.и табл. —Библиогр.: с. 131-138.

ISBN 978-85218-328-6

Настоящим выпуском продолжается серия научных изданий ПГПУ «Труды Камской археолого-этнографической экспедиции», в которой публикуются новые материалы и исследования по археологии, древней и средневековой истории и этнографии Пермского края и сопредельных территорий.

Выпуск № IV содержит оформленные в виде статей материалы II и III полевых научных симпозиумов, проведенных в 2005 и 2006гг. на городище Искор в Чердынском районе Пермского края. Все они являются итогом значительных по объему полевых и собирательских работ, вводят в оборот новые материалы, знакомят читателей с новыми научными гипотезами.

Сборник может быть полезен студентам-историкам, учителям, краеведам, музейным работникам.

Ил.39. Табл. 1 . Библиогр. 166 назв.

Редколлегия:

Д-р ист.наук, проф. А.М.Белавин (отв. редактор); канд.ист. наук, доц. Н.Б.Крыласова (отв. за выпуск); Г.Т.Лени; канд.ист. наук, доц. Е.Л. Лычагина; А.Ф. Мельничук.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного педагогического университета

УДК 902
ББК Т4 (2РОС36 - 4ПЕР)

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства промышленности и природопользования Пермского края (КНФ 06-14) в рамках технического задания НТП Рособразования РНП 2.2.3.1.7936
«Музей археологии и этнографии Пермского Предуралья как центр образовательно-исследовательской деятельности вуза»

ISBN 978-85218-328-6

© Коллектив авторов, 2007.
© НПЕ «Афкула», оформление и макет, 2007.
© Пермский государственный педагогический университет, 2007

Одной из важных форм научной деятельности археологов являются полевые симпозиумы, дающие возможность ознакомиться не только с докладами, но и непосредственно с конкретными археологическими объектами.

I полевой симпозиум «Археология Позднего Средневековья и Нового времени», проведенного 14-16 сентября 1999 г. на памятнике археологии «Нижний Чусовской городок» в Чусовском районе Пермской области был организован Камской археологической экспедицией ПГУ. В нем приняло участие 12 исследователей из Перми и Екатеринбурга.

II полевой симпозиум «Археология Позднего Средневековья и Нового времени», проведен Пермским филиалом Института истории и археологии УрО РАН и Камской археолого-этнографической экспедицией ПГПУ 9-10 сентября 2005 г. на памятнике археологии «Искорское городище-святилище» в Чердынском районе Пермской области. В работе симпозиума принимали участие 19 исследователей 6 научных центров из 4 городов (Екатеринбург, Челябинск, Омск, Пермь).

III полевой научный симпозиум «Поселенческие памятники Предуралья Средневековья и Нового времени: к проблеме раннего этапа урбанизации», был также проведен на памятнике археологии «Искорское городище-святилище» в Чердынском районе, 6-10 сентября 2006 г.. Его организаторами выступили Пермский филиал ИИиА УрО РАН, КАЭЭ ПГПУ и Министерство промышленности и природных ресурсов Пермского края. В работе симпозиума приняло участие 26 исследователей из Перми, Уфы, Ижевска, Березников.

Настоящий сборник содержит публикации материалов II и III симпозиумов и выходит при финансовой поддержке Министерства промышленности и природных ресурсов Пермского края (КНФ 06-14 от 06.09.2006). К сожалению не все участники прислали свои материалы, поэтому сборник не представляет всего спектра обсужденных на симпозиумах проблем.

А.М. Белавин
ПРОБЛЕМЫ РАННЕГО
ЭТАПА УРБАНИЗАЦИИ В
ВОЛГО-КАМЬЕ

История возникновения и ранних стадий существования города в средневековой Европе - одна из центральных проблем медиевистики в последние десятилетия. Рождение города - длительный процесс, и исследователь, за редчайшим исключением, не может определить время рождения собственно самого города, то есть ту грань, которая отделяет протогородской этап от уже собственно города. Однако эта мысль смущает некоторых исследователей, считающих, что город возникает уже в сразу готовом виде, противопоставленный сельскому поселению как центр (ремесленный, военный, политический, духовный и пр.) аграрной округи, как некое место «перераспределения прибавочного продукта». Кроме того, сам термин «*протогород*» или «*ранний город*» также вызывает возражение. Однако этот термин кажется вполне уместным, как определение некоего «эмбриона города». Судьба его такая же, как и у любого другого эмбриона – при благоприятных условиях он может созреть во вполне здоровый организм; может развиваться, напротив, в больное и хилое образование, не имеющее перспектив; а может и просто погибнуть, так и не перейдя стадию эмбриона. Этому «эмбриону» присущи основные черты развитого города, часть из которых уже приобрела некие почти законченные формы, иная находится еще в зачаточном состоянии, и может проявиться (или не проявиться) при стечении ис-

торических обстоятельств.

Имеющиеся в отечественной исторической науке подходы к выделению города мало применимы к Волго-Камью. В основном они сводятся к наличию у города перераспределительной функции, которая отделяет его от «негорода». Нечто подобное высказано П.А. Корчагиным и А.Ф. Мельничуком, считающими, что центральным положением в определении «город-негород» должно стать наличие у города перераспределительной функции, причем, судя по приведенному ими определению этой функции, она сверхкомплексная и включает в себя производящую, торгово-транзитную, государственно-административную, военную и иные стороны. Это ведет указанных авторов к уже известному определению города как центра некой сельскохозяйственной округи, в котором перераспределяется прибавочный продукт, прежде всего, сельского хозяйства [Корчагин, Мельничук 2003, с.60-61].

О каком прибавочном продукте, отчуждаемом из сельского хозяйства, может идти речь, например, на раннем этапе существования такого крупного города (*раннего города, протогорода – как угодно. – А.Б.*) домонгольской Руси, как Старая Рязань, ведь, судя по археологическим данным, она возникла на век раньше окруживших ее потом деревень? [Даркевич 1994, с.43]. Почти аналогичная ситуация связана и с рождением столицы Волжской Булгарии – Великого города и ряда других городов Волго-Камья. Становится понятным, что в указанном регионе именно возникновение города влекло заселение территории и развитие на ней сельскохозяйственного производства. О прямом сельскохозяйственном производстве практически во всех городах, и

малых, и больших, на Руси и в Булгарии говорят многочисленные находки лемехов сох и сабанов, мотыг, серпов, ручных жерновов. Наличие сосредоточия ремесла также зачастую характерно для селищ – неукрепленных специализированных на том или ином производстве поселений. Таковыми были Семеновское и Измерское селище в Волжской Болгарии, Запосельское и Чашкинское селища в Пермском Предуралье и иные памятники.

В качестве основного пути возникновения раннегородских (протогородских) центров в Волго-Камье может быть признан путь формирования торговых поселений, участвующих в дальней транзитной торговле и являющихся её опорными пунктами. Вероятно, что *протогород* отличается от обычного сельскохозяйственного поселения иным, например наличием среди его жителей представителей иных народов и стран (в том числе, имеющих свои кладбища и места отправления культов и обрядов), относительно большим количеством импортов, иной, более высокой, бытовой культурой и рядом других признаков, уже выделенных различными авторами, обсуждавшими эту проблему (см. например обзоры проблемы, сделанные Е.Н. Носовым [Носов 2002] или ранее В. П. Даркевичем [Даркевич 1994, с.43-60]).

Вероятно, следует обсуждать, какие именно черты явно могли проявляться у *протогорода* в тех или иных этнокультурных и этнополитических условиях у разных народов Восточной Европы, а не спорить о возможности или невозможности употребления данной научной дефиниции.

Особенности протогорода (раннего города) в Предуралье можно проследить на примере крупнейшего средне-

векового археологического комплекса памятников – Рождественского в Карагайском районе Пермского края. Этот интереснейший комплекс, состоящий из двух городищ, двух могильников и святилища, расположен на высоком левом берегу р. Обва, правого притока р. Кама. К сожалению, он интенсивно разрушается в силу действия природных стихий и хозяйственной эксплуатации (единственное в широкой округе место с черноземным перегноем). Так, за последние 80 лет было утрачено порядка 30 м в ширину береговой полосы на городище, часть некрополя смыта Обвой, часть его распахана, Филипповское городище лишено культурного слоя в результате ссыпки его в находившиеся на площадке городища силосные траншеи. Раскопки данного комплекса, произведенные Камской археолого-этнографической экспедицией ПГПИ-ПГПУ в 1985 и в 1990-1997гг., являются одними из наиболее масштабных спасательных работ на средневековых памятниках Прикамья.

Наиболее значительным памятником в данном комплексе является Рождественское городище, первое упоминание о котором имеется в записках капитана Рычкова, посетившего городище в 1769г. [Рычков 1772, с.79].

Первые сведения об археологических объектах в районе с. Рождественск на р.Обва приводит перепись князя Ф.Ф. Бельского 1678-1679гг., проведенная как часть всероссийской подворной переписи: «... на Сискоре городище на р.Обва...».

По сведениям Е.Н. Шумилова под именем Сискор, Сисикар, Сыкыскор в документах XVII- перв. пол. XIXвв. упоминался починок, а позже деревня Постоногово (Пыстаногово), расположенная на территории Рождественско-

го могильника неподалеку от вала Рождественского городища, а также само Рождественское городище. Так в Рождественской отказной книге 1785 года Главного управления заводами и имением наследников А.В. Всеволожского (завод Пожевский Соликамского уезда Пермской губернии) при описании д.Постаногова (Сыкыскор) упомянуты «... на Обве и ключе 2 кора...» [ГАПО, ф.174, оп.1, д.74]. Таким образом, здесь учтены Рождественское и Филипповское городища. Интерес представляет само название «Сискор». Топоформант «кор» - «город, городище» указывает на его относительно позднее коми-пермяцкое происхождение. «Сісь, Сіска» по коми-пермяцки «гниль, гнилой». Таким образом, Сискор можно понимать как «гнилое, старое городище или город». Вероятно, это название было дано объекту в тот период, когда накануне русского освоения Прикамья на берегах Обвы, после ухода угров, формируется коми-пермяцкое население. Коми-пермяки застают Рождественский археологический комплекс уже как давно заброшенное, но хорошо заметное сооружение. Жить непосредственно в нем невозможно по идеологическим соображениям («чуждое поселение»), поэтому русско-пермяцкие починки и деревни основываются рядом с этими укреплениями, а не внутри их.

Площадка Рождественского городища имеет подпрямоугольную форму, общая площадь городища вместе с валом составляет свыше 35 тыс. кв. м. Оборонительная система Рождественского городища представляет собой сочетание естественного рельефа с рядом искусственных сооружений. К числу последних относится вал, который по данным XIX в. имел в длину более 240 м, в настоящее время длина вала

не превышает 200 м, его северо-западный и восточный концы сильно подрезаны для прохода на городище сельскохозяйственной техники в тех местах, где, еще по наблюдениям В.А.Волегова, с севера и востока имелись въезды на площадку. Ширина вала от 6 до 12 метров в основании, высота в центральной, наиболее хорошо сохранившейся части, 3,7 м с напольной стороны и 1,8 м со стороны площадки. В древности западный и восточный концы дугообразного вала упирались в восточный «Постаноговский» и западный «Шиловский» лога. При этом западный лог имел искусственно выкопанное углубление шириной 6-8 м, которое отводилась от основного лога почти под прямым углом, и частично охватывало северную сторону города перед валом. Этот «правильно отделанный ложчик» (по выражению Н.Н.Новокрестьянских) частично наблюдается и в наши дни, хотя на большую часть своей длины он засыпан, и через него на площадку городища ведет западный проход для техники. В древности этот искусственный лог, не имеющий естественного водостока, представлял собой дополнительную часть укреплений городища, переходящую в неглубокий ров вдоль восточной оконечности вала. Восточный лог также имеет следы искусственной подрезки (эскарп) со стороны площадки городища почти на 2/3 своей длины от южного (приречного) конца. Более высокая северная часть лога, судя по его неразвитости, образовалась относительно недавно, после прекращения жизни на городище, поэтому она в верхней своей части пререзает культурные отложения городища. Образование этой части лога естественное, возникшее в результате образования здесь водостока после разрушения въезда на

городище, что произошло, вероятно, пару столетий назад, когда началась распашка площадки жителями деревни Постановово и села Рождественск. Западный склон площадки также частично эскарпирован. Высота вала в древности составляла около 2,5 м, стенка, стоявшая на гребне вала, судя по остаткам сгоревших бревен, состояла из 13 бревен, общей высотой более 1,9 м. Таким образом, высота вала с конструкцией с напольной стороны достигала около 4,5 метров. За валом ров не фиксируется - здесь находился неукрепленный посад с довольно мощным культурным слоем (до 1 м), площадью более 30 тыс. кв. м.

Оборонительные сооружения Филипповского городища не подвергались раскопкам, однако даже внешний их вид заставляет согласиться с мнением капитана Н.П. Рычкова, который считал, что здесь «был замок древнего селения». Мощь и красоту валов Филипповского городища не раз описывали очевидцы: Теплоуховы, Н.Н. Новокрещенных и иные исследователи.

Современное состояние несколько, хотя и не сильно, отличается от того, что наблюдали здесь в XVIII- начале XX веков.

Длина сохранившегося вала 35 м, юго-западная часть вала и рва разрушена и разровнена бульдозером для проезда на площадку городища сельскохозяйственной техники. Ширина вала в основании от 8 до 14 м, высота со стороны площадки 2,5-3,5 м. Перед валом расположен ров шириной 3-5 м, глубиной от 0,8 до 1,7 м.

В центре имеется проход шириной 4,5 м, который прорезает вал на всю его ширину. Это т.н. «ворота», которые описывали все, кто осматривал это городище. У края прохода на верхушке

вала имеются небольшие холмообразные возвышения, а северо-восточный край вала имеет круглую насыпь, поднимающуюся на высоту более 1 м над вершиной вала – т.н. земляная «башня», описываемая Н.Н.Новокрещенных. С этого возвышения прекрасно просматривается и простреливается большая часть Рождественского городища (чему, правда, мешают современные деревья), а также вал и искусственный лог – укрепляющий западную часть Рождественского городища.

В древности Рождественское и Филипповское городища составляли единый оборонительный комплекс Рождественского археологического комплекса. С точки зрения специалиста в области фортификации Волжской Булгарии А.М. Губайдуллина, укрепленная часть Рождественского комплекса, состоящая из двух укрепленных площадок, принадлежит к типу сложномысовых и сложных городищ Волжской Булгарии [Губайдуллин 2002, с.29]. Все памятники такого типа в Волжской Булгарии относятся к домонгольскому периоду, их оборонительные конструкции в достаточно большой степени подчинены рельефу местности. Следует отметить, что в Камской части Волжской Булгарии большинство укрепленных поселений относится именно к типу подчиненных рельефу местности, как и большинство укрепленных поселений угорско-финского населения Предуралья.

Весьма вероятно, что Рождественский археологический комплекс можно ассоциировать с «касабой Афикул» (Афилун, Афтакун, Аваколь, Афкула, Акикул) в 20 днях пути от Булгара на север перед странами Чулыман (Джулман, Джулыман, Чулман), Сибир (Себер) и Ибир (Ибер, Ибыр) или в их

южных пределах. Об этом мне уже неоднократно доводилось писать [Белавин, Крыласова 1995; Белавин 1997, с.166-171; Белавин 1999, с. 161-173; Белавин 2000; Белавин 2006, с.26-28; Белавин 2006а, с.111-114] и убедительно данное положение никем из специалистов не оспорено. Среди населения Рождественского комплекса в X-XIV вв. присутствует большая группа болгарских ремесленников и торговцев, оставивших после себя не только гончарные горны, торговый инвентарий, пломбы для товара и верительные знаки, но и могильник, в котором погребения совершены с достаточно точным соблюдением исламской кыблы.

Арабским географом-энциклопедистом ал-Омари (1331 г.) упоминается касаб - маленький городок по-персидски - Афикула в 20 днях пути от Булгара на север, то есть в пределах страны Чулман (Джулман), земля и город Чулман, расположенный севернее Афикула, города Сибир (Себер), Ибир (Ибер). Последнее упоминание «касабы Афикула» относится к 1412 г. и имеется в трудах египетского энциклопедиста ал-Калкашанди «Страна Афтакун, северная соседка страны Булгара. Их главный город - небольшой Афтакун». В то же время (рубеж XIV-XV вв.) о стране Джолман (Чулман) и её столице сообщает египтянин Ибн Халдун.

Таким образом Рождественский комплекс – единственный в средневековом Пермском Предуралье пункт, который мы можем достаточно достоверно связать с упомянутым в письменных источниках объектом, *названном современниками городом*.

Первым весьма важным отличием комплекса от основной массы средневековых городищ и, даже, комплексов (например Редикарский), является его

трехчленность: детинец (цитадель) – укрепленный город – неукрепленный посад (рис.1). Подобная планировка средневековых городов хорошо известна в Волго-Камье. По две укрепленные площадки и неукрепленную часть имеют Николо-Райское, Зеленовское, Якимово-Стрелкинское, Чуру-Барышевское и ряд других городищ Волжской Булгарии. Подобная схема известна и на Руси. Так с двух укрепленных площадок (позже известных как Кром и Средний город) начиналась история Старой Рязани, так же изначально выглядели Туров, Новогрудок и другие города и городки Руси.

Достаточно велики размеры жилой части комплекса – более 70 тыс. кв.м. (не считая площади незаселенного Шиловского лога, разделяющего Филипповское и Рождественское городища). И хотя, по мнению большинства исследователей, размеры не могут являться существенным критерием для выделения городов даже в бессинтезной зоне, которой была лесная Восточная Европа, для Предуралья они имели определенное значение. По своей площади Рождественский комплекс является *наиболее значительным* поселенческим объектом средневекового Предуралья. Безусловно, в нашем случае можно говорить, что величина обитаемой части поселения явно выделяла его из массы синхронных поселений в глазах современников. Сопоставимым по размеру комплексом является только Чердынский, состоящий из Вятского и Троицкого городищ.

Важным критерием, выделяющим Рождественский комплекс из прочего ряда средневековых прикамских поселений, является наличие на нем признаков *средоточия различных ремесленных производств*. И если в отно-

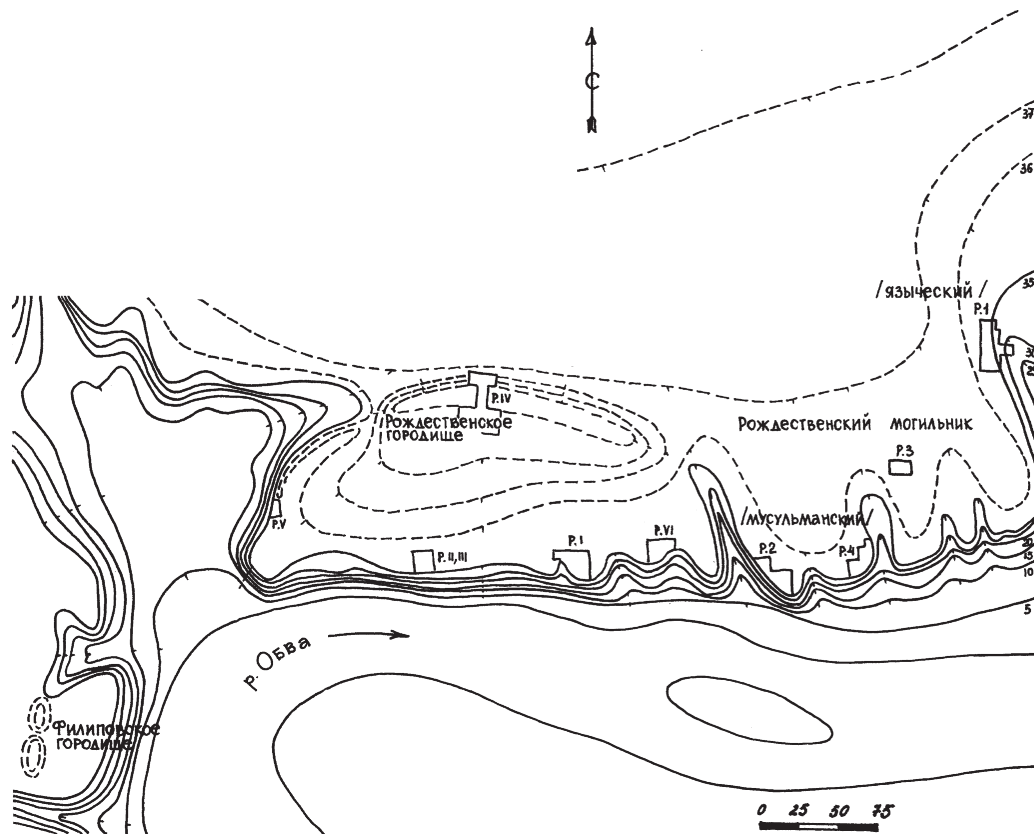

Рис.1. План Рождественского археологического комплекса

шении косторезного дела (на Рождественском городище изучена землянка костореза) еще можно высказывать некие сомнения о выделении его в ремесло, то в отношении гончарства (3 болгарских гончарных горна и обилие – более 61% - болгарской гончарной керамики), серебрodelия и ювелирного производства (серебряная и бронзовая проволока, литейные формы, бракованные и не завершенные изделия, инструментарий ювелира), бондарного (наличие специализированного инструмента) и стеклоделия (бракованные бусы, куски стеклянной массы в виде спекшихся палочек-заготовок) нет никаких сомнений. Заметим, что ряд этих ремесел являлись городскими как на Руси, так и в Волжской Булгарии (ювелирное и стеклоделие). Массовое про-

изводство гончарной посуды отмечается и в сельской местности Волжской Булгарии, но в Пермском Предуралье гончарные горны известны только на двух крупных городищах (Рождественское и Анюшкар) и, безусловно, могут маркировать городское ремесло.

Важным фактором, выделяющим Рождественский комплекс, является наличие среди находок на нем свинцовых пломб и гирек, типичных для болгарских торговцев, деталей весов для монетных взвешиваний, самих монет (восточных, болгарских, европейских) и купеческого верительного знака, выдаваемого иноземным купцам на право торговли на Руси - обнаруженного в 1991 г. в погребении № 37 [Крыласова 1995, с.192-197]. Достаточно *большое количество торгового инструмента-*

рия, в том числе поломанного, поэтому выброшенного, свидетельствует о проживании на городище купцов, занимающихся дальней транзитной торговлей. Находки предметов аскизского облика, включая обломки и целые железные пряжки, накладки, крючки, привески, детали седла, крюка для подергивания седельных ремней и для шнуровки, который был непременной принадлежностью аскизского всадника, заставляют утверждать, что в XI-XII вв. на Рождественском городище в составе торговых караванов или с собственными торговыми или военно-дипломатическими миссиями могли бывать и аскизы, так же как они бывали в ряде малых и больших городов Руси и Булгарии. Возможно, что именно эти всадники были охранниками болгарских торговых караванов на Русь, в страну Вису, страну Чулман, в Сибирь и Среднюю Азию. Таким образом – комплекс безусловно был опорным пунктом международной транзитной торговли.

От большинства иных городищ и археологических комплексов прикамского Средневековья Рождественский выделяется и **выраженным разноплеменным (разноэтничным и разным в этнокультурном отношении) населением**. Керамика кинтусовского типа с сильно профилированными венчиками, украшенная фигурными штампами; лепная керамика с характерным для чепецкой культуры треугольным и рамчатым штампом в орнаменте; запесоченная с уплощенным дном и украшенная отпечатками кружково-фигурного штампа керамика вымской культуры; круглодонная с подцилиндрошейной горловиной кушнарниковская керамика свидетельствуют о проживании на городище представителей раз-

ных финно-угорских этносов Урала и Поволжья. В определенной мере о проживании на городище выходцев из соседних с Пермским Предуральем финно-угорских территорий говорят и материалы языческого могильника. Имеется ряд погребений с нехарактерным для родановского могильника набором инвентаря: 2 погребения содержат поясные наборы и бубенчики, имеющие аналогии в вымских древностях; в 1 погребении обнаружена шумящая фибула, характерная для поволжских финнов. Наличие болгарского населения маркируется обильными находками болгарской столовой и, главное, кухонной посуды. На проживание на городище болгар-мусульман указывают находки мусульманских костяных амулетов и мечетного бронзового светца (часть хороса). Наличие мусульманского домонгольского могильника, непосредственно примыкающего к оборонительным сооружениям Рождественского городища, является бесспорным свидетельством проживания болгар на городище. Краниологическая серия Рождественского мусульманского могильника может быть охарактеризована как брахикранная, что отличает её от местных финно-угорских долихо-мезокранных типов и сближает с краниологией собственно болгарских серий (измерской, биярской и др.). По затёкам зубной эмали у черепов из мусульманских погребений определяется склонность к монголоидности. Эти наблюдения также сближают рождественскую серию с биярскими.

Материальная культура Рождественского комплекса характеризует совсем иное, **более высокое качество жизни его населения**. На городище выявлено 4 срубных жилища. Они и остальные жилища и хозяйственные

постройки освещались масляно-жировыми лампочками болгарского типа, на употребление в интерьерах мебели указывают столовые валики-подставки из обожженной глины, о переходе к новому типу печи свидетельствуют находки глиняных конфорок [Крыласова 2005, с.77-78]. Роговые расчески с орнаментированными футлярами, орнаментированные роговые гребни, большое количество сундучных замков и ключей к ним также являются приметой городской, иной, чем в других поселениях, жизни.

В какой-то степени Рождественский комплекс, включающий в себя Волгинское языческое святилище, расположенное в 1,5-2 км. от городища (в науке известное как «Волгинский» клад (1852 г. и позже), в составе которого были серебряные сосуды, китайский серебряный ямб, различные серебряные украшения болгарского типа), являлся и важным *полирелигиозным центром*. Наряду с языческим святилищем на территории комплекса, возможно, существовала мечеть или молитвенный дом мусульман, с которым связан упомянутый выше хорос. Недалеко Ал-Омари в связи с Афикулой упоминает рассказ Хасана Эрруми (ар-Руми) о поездке в Афикулу исламского астронома для расчета времени молитв. Таким образом, Рождественский комплекс еще и точка первичного проникновения ислама в Прикамье.

Таким образом, на примере Рождественского комплекса можно отметить следующие признаки, выделяющие этот пункт (имевший в глазах современников-знатоков статус небольшого города) из числа прочих поселений: сложная трехчленная структура, относительно крупный размер заселенной части и выразительность укрепле-

ний (особенно цитадели), существование ряда сложных ремесленных производств, полиэтничность и поликультурность населения, имеющего более высокий уровень жизни, чем основная масса жителей иных поселений, и явные признаки включения в систему международной транзитной торговли.

Такие признаки города (в т.ч. и раннего), как военный и административный центр сельской округи, чисто ремесленный характер поселения и прочие признаки, обычно выделяемые сторонниками упрощенно-социологических схем процесса урбанизации здесь, как это видно, не представлены. Более того, сельской округи у комплекса нет вовсе, а ближайшее родановское поселение (Козьмодемьянское селище) находится в 15 км. Не является Рождественский комплекс и племенным центром, так как он возник как пункт колонизации из разных мест Урала и Поволжья. Невозможно объяснить появление Рождественского комплекса и в результате развития процесса общественного разделения труда. На таком «определяющем» пути урбанизации настаивают, например А.Ф. Мельничук и П.А. Корчагин [Корчагин, Мельничук 2003, с. 61], на наш взгляд, это чрезмерная модернизация в понимании экономики того времени, когда даже в крупнейших государствах, соседях Прикамья, господствовало натуральное хозяйство, а населению даже «стольных градов» был не чужд сельскохозяйственный труд. Впрочем, и на Рождественском комплексе найдено более десятка ральников и мотыжек, жернова и другие сельскохозяйственные орудия и орудия рыбной ловли и охоты.

На наш взгляд, определяющим мотивом раннего этапа урбанизацион-

ного процесса в Предуралье мог быть лишь путь возникновения торговых факторий, опорных центров международной транзитной торговли по Камскому торговому пути. Роль катализатора процесса урбанизации здесь принадлежит, таким образом, торговцам булгарским и «чулыманским», столицей последних как раз и был Рождественский археологический комплекс, «касаба Афикула» – «Поворотная крепость», до которой ездили мусульманские торговцы, и откуда их товары в страну Йура и страну «Мрака» везли финно-угорские «чулымане». Предуралье, таким образом, демонстрирует те же самые процессы, что и финно-угорские территории северной части Великого Волжского пути, где примерно по такой же схеме возникли Белоозеро, Волок Ламский и другие древнерусские «грады». Безусловно, прав Н.А. Макаров, считающий, что возникновение городских центров в слабо заселенных и плохо освоенных в сельскохозяйственном отношении территориях является нормальным явлением на Северо-Востоке Европы и «может рассматриваться вполне продуктивной моделью градообразования» [цит. по Носов, Горюнова, Плохов 2005, с. 27].

В.В. Ильиных СВЕДЕНИЯ О СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ В ЛИЧНОМ ФОНДЕ ТЕПЛОУХОВЫХ

В Пермском областном краеведческом музее хранится личный архив семьи Теплоуховых (фонд документально-письменных источников ПОКМ). Александр Ефимович и его сын Федор Александрович Теплоуховы (лесничество Пермского имения Строгановых в разное время) имели большой интерес к археологическим древностям, именно с этой деятельностью связана значительная часть документов их личного фонда, насчитывающего около 840 ед. хранения, большая часть которых относится к 1820-1890-м гг.

Свои археологические изыскания Теплоуховы опубликовали в нескольких работах, посвященных разным категориям предметов, но большая часть материалов оказалась не изданной. Это касается результатов раскопок и осмотра памятников. Поэтому значительную информацию несут архивные документы Теплоуховых - фотографии и рисунки, описания мест находок, глазомерные топографические планы, переписка с людьми, интересующимися историей края, черновики статей, описание раскопок.

В последнее время значительное внимание археологов уделяется изучению специфики отдельных регионов культур, структур и систем расселения, вопросам взаимодействия природы и общества. Для решения этих вопросов первостепенное значение приобретает необходимость картографирования и

пространственного анализа всех известных памятников определенной культуры (микрорайона культуры). На территории Верхнего Прикамья известно около 770 средневековых поселений, около 80% являются полностью или частично разрушенными. Поэтому многие из них являются практически потерянными для науки.

Документы личного фонда Теплоуховых иллюстрируют состояние археологической науки Урала XIX века, для которой характерен низкий уровень развития теоретико-методологической базы и господство эмпиризма [Генинг 1982, с. 30]. В 60-х гг. XIX века, по мнению большинства исследователей, происходит зарождение и становление научного археологического знания России и Урала. Это период первоначального накопления сведений. Во время «ученых экскурсий», целью которых явилось создание коллекций, производили сбор находок, покупали найденные предметы у крестьян, а иногда совершали раскопки. Примитивный характер исследований памятников заключался в осмотре без специальной методики. В этот период формировалось отношение к памятнику как к историческому источнику. Тогда же проявлялось стремление использовать археологические источники для решения вопросов исторического характера [Обыденнов 1994].

Документальный фонд Теплоуховых отчасти может являться ключом к коллекции археологических древностей, хранящихся в отделе археологии Пермского областного краеведческого музея. Коллекцию начал собирать еще Ф.А. Волегов (управляющий имением Строгановых). В 1864 году после его смерти Елизавета (его дочь?) продаёт

коллекцию А.Е. Теплоухову, о чем свидетельствует записка, хранящаяся в фонде (ПОКМ 19102/741).

Вместе с Ф.А. Волеговым А.Е. Теплоухов копает Кудымкарское городище, а самостоятельно Коноваловское селище (1865 г.), Лаврятское городище и Загарье (1879 г.). С 1871 по 1882 г. А.Е. Теплоухов выезжает на раскопки почти ежегодно.

Значительную часть коллекции Теплоуховых отдела археологии ПОКМ составляют предметы из случайных сборов местных жителей, на что указывают письма от лесных смотрителей о покупке и дарении археологических предметов. Следует отметить, что некоторые крестьяне неоднократно получали денежное вознаграждение за находки; получив деньги однажды, очевидно, затем специально занимались археологическими изысканиями с целью получения прибыли. И.Я. Кривошеков во время путешествия с целью сбора сведений, отмечал, что у д. Чажегова Гайнской волости «обилие чудских изделий, находимых местными жителями, породило особый промысел: вещи предлагаются для покупки всем заезжим лицам, по весьма приличной цене» [Кривошеков 1914, с. 72]. В июле 1894 года, спустя 9 лет после смерти А.Е. Теплоухова, в Перми прошла выставка его коллекций, которые были собраны в течение 30 лет. Было представлено более 2600 предметов, из них 661 – из Кудымкарского и 557 – из Рождественского городищ, 223 – из Вакинского селища [Каталог 1894].

В 1867 году А.Е. Теплоухов заводит свой археологический дневник, в который заносит места находок, сведения о памятниках, пояснения к предметам из коллекции. По мнению А.А.

Спицина, коллекция не имела бы и трети своей стоимости без дневника [Спицин 1902, с.7-8]. К сожалению, в настоящее время дневник хранится в Санкт-Петербурге, а коллекция в Перми.

Проводятся первые опыты осмысления археологического материала. А.Е. Теплоухов по раскопкам Кудымкарского городища делает следующий вывод: «Судя по большому нахождению костей домашних животных, жители занимались скотоводством, ловлею зверей, находились в мирных торговых отношениях с образованными народами и сами стояли на высокой степени культуры» [Теплоухов 1884]. А на основе анализа изображений пермского звериного стиля А.Е.Теплоухов связал археологические памятники Пермской чуди X-XIV вв. с предками хантов и манси.

Несмотря на то, что в тот период сохранялся вещеведческий подход, проводятся первые попытки исторической интерпретации массового материала и отдельных категорий предметов с поселений Прикамья. Достаточно привести несколько названий работ Теплоуховых – А.Е. «Описание коллекции черепков глиняной посуды» (1884), Ф.А. «Земледельческие орудия Пермской Чуди» (1892). Также обращается внимание на вопросы хронологии – «человек некогда пережил каменный период ... бронзовый...Сколько столетий разделяют каменный век от железного — вопрос будущей науки» [цит. по Кривошеков 1897, с.24].

К концу XIX века на территории Верхнего Прикамья было известно около 70 городищ и десятка селищ. В фонде Теплоуховых содержатся сведения о 21 средневековом поселении – в основном это городища, а именно: Бутыр-

ское, Рождественское, Филипповское, Купросское, Лаврятское, Катаевское, Искорское, Дойкар, Гарамиха, Старо-Гаревское, Медведевское (Белошейкинское), Большухинское (Морочатское), Чудихинские I,II, Антоновцы, Ямское, Опутятское, Кудымкарское и Зародятское городища, а также Вакинское и Патраковское селища. Большая часть памятников расположена в бассейне рек Косьвы, Иньвы, Обвы, Туя, Гаревой, части Пермского имения Строгановых, на территории современных Добрянского и Ильинского районов. Девять поселений впоследствии были изучены раскопками Камской археологической экспедицией ПГУ и Камской археолого-этнографической экспедицией ПГПУ (городища Бутырское, Купрос, Рождественское, Филипповское, Лаврятское, Искорское, Опутятское и селища Патраковское и Зародятское). Сведения по некоторым из выше названных памятников содержатся у И.А.Талицкой в работе «Материалы к археологической карте бассейна р. Камы» (1952), где были собраны данные по всем известным на то время памятникам. Однако информация по некоторым так и не была проверена.

Один из документов фонда подписан: «Копия моего археологического дневника» (ПОКМ 11409/12). В нем о городище Дойкар А.Е. Теплоухов писал: «...осматривал 17 июля 1860 года. В Архангельском...недалеко от впадения реки Велва в Иньву, на высокой горе стоит деревенька Дойкар, с прекрасным видом на долины, обрывы рек, село Архангельское, пруд и деревни. За несколько столетий.... у Дойкара стояли укрепления жилища, от которых остались следы валов и рвов, занятых теперь огородами и постройками».

Большухинское (Морочатское) городище было осмотрено 14 августа 1869 года. «В юго-восточной части Филатовского ведомства в 6 верстах от села недалеко села Большухинского... лежит деревня Морочата, которая в последние годы увеличилась тремя домами ... Долгуша впадает тут в р. Большуху, которая протекает три версты, впадает слева в р. Полуденную, а эта через 8 верст в Каму. Городище лежит между двумя параллельными логами, из коих один начинается прямо около деревни. Фигура прямоугольник длиной от речки до большого вала 100 саженей... по валу 20 саженей. Валы и ров были, но распаханы».

О городище Медведица (Белошейкинском) А.Е. Теплоухов записал в дневнике «...в Филатово не доезжая до этого села версты 2 между деревней Белошейкой и... есть местность называется Медведица, состоящая из крутых логов, покрытых лесом. Тут городище с пятью валами или целый городок. Между древними валами 26 шагов (8 саженей) длина верхнего из них 24 сажени... От верхнего кремля до нижнего кремля 100 саженей... Длина нижнего кремля 20 $\frac{2}{3}$ саженей». М.В. Талицким при осмотре в Кудымкарском музее коллекции предметов из городища оно было датировано VI - IX вв. При исследовании городища отрядом Камской археологической экспедицией в 1947-1951 гг. на городище было зафиксировано два вала, вероятно, остальные были к тому времени разрушены.

О Чудихинском I и II городищах в дневнике имеется следующая запись: «В середине Комарихинского леса протекает на северо-запад речка Чудиха ... ее течения на правой стороне два горо-

дища. Главное находится в 400 саженях от Масленичей на северо-запад на правом крутом берегу р. Чудихи.

1. Вид городища. Тянется по угору с СЗ на ЮВ . 3 вала значительной величины... Длина валов встречается до 20 саженей.

2. Сторожевой ... еще другое городище, на том же берегу Чудихи на расстоянии от первого в 1 версту. Это уступ горы берегового склона длиной около 50 саженей шириной 30 саженей.

Об осмотре городища Гарамиха А.Е. Теплоухов написал: «24 июля 1869 года отправился в Васильевское ... для осмотра городищ в долине р. Гаревой... В истоках небольшого ручья Сосновки, впадающей с правой стороны в пруд Опалихинской мельницы, что на Гаревой между деревнями Кокиной и Занковой, лежит угор — знаменитое городище Гарамиха с которого у Волегова много вещей. Присовокупляю: деревня Конина основана была 200 лет переселенцами зырянами... местность городища плохая, к оврагам по окружности покатая. Длина больших валов до 9 шагов, от валов до хребта, между валами до 18 шагов, до Гаревой около 2 верст».

Деятельность Теплоуховых не ограничивалась коллекционированием предметов, зачастую лесные смотрители по их просьбе рисовали планы местонахождений. В фонде имеются планы Рождественского, Искорского, Вакинского, Бутырского, Купросского и Катаевского городищ (абрисная тетрадь при съемке городищ в 1869 г. Плюснина и Вдовина). Так было положено начало составлению археологической карты Прикамья.

Вакинское городище (так указано в документах А.Е.Теплоухова, у Р.Д.

Голдиной в работе «Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье» оно названо селищем) осматривалось в 1876 - 1877 годах о чем свидетельствует план, составленный в феврале 1877 года (19102/40). На выставке, прошедшей в Перми в 1894 году, экспонировались предметы коллекции Теплоуховых; с Вакинского городища (селища) было представлено около 233 предметов.

Таким образом, можно сказать, что период XIX века, характеризуется первоначальной систематизацией сведений об археологических памятниках, их картографированием, составлением планов, отношением к археологическому памятнику как целостному источнику, показывающему разные стороны жизни древнего населения Прикамья.

Фонд Теплоуховых дает ценную информацию для исследования поселенческих памятников Верхнего Прикамья, а именно писание оборонительных сооружений, описание площадок и местоположения памятников, важных для определения систем расселения.

Е.В. Иванова ИСТОРИЯ И ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДИЩ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА ТЕРРИТОРИИ БАШКИРИИ

На территории современного Башкортостана в настоящее время выявлено более 60 городищ эпохи Средневековья (середина I тыс. н.э. – начало II тыс. н.э.), относящихся к четырем археологическим культурам: бахмутинской, турбаслинской, кушнаренковско-караякуповской и чияликской. Большинство из них – 45 памятников – были созданы носителями бахмутинской культуры. Археологическое изучение этих памятников было начато В.В. Гольмстен, в 1910 и 1912 гг. проводившей раскопки Уфимского (Чортова) городища, расположенного на восточной окраине современного г.Уфы.

Памятник был известен еще в XVIII в. и первоначально обследовался Ф.Д.Нефедовым в 1878 г. Городище расположено на высоком каменистом мысу правого берега р.Уфы, у уфимских старожилов известном еще и под именем «Лысая гора». Над поймой реки городище возвышается почти на 180 м и с трех сторон защищено крутыми обрывами. С северо-западной, напольной стороны городище защищала двойная линия валов. У подножия внешнего вала был вырыт ров.

Ф.Д.Нефедов в своем отчете, опубликованном в 1899 г., приводит самые краткие сведения о городище, а результаты более масштабных раскопок В.В.Гольмстен в 1910 и 1912 гг. автором вообще не были опубликованы и

© Иванова Е.В., 2007.

известны нам только в изложении А.В.Збруевой [Збруева 1952, с.303-307]. В.В.Гольмстен исследовала памятник траншеями, в одной из которых были обнаружены следы землянки и очага, относящиеся к эпохе Средневековья. Особый интерес представляет разрез внешнего вала и рва городища, показавший, что вал состоял из двух разновременных насыпей – ранней, относящейся к караабызскому времени, и поздней подсыпки, состоящей из грунта, взятого с площадки городища, совершенной уже «бахмутинцами».

Продолжена эта работа была А.В. Шмидтом, который в 1928 г. провел небольшие раскопки на городищах Кара-Абыз под г.Благовещенском, в верхних горизонтах которого были найдены фрагменты керамики, позже ставшей известной как «чияликской», и Чандарском (Соколиный Камень) в среднем течении р.Уфы, недалеко от Бахмутинского могильника. Материалы последних легли в основу выделения бахмутинской культуры [Шмидт 1929].

Изучение памятников бахмутинской культуры на территории современного Башкортостана было продолжено во второй половине 1950-х – начале 1960-х годов Н.А.Мажитовым. В 1956-1957 гг. им, совместно с Г.В.Юсуповым, были выявлены и рекогносцировано обследованы 8 городищ на севере Башкирии. На двух из них – Юмакаевском и Кансиярском – были проведены небольшие раскопки, показавшие, что эти памятники относятся к бахмутинской культуре [Мажитов 1959].

В это же время П.Ф.Ищерилов проводил небольшие раскопки (15 кв.м) на городище Уфа II (южная часть совре-

менного г.Уфы), открытом им в 1953 г. Собранную на памятнике керамику П.Ф.Ищерилов по форме и орнаментации разделил на три типа:

- толстостенные сосуды с плоским дном и большим (до 50 см.) диаметром горла. Сосуды этого типа грубой обработки и не орнаментированы, встречаются в верхних горизонтах культурного слоя (турбаслинская);

- сосуды небольших размеров с округлым или уплощенным дном, орнамент состоит из беспорядочно расположенных круглых ямок (бахмутинская);

- небольшие тонкостенные сосуды, украшенные по шейке и плечу горизонтальными поясками, чередующимися насечками или зигзагами (кушнаренковская).

Также встречаются обломки сосудов с лощёной поверхностью, украшенные верёвочным и зубчатым орнаментом (чияликская).

Общую дату городища Уфа-2 П.Ф.Ищерилов установил, приблизительно, в пределах 1 в. до н.э. – 7 в. н.э. [Ищерилов 1959, с.99].

В 1958 г. исследования городища Уфа II были продолжены Н.А. Мажитовым. Им также был заложен небольшой раскоп – 10х2 м – в котором были собраны многочисленные фрагменты керамики, разделенные исследователем на семь типов:

1 тип – неорнаментированные плоскодонные сосуды. Сделаны они от руки, из глины с примесью песка и дресвы. Поверхность их неровная и грубо обработанная. Большинство сосудов имеет форму горшков с низким или высоким горлом. Встречаются формы низких чаш. Встречают в верхних горизонтах культурного слоя и свя-

заны с поздним периодом существования городища.

2 тип – сосуды с высокими прямыми шейками, шарообразными туловами и плоским дном. Глина сосудов тщательно отмучена с примесью песка. Наружная поверхность хорошо сглажена водой. На внутренней поверхности имеются следы штампа. Орнамент располагается по шейке и верхней части тулова сосудов и состоит из горизонтальных резных поясков, чередующихся с полосами из мелких косых крестиков, ромбиков, ямок, треугольников, ёлочек, зигзагов.

3 тип – сосуды с невысокими слабо отогнутыми венчиками, низкими шарообразными туловами, округлым дном. Таких сосудов на городище найдено 30 экз., и все они украшены мелкими круглыми ямками, располагающимися хаотично по всей поверхности сосуда.

4 тип – от третьего типа сосуды отличаются лощёной поверхностью и орнаментацией в виде треугольных ямок, которые располагаются в один или несколько горизонтальных рядов по плечу. Сосудов этого типа найдено на городище 22 экз.

5 тип – небольшая группа сосудов, сделанных на гончарном круге. Сосуды неорнаментированные, чёрного цвета с короткими шейками и очень раздутым туловом. Найдены сосуды в верхних слоях культурных остатков.

6 тип – выделен из подъёмного материала. К этому типу относятся более 10 сосудов, имеющих высокие шейки и шарообразное тулово. Орнамент отсутствует.

7 тип – представлен одним фрагментом сосуда, также найден в подъёмном материале. Вероятно, этот сосуд

имел форму большого кувшина с сильно раздутым туловом. Орнамент состоит из круглых ямок, расположенных горизонтально в один ряд по шейке, и ёлочного узора по верхней части тулова.

Кроме того были найдены многочисленные костяные изделия: наконечники стрел с короткими плоскими черешками, пластинчатые накладки, полированная трубочка, служившая рукояткой меча или ножа, подвески из костей медведя. Из металлических предметов на городище найдены бронзовые пластинчатые бляшки, браслет с утолщенными концами, бляха-подвеска треугольной формы. Предметы из камня представлены обломками зернотёрок, жерновами, одним оселком.

В совместной с П.Ф.Ищериковым публикации материалов городища Уфа П.Н.А.Мажитов подтверждает датировку памятника, также опираясь при этом на парфянскую гемму. Бронзовую бляху и сосуды четвёртого типа он тоже относит к раннему периоду существования городища, находя аналогии этим предметам в памятниках пьяноборской культуры (I-II вв. н.э.).

Верхнюю дату городища исследователи по-прежнему устанавливают по сосудам третьего типа, которые характерны для памятников бахмутинской культуры (III-VII вв.н.э.) [Ищериков, Мажитов 1962, с.145].

Позже, когда была проведена культурно-хронологическая идентификация археологического материала, керамика памятника была отнесена к бахмутинской, турбаслинской, романовской и караякуповской культурам, а само городище было определено как памятник I тысячелетия н.э. [Археологическая карта Башкирии 1976, с.124, №1015].

Во второй половине 1960-х годов исследования средневековых городищ на территории Башкортостана проводит Г.И.Матвеева. Ею были проведены раскопки на *Юмакаевском городище* бахмутинской культуры (1969 г.) и двух из семи известных на территории республики городищах караякуповской культуры – *Кара-Якуповском* и *Старо-Калмашевском* (1966-1967 гг.). Материал первого из указанных памятников не опубликован, хотя из предварительной публикации известно, что в раскопе (500 кв.м) были исследованы следы двух наземных жилищ со слегка углубленными в материк полами, 49 ям хозяйственного назначения и собрана большая коллекция керамики мазунинского и бахмутинского типов [Матвеева 1970, с.166].

Материал караякуповских городищ опубликован автором частично. В публикации, в частности, указывается, что Кара-Якуповское городище было защищено двумя валами, один из которых раскапывался. Раскопки показали, что насыпь вала была земляная и имела в основании крупные известковые камни. По вершине вала был пущен частвокол, обугленные остатки которого также были выявлены раскопками [Матвеева 1975].

В начале 1970-х годов В.А.Ивановым, работавшим в составе Московского отряда Нижнекамской археологической экспедиции ИА АН СССР, были проведены раскопки на ряде городищ в низовьях р. Белой – Петер-Тау (Юлдашевском), Аначевском, Старо-Кабановском, Трикольском, Серенькино, Тра-Тау – городище Барьяза (Попова горка) на р.Быстрый Танып и городище Варьяс на правом берегу р.Уфы. Основной материал с нижнебельских

городищ относится к ананьинской и пьяноборской культурам, хотя практически на каждом из них собрана небольшая коллекция бахмутинской керамики. Из них полностью опубликованы материалы только городища Петер-Тау (Юлдашевского) [Иванов 1982].

В это же время (1973 г.) Ю.А.Морозовым были продолжены раскопки *Уфимского (Чортова) городища* с целью определения степени сохранности памятника на предмет его музеефикации и получения нового археологического материала. На западном и восточном краях площадки городища были заложены два раскопа общей площадью 193 кв.м. Из них раскоп 1 (западный) прорезал внутренний вал городища, представлявший собой земляную насыпь с глиняной подсыпкой по верху. Керамика представлена двумя группами – караабызской и бахмутинской, последняя количественно преобладает [Морозов 2000].

Первое обобщение материалов городищ мазунинской/бахмутинской культуры Прикамья и Приуралья было проведено В.А.Ивановым и Т.И.Останиной в начале 1980-х годов. К этому времени на территории Башкортостана наиболее исследованы были три городища указанной культуры: *Казакларовское I* (раскопки В.А.Иванова, Т.И.Останиной, 1980 г., вскрыто 18% площади памятника), *Барьяза* (раскопки В.А.Иванова, 1974 г., 6%) и Юмакаевское (раскопки Н.А.Мажитова, 1957 г. и Г.И.Матвеевой, 1969 г., в общей сложности 9,5% площади) [Иванов, Останина 1983, с.112, табл.3]. По площади городища (87 памятников) разделены авторами на три группы: малые (до 5 тыс. кв. м) – наиболее многочисленные;

средние (до 10 тыс. кв.м) – 28% городищ и большие (от 10 тыс. кв.м) – 24,7% городищ. На территории Башкортостана, где выявлены 53 мазунинских/бахмутинских городища, представлены все три группы памятников. Авторы также не обнаруживают никаких локальных особенностей ни в топографии памятников (все они относятся к типу мысовых), ни в системе оборонительных сооружений (преобладают городища, защищенные одним валом и рвом). Последние, по наблюдениям авторов, представляют собой обычные земляные насыпи, возведенные из грунта, взятого при рытье рва или с площадок городищ, без каких-либо дополнительных конструкций [Иванов, Останина 1983, с.108-111].

На городищах с территории Башкортостана выявлены следы очагов в виде пятен прокала, хозяйственные ямы и следы жилищ и хозяйственных построек (Казакларовское I городище).

Позже Т.И.Останина внесла коррективы в первоначальную типологию и разделила городища на три группы по следующим признакам: малые городища-крепости площадью до 3,5 тыс. кв.м; одноплощадочные городища-поселения площадью от 4 до 35 тыс. кв.м и многоплощадочные городища-поселения площадью от 4 до 33 тыс. кв.м [Останина 1997, С.86-91].

В последующие годы исследования средневековых городищ на территории Башкортостана проводилось эпизодически и спонтанно. В 1980 г. Б.Б.Агеев произвел небольшие раскопки на *Камышинском городище* в среднем течении р.Белой, известном еще с XIX в. Двумя раскопами (132 кв.м) было вскрыто около 1% общей площади памятника и траншеей разрезан

внутренний вал. Судя по стратиграфии траншеи, вал представлял собой деревянно-земляную конструкцию, сгоревшую, восстановленную и затем вновь сгоревшую. Основную массу находок на городище составляет керамика, среди которой преобладают (66,4%) фрагменты бахмутинских сосудов [Агеев, Овсянников. 2000].

В 1983, 1985-1986 гг. И.М.Акбулатов производит раскопки *Тантыковского городища* караякуповской культуры в низовьях р.Дема. Им было вскрыто около 644 кв.м. площади памятника и собрана богатая коллекция керамики, позволившая автору создать детальную, статистически обоснованную типологию караякуповских сосудов [Акбулатов 1988].

В 1990 г., в связи с планируемыми земляными работами по расширению въездной автомобильной дороги на южной окраине г.Уфы, В.В.Овсянников производит охранные раскопки на стрелке *городища Уфа II* (на территории усадьбы дома Тушнова). Площадь раскопа составила 92 кв.м, мощность культурного слоя – 1,5 м.

Во время раскопок было обнаружено шесть хозяйственных ям, относящихся ко времени обитания поселения. Но, судя по стратиграфическому залеганию слоёв, эти хозяйственные сооружения не одновременны. Ямы различны по форме и конструкции. Подобные ямы встречаются на памятниках раннего средневековья в Южном Приуралье – Юмакаевском городище и Новотурбаслинском II селище. Видимо, такие ямы предназначались для хранения зерна. Основную массу находок, относящихся к раннему средневековью, составляют обломки глиняной посуды. Овсянников В.В. разделил керамику на

шесть типов:

- лепные низкогогорлые горшки с отогнутым наружу венчиком и плоским дном. Тесто с примесью шамота, поверхность неровная. Относятся к романовскому типу, датируются V-VII вв.н.э.;

- лепные сосуды с низким и широким горлом, венчик отогнут наружу, дно круглое. В тесте примесь песка и мелких камушков. Орнамент состоит из круглых или треугольных насечек по всему сосуду. Относятся к бахмутинской культуре, датируются V-VII вв.н.э.;

- лепные низкогогорлые или широкогорлые чаши, с отогнутым наружу или прямым венчиком. Приплюснутое тулово, дно округлое. В тесте примесь просеянного песка, поверхность хорошо заглажена. Орнамент состоит из одного или двух рядов треугольных вдавлений по шейке сосуда. Это имендьяшевская керамика, датируется III-V вв.н.э.

- лепные сосуды с низким и широким горлом, венчик отогнут наружу, дно круглое. По плечу идёт уступчик. В тесте примесь мелкого песка. Орнамент полностью отсутствует. Близки сосуды турбаслинской керамики, датируются V-VII вв.н.э.;

- лепные горшки с высоким и узким горлом, венчик отогнут наружу, дно круглое. В хорошо отмученном тесте примесь просеянного песка. Стенки сосудов очень тонкие 3-4 мм. Богатый орнамент расположен по всей шейке и состоит из сочетания тонких резных линий с лунницевидными вдавлениями гребенчатого штампа и косыми насечками в различных комбинациях. Горшки относятся к кушнаренковской керамики, датируются VI-VII вв.н.э.;

- лепные низкогогорлые горшки, с отогнутым наружу венчиком и круглым

дном. Орнамент расположен в верхней части сосудов и состоит из резных линий, косых насечек, лунницевидных вдавлений, сделанных гладким штампом, а также насечек по венчику и «жемчужин». Керамика относится к караякуповскому типу, датируется VIII-IX вв.н.э. [Овсянников 1992, с.67-68, рис.1-5].

Судя по типам керамики, этнокультурный состав населения городища менялся: имендьяшевские и турбаслинские сосуды свидетельствуют о притоке новых групп населения с правобережья среднего течения р. Белой.

Найдены также обломки сосудов, не встречающиеся на территории Башкирского Приуралья. Такая посуда орнаментирована вдавлениями гребенчатого штампа и веревки, подобная керамика происходит с памятников Верхнего Прикамья, что говорит о существовании контактов между населением среднего течения р. Белой и этим регионом. Но что-либо определённое о характере этих контактов В.В. Овсянников сказать в своей работе затрудняется.

К керамическому комплексу также относятся фрагменты глиняных крышек и ручек от сосудов. Крышки относятся к романовской посуде, т.к. они встречаются только на памятниках с романовским комплексом, но ручки не удалось совместить ни с одним сосудом, хотя кувшины не редкость на памятниках раннего средневековья в Приуралье. По мнению В.Ф. Генинга, на которое ссылается автор публикации, подобные кувшины также относятся к романовскому комплексу.

Изделия из керамики представлены также пряслицами и тиглями. Изделия из камня – оселками и каменной

чашечкой. Наконечники стрел, накладки на руки, ручки для орудий труда – всё это изделия из кости. Также найдены две пастовые бусины, бронзовое колечко, рамка от пряжки и оригинальная находка рогового гребня, аналогичного которому нет на всей территории Башкирии (аналогию гребню В.В.Овсянников находит на Маклашеевском II городище имениковской культуры в низовьях Камы). По совокупности материала основное время функционирования городища Уфа -2 исследователь относит к V-VII вв.н.э.

Автор также делает вывод об основных событиях на месте поселения. Опираясь на стратиграфические наблюдения и размещение материала по горизонтам, он разделяет время существования поселения на три этапа:

- период заселения мыса и сооружение хозяйственных объектов (ямы).

Здесь преобладает керамика бахмутинской культуры. Этот слой начал формироваться не позднее V в.н.э. Об этом говорит присутствие здесь именинцевской керамики, исчезающей в V в.н.э. Видимо, тогда же происходит второй этап заселения городища.

- завершающий этап жизни городища. В слое преобладает романовская керамика, продолжает бытовать бахмутинская, зафиксировано появление кушнаренковско- караякуповской керамики. Кушнаренковская керамика, появление которой датируется концом VI в.н.э., позволяет очертить временные рамки второго этапа – V-VI вв.н.э. Автор не исключает, что поселение продолжало существовать и в VIII в.н.э., о чём свидетельствует присутствие караякуповской керамики [Овсянников 1992].

В 1998 г. археологической экспе-

дицией Башгосуниверситета под руководством В.В.Овсянникова и Ф.А.Сунгатова проводились исследования *городища Каменная гора* в среднем течении р.Уфы, впервые упомянутого А.В.Шмидтом. Городище расположено на узком треугольном мысу правого берега р.Уфы и с напольной стороны защищено двойной линией валов. Двумя раскопами, заложенными между валами (раскоп 1) и на внутренней площадке городища (раскоп 2), общей площадью 432 кв.м было вскрыто 2,4% площади городища. В раскопах обнаружены пять хозяйственных ям и четыре очага в виде прокалов-кострищ.

Траншеей 2-метровой ширины был прорезан внутренний вал городища. Это позволило исследователям восстановить его конструкцию как деревянно-земляную стену, сгоревшую, а позже засыпанную глиной и щебнем [Овсянников, Сунгатов 2004, с.228].

Основную массу находок на городище Каменная гора составляют фрагменты бахмутинской керамики, среди которых был выделен 91 сосуд. По форме тулова все они отнесены к типу горшков с отогнутым наружу венчиком (эта группа количественно преобладает), с прямым горлом и горлом, наклонным внутрь (закрытые).

Типологический анализ керамики городища Каменная гора позволил исследователям выделить два периода в его существовании: первый – IV-VIII вв. – бахмутинский; второй – X-XI вв. – мрясимовский. Завершение первого периода в истории городища авторы связывают с военным натиском на южные районы бахмутинской территории со стороны племен – носителей керамики романовского типа (турбаслинских?) [Овсянников, Сунгатов 2004,

с.237].

Таким образом, в настоящее время на территории Башкортостана широкими раскопками исследовались девять городищ эпохи средневековья. Из них семь возникли и существовали только в рассматриваемое время: Юлдашевское, Казакларовское I, Уфа II, Каменная гора основаны племенами бахмутинской культуры; три – Таптыковское, Кара-Якуповское и Старо-Калмашевское – племенами кушнаренковско-караякуповской культуры. Дольше всех существовали Уфимское (Чортово) городище, возникшее в I тыс. до н.э., как укрепленное поселение карабызских племен и продолжавшее оставаться таковым и в начале II тыс. н.э. (керамика чияликского типа), и Камышинское, в культурном слое которого встречается керамика ананьинской культуры.

А.М. Белавин
РЕДИКАРСКИЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
КОМПЛЕКС (по материалам
раскопок 1996г.)

В селе Редикар (Редикор) Чердынского района Пермской области и в его ближайшей окрестности расположен один из интереснейших и известнейших археологических комплексов эпохи средневековья Пермского Предуралья – Редикарский. Указанный комплекс памятников включает в себя одноименные городище и могильник на правом берегу р. Вишеры.

В 1996г. силами Северного отряда Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного педагогического университета (КАЭЭ ПГПУ) были произведены его раскопки.

Редикарское городище

Редикарское городище расположено на треугольном мысу коренного берега р. Вишера высотой до 49 м над уровнем уреза воды в окрестностях с. Редикар. Городище известно еще с XVIII в. Впервые обследовано в 1894 г. Береженцевым. В 1895 г. городище осматривалось С.И. Сергеевым [Сергеев 1896], в 1954 г. было обследовано И.А. Лунеговым [Лунегов 1954], в 1968 г. изучалось В.Ю. Лещенко, в 1971 г. - В.А. Обориным [Оборин 1972]. Материалы из сборов на городище и в окрестностях села имеются в археологической коллекции Теплоуховых, городище у с.Редикар неоднократно упоминает-

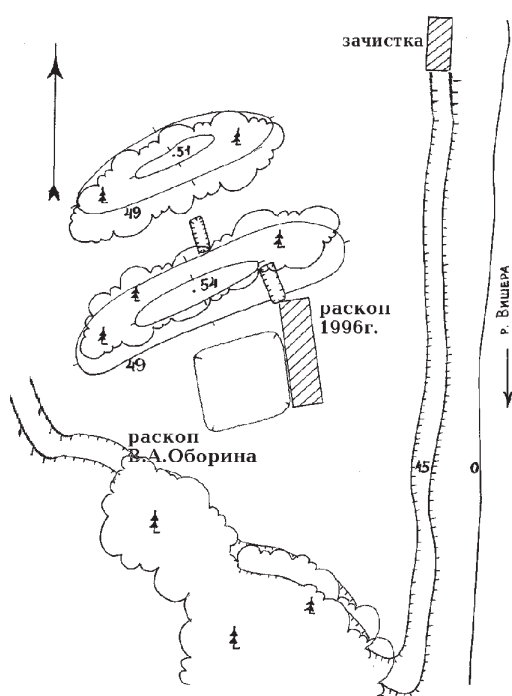

Рис. 1. План Редикарского городища

ся в их археологическом дневнике и в отчетах ИАК, в том числе в связи с находками в окрестностях с.Редикар двух драгоценных монетно-вещевых кладов эпохи Раннего Средневековья. В ходе исследований Сергеева, Лунегова, Оборина на городище были выявлены остатки оборонительных укреплений, древние погребения. Найдены предметы вооружения IX-XIII вв., костяные изделия, украшения IX-XIII вв., костяной крест XV в. Все это позволило В.А.Оборину считать Редикарское городище опорным памятником при выделении северного варианта родановской археологической культуры, а Р.Д.Голдиной опорным памятником ломоватовской культуры Прикамья.

Оборонительные сооружения городища значительно отличаются от большинства родановских городищ. С северной (напольной) стороны площадка городища ограничена двумя валами и хорошо фиксируемым ровом

между ними. Размеры сохранившейся части внешнего вала 44 м в длину при ширине в основании 8 м. Размеры сохранившейся части внутреннего вала 42 м в длину и 12 м в ширину. Между валами ров шириной 8 м и глубиной до 1,2 м. К востоку от сохранившейся части внутреннего вала имеется небольшой останец от него же размерами 6 x 4 м, что указывает на то, что данный разрыв в валу имеет позднее происхождение и связан с обустройством проезда на площадку городища сельхоз техники, так как площадка городища долгое время распахивалась.

Высота внешнего вала над полем около 120 см, высота внутреннего вала над площадкой более 3 м. Мимо внешнего вала городища проходит грунтовая дорога в с. Пянтег, до которого около 7 км. Ширина площадки (в предвальной части) 65 м, максимальная длина (по осевой линии) 82 м. Таким образом площадь памятника (включая валы) составляет 2600 кв.м. С востока площадка городища ограничена обрывом берега к р. Вишера, с юго-запада крутым и глубоким логом, поросшим еловым лесом.

В начале 1980-х гг. на городище планировалось устроить верхний склад Редикарского леспромхоза, с этой целью валы городища были подрезаны бульдозером в западной части и сnivelирована центральная и юго-восточная оконечность площадки, где были устроены "быки" для закрепления бревно-удержательных цепей, однако после вмешательства отдела культуры Чердынского отдела культуры разрушение площадки памятника было остановлено, хотя и принесло большие разрушения культурного слоя.

В центральной части площадки и на ее восточной окраине у обрыва чет-

ко фиксируются остатки раскопов В.А.Оборина, часть из которых была оставлена не засыпанными. Следы двух не засыпанных траншей Оборина и Лещенко видны в теле внутреннего вала, как со стороны площадки, так и со стороны рва. Через всю площадку с СЗ на ЮВ проходит обдернованная, но не засыпанная траншея шириной 1 м - результат тех же раскопок. Восточный край площадки городища имеет ряд осыпей, вызванных подмывом берега, но этот подмыв касается, в основном, средней части коренного берега и культурный слой городища не нарушается. Более того большая часть восточного края площадки хорошо обдернована и поросла подлеском - обрушение в ближайшие годы ей не грозит. Таким образом состояние памятника в середине 1990-х годов может быть признано удовлетворительным.

Основная цель раскопок, предпринятых в 1996г., – установить степень сохранности памятника и возможность его широкомасштабного изучения. В связи с относительно удовлетворительным состоянием памятника было принято решение ограничиться небольшим раскопом, примыкающим к восточной части раскопа В.А. Оборина, с целью проверки сохранности культурного слоя центральной части площадки городища. Кроме того, было решено устроить шурф на краю обрыва за валами городища и зачистку края обрыва, как предполагалось, на месте разрушенной части внешнего вала.

В 1996г. на городище был заложен раскоп площадью 42 кв.м (рис.2). Перед разбивкой раскопа Д.В.Васильевым был снят инструментальный план памятника, что позволило четко связать его с остатками предшествующих раскопок. Фактически раскоп 1996г. соеди-

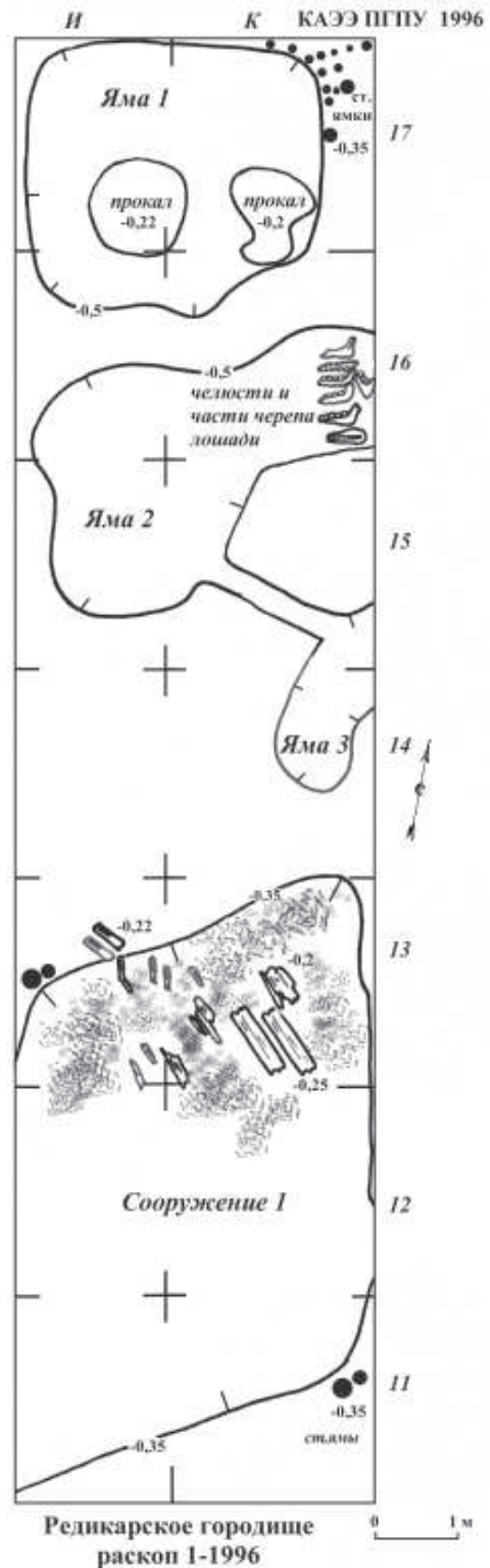

Рис.2. План раскопа 1-1996

нял раскоп №1 В.А. Оборина с его же траншеей. Поэтому ширина раскопа составила всего 3 метра.

Нивелировка раскопа 1996 г. осуществлялась инструментально от условного нулевого репера памятника. Поверхность раскопа была относительно ровной и покатой - следствие нивелировки площадки под склад леспромпхоза. Максимальный перепад высот составил 90 см, раскоп имеет покатость в сторону южной оконечности площадки.

Стратиграфия изученной части памятника проста:

1.Сверху залегал дерново-почвенный слой, состоящий из светло-коричневой супеси с мощным корневым слоем травы. В дерне мощностью до 8 - 10 см встречены отдельные находки в виде фрагментов керамики, мелких кусочков коррозированного железа и дробленых костей. Такое положение связано с тем, что данный дерновый слой образовался за счет культурного слоя, так как стерильный дерновый слой был снят с площадки при ее нивелировке под склад леса.

2.Под слоем дерна залегал слой темно-коричневой супеси с находками керамики, железных и бронзовых изделий и других предметов — культурный слой. Мощность культурного слоя от 30 до 78 см, в ямах 160 см. Характер слоя однородный, что связано с хронологической однослойностью памятника.

3.Культурный слой повсеместно подстилался светло-серой супесью с примесью песка и мелкой гальки - материковый слой.

На раскопе было выявлено 3 ямы, остатки двух прокаленных очажных площадок и скопление плах.

В южной части раскопа зафиксировано углубление культурного слоя от 35 до 50 см от поверхности с относительно ровным дном - возможно, что это остатки разрушенного слабо углубленного сооружения, был четко замечен слегка скругленный угол этого сооружения, однако в раскопе и траншее В.А. Оборина его следов нет. В центральной части этого углубления на глубине 20 см от поверхности зафиксированы остатки нескольких обугленных деревянных плах толщиной 7-9 см и углистая прослойка, возможно, что это остатки перекрытия данного сооружения. Данное сооружение можно интерпретировать как остатки жилища, однако в нем не выявлено следов очага.

На участках И,К - 14,15,16 зафиксированы остатки двух ям. Обе ямы (№ 2,3) зафиксированы на глубине 50 см от поверхности, имеют условно прямоугольную форму. В одной из них отмечена прослойка плотного желтого речного песка мощностью до 10 см расположенная на дне. В ямах найдено несколько десятков фрагментов лепной керамики. Глубина ям не превышала 70 см от поверхности.

Обе ямы уходят в траншею В.А. Оборина, у восточной стенки одной из ям на квадрате К-16 на глубине 15 см от поверхности обнаружена выкладка из 5 пар нижних челюстей и одной верхней части черепа лошади, расположенных в линию с севера на юг.

Яма №1 находилась на участках И,К-17,16, имела подпрямоугольную форму, пологие стенки и ровное дно. Северная стенка имеет на уровне дна небольшой подбой. Размеры ямы на уровне фиксации 230 x 270 см. Максимальная глубина ямы 1,6 м от поверхности. Основным объемом ямы заполнен

культурным слоем, однако от уровня 65-70 см заполнение ямы приобретает слоистый характер. От этого уровня и до дна ямы залегал слой плотной темно-серой супеси, который на уровне 84-94 см от поверхности прорезался линзой углистой супеси.

В пределах ямы на уровне 20-24 см от поверхности зафиксировано два пятна прокаленной оранжевой супеси - возможно, остатки каких-либо поздних очагов, снесенных при нивелировке площадки городища бульдозером. Мощность прокаленного слоя 4-7 см.

За пределами основной площадки городища на расстоянии 40 м от северной стенки раскопа №1 на краю обрыва над р. Вишера была проведена зачистка обнажения. Поверхность зачистки ровная, зачистка в ширину занимала 1 м площадки и была углублена на 1 м. Площадь зачистки 6 кв.м.

Стратиграфия зачистки значительно отличается от стратиграфии раскопа:

1.Сверху залегал слой дерна мощностью 4-8 см.

2.Под ним залегал слой плотной темно-коричневой супеси мощностью от 10 до 24 см. В этом слое встречено несколько мелких фрагментов пористой лепной неорнаментированной керамики и обломки костей.

3.Под этим слоем залегал слой темно-коричневой супеси, в котором также сделаны находки керамики. Мощность этого слоя до 38 см.

4.В южной части слой темно-коричневой супеси подстилался слоем светло-серого песка мощностью до 16 см.

5.Под ним залегала прослойка речного желтого песка толщиной до 8 см.

6.Материковый слой - супесь с

примесью мелкой гальки.

На расстоянии 34 м от северной оконечности зачистки на краю террасы был заложен шурф № 1 размерами 2х2 м. Шурф также показал наличие культурного слоя:

1.Сверху залегал слой дерна мощностью до 5 см.

2.Под ним находился слой темно-коричневой супеси мощностью до 88 см. В этом слое собраны фрагменты керамики и обломки костей. На глубине 21 см от поверхности в центре шурфа был найден железный граненый броневой наконечник стрелы XI-XII вв. болгарского типа.

3.Этот слой подстилался прослойкой речного песка в котором найдено несколько пережженных мелких косточек. Мощность этой прослойки до 24 см.

4.Материк - темная супесь с примесью мелкой гальки.

Шурфом и зачисткой было установлено наличие культурного слоя на значительном удалении от внешнего вала городища. Характерно, что за линией проселочной дороги на поросшем овсом поле так же встречены фрагменты керамики. Городище, таким образом, имело неукрепленный посад, значительно превосходящий по своей площади укрепленную часть поселения. В наши дни большая часть посада подвержена распашке.

Материальная культура городища (рис.3, 4, 5)

При раскопках на городище собрана небольшая, но выразительная коллекция древностей, характеризующих период Средневековья Верхнего Прикамья.

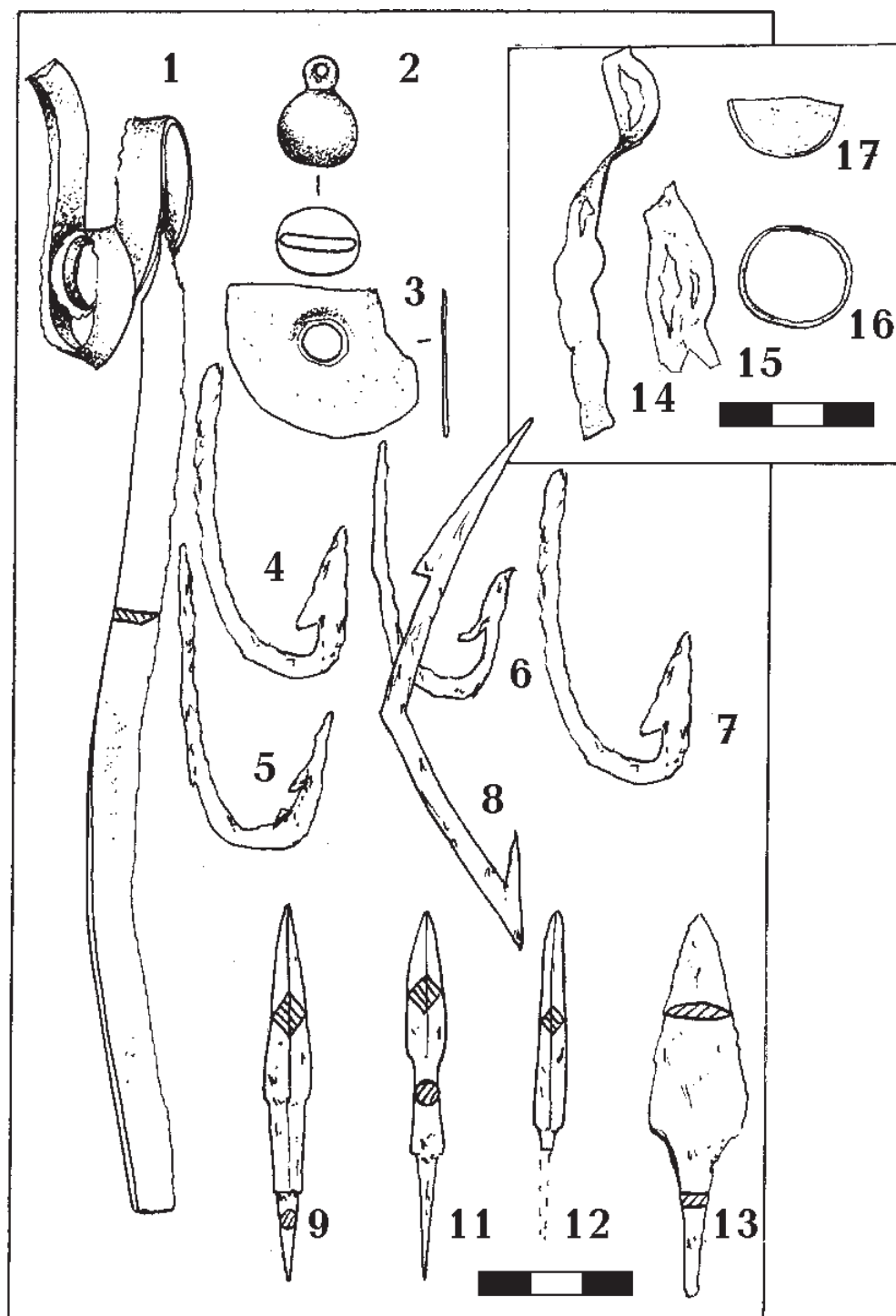

Рис.3. Материальная культура Редикарского городища.
Материал: бронза-1,3,8; железо- 5,4; остальное серебро

Бронзовые предметы представлены фрагментами бронзовых обкладок и деталей котелков (рис.3,ф.3), бубенчиками и обломками других бронзовых деталей костюма. Интересна находка

длинной скрученной бронзовой пластины, сделанная на поле перед внешним валом городища (рис.3, ф.1).

Серебряные предметы представлены тонкими серебряными пластинами

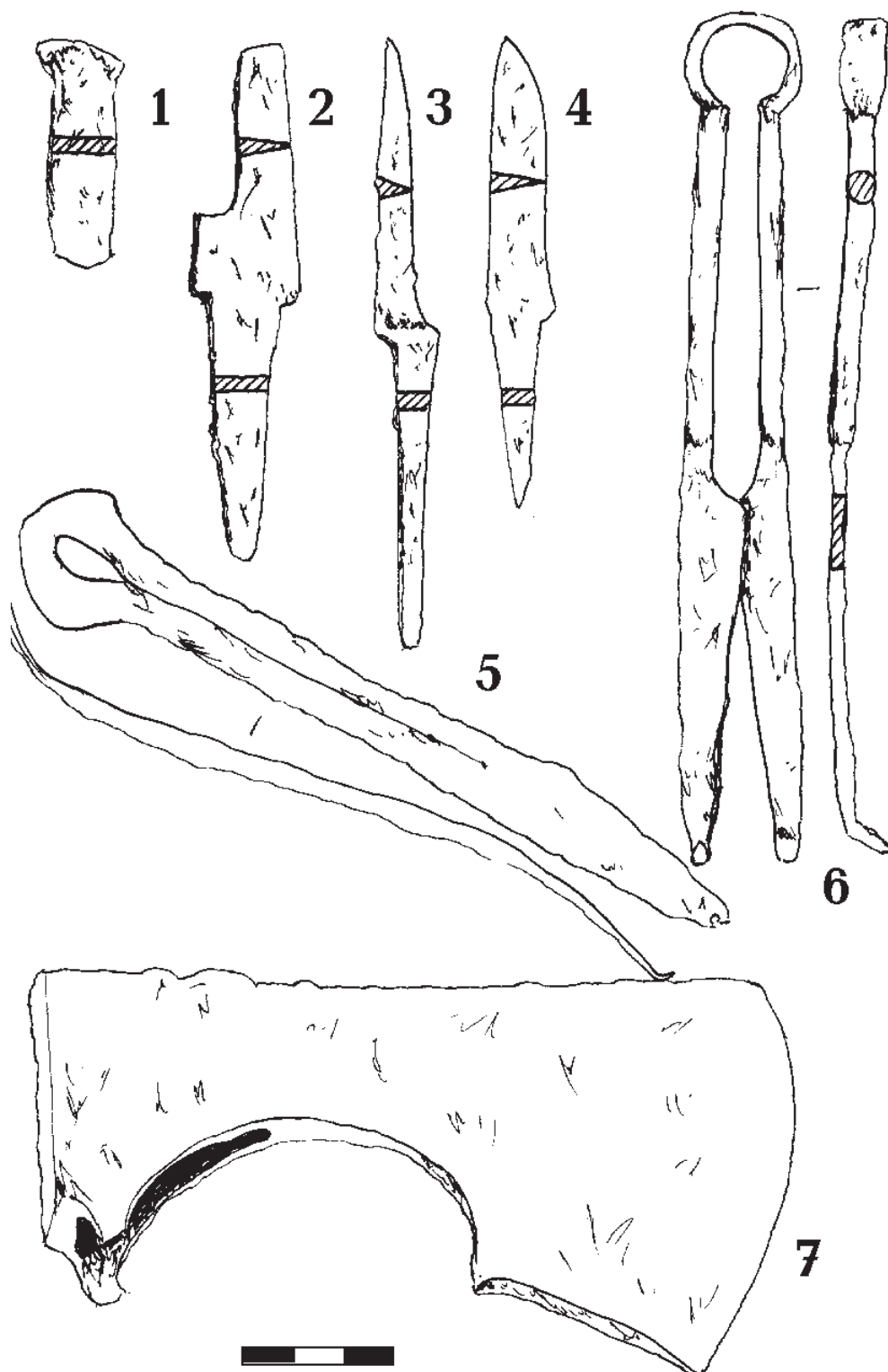

Рис.4. Железные изделия из раскопок Редикарского городища

с овальными прорезями (рис.3, ф.14,15), найденными на поле перед внешним валом городища, фрагментом

круглой монетовидной привески (рис.3, ф.17) и круглопроволочным кольцом (основа от височной привес-

ки - рис.3, ф.16). Пластина с прорезьями напоминает хорошо известные по материалам Редикарского могильника (раскопки И.А. Лунегова) погребальные маски-наглазники и, видимо, является их заготовкой.

Железные изделия более разнообразны. На городище найдено 4 железных ножа и их обломка разной величины (рис. 4, ф.2-4). Практически все ножи относятся к так называемым универсальным “коленчатым” с характерными уступами при переходе спинки и лезвия в черешок. Такие ножи характерны для древностей родановской археологической культуры XII-XIV вв. [Финно-угры 1987, табл. LXV, ф.36].

Особый интерес представляют пружинные ножницы типа ножниц для стрижки овец (рис. 4, ф.6), найденные в яме № 1 на глубине 68 см от поверхности. Такие ножницы известны в древностях Предуралья и Поволжья XII-XIV вв. [Финно-угры 1987, табл. LXV, ф.35]. Кроме того найден крупный железный кочедык так же характерный для позднеродановских древностей XIV-XV вв. (рис.4, ф.5).

В той же яме на глубине 72 см от поверхности найден крупный железный топор универсального типа (рис.4, ф.7). Такие топоры характерны для древностей Прикамья XI-XV вв. [Финно-угры 1987, табл. LXV, ф.12].

На участке К-13 у восточной стенки раскопа на глубине 31 см от поверхности найден пакет спекшихся крупных рыболовных крючков с выделенными бородами. Такие крючки (рис. 3, ф. 4-7) характерны для пермских древностей X-XIII вв. и известны практически на всех памятниках этого времени. Пакет был в древности переплетен истлевшей к нашему времени бе-

рестой, ее отпечатки имеются на верхнем и нижнем крючках. Он, видимо, являлся ценной принадлежностью рыболова. Интересна находка железной двушипной остроги (рис. 3, ф.8) с разнонаправленными шипами, также характерной для указанного времени.

При раскопках найдено пять наконечников стрел (рис.3, ф.9-13). Три граничных с упором бронебойные болгарского типа XI-XII вв., а два плоских черешковых наконечника без упора, характерных для ломоватовских древностей VIII-XI вв. Болгарские наконечники, вероятно, попали на городище не как предмет обмена, а в результате боевых действий. Не случайно они найдены в слое углистой прослойки, составлявшей перекрытие описанного выше сооружения. Связывая наконечники с моментом прекращения функционирования сооружения можно датировать его XI-XII столетиями.

Костяные изделия (рис. 5) представлены находками 4 наконечников стрел и их обломков трапециевидного сечения. Из прочих находок интересен фрагмент плоской костяной накладки, украшенной просверленными дырочками (рис.5, ф.1).

Глиняные изделия (рис. 5) представлены тремя круглыми плоскими пряслицами, выточенными из стенок керамических сосудов, в том числе одно из них сделано из стенки болгарского красноглиняного сосуда со следами полосчатого лощения.

Основу коллекции составляют 128 фрагментов от 42 глиняных сосудов ручной лепки типичного прикамского облика (рис. 5, ф.9-11). Основная масса керамики пористая (90%), в качестве примесей использована мелко толченая раковина, песок. Часть посуды не ор-

Рис.5. Костяные и керамические изделия Редикарского городища

наментирующая. Из числа орнаментированных преобладают ямочный орнамент - 4 сосуда (15%), оттиски гребенчатого штампа - 10 сосудов (36%), оттиски шнура - 12 сосудов (44%). Орнаментация керамики Редикарского городища может быть охарактеризована как гребенчато-шнуровая, что является типичным для периода Раннего Средневековья Верхнего Прикамья.

Помимо лепной керамики местного происхождения на городище найде-

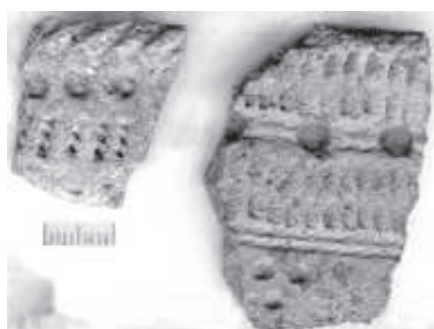

Рис. 6. Венчики от юдинских сосудов

но 23 фрагмента от 5 лепных сосудов зауральского происхождения. Эти сосуды характеризуются примесью песка и дресвы в тесте, сочетанием плотного шнурового, наклонного гребенчатого и ямочного орнаментов (рис. 6) и имеют аналогии среди керамики юдинской культуры в материалах Ликинско-го и Пылаевского могильников. Найдено также 7 фрагментов болгарской красноглиняной посуды, четыре из которых, вероятно, от толстостенных тарных корчаг.

В культурном слое собраны куски железных шлаков, несколько фрагментов железных криц, небольшие обломки керамических изделий, покрытых медной ошлаковкой - вероятно фрагменты литейных тиглей.

В целом комплекс находок, сделан-

ных на Редикарском городище, характерен для поселений северного варианта родановской культуры X-XIV (XV) вв. Городище представляется жилым племенным центром одной из вишерских групп. На городище, вероятно, существовали развитые домашние промыслы в области обработки металлов.

Редикарский могильник

Могильник расположен в центре с. Редикар, в районе школы на правом берегу р. Вишера на склоне полого холма, выходящего к реке. Ограничен постройками магазина, школы (столовая), спортивной площадки школы, сараями и жилыми сооружениями, дорогами (рис. 7). Памятник был открыт и впервые обследован И.А. Лунеговым в 1950 и 1960 гг. [Лунегов 1955, с. 124-128]. Изучался в 1971 г. В.А. Обориным. К 1996 г. на памятнике вскрыто 43 погребения. В них найдены предметы вооружения, части поясного набора, конское убранство. По мнению В.А. Оборина могильник полностью исчерпан. Однако в начале лета 1996 г. на дороге перед магазином была найдена крупная пряжка из бронзы с изображением медведя, явно происходящая из какого-либо погребального комплекса.

Поверхность площадки могильника крайне не ровная, покрыта буграми и ямами от перекопов, при выравнивании спортивной площадки частично засыпана материковым слоем. По площадке проходит несколько тропинок, а с южной стороны линия электропередачи.

В 1996 г. на могильнике было заложено два раскопа № 5 и 6. Их нумера-

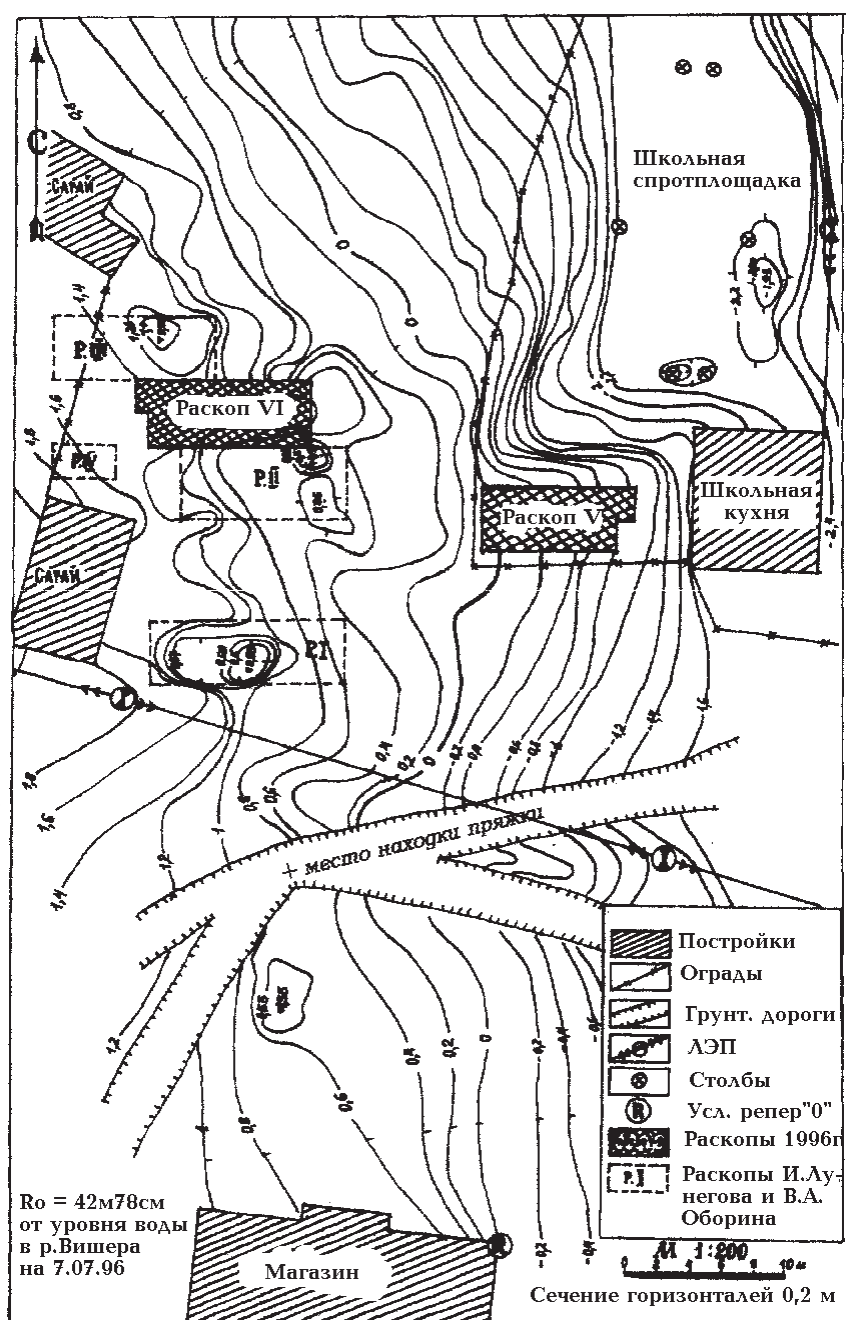

Рис. 7. План Редикарского могильника

ция продолжала нумерацию раскопов Лунегова и Оборина.

Раскоп № 5 был заложен на территории школьной площадки у кухни - там где естественные отложения не были нарушены бульдозером при выравнивании спортивной площадки. Площадь раскопа 26 кв. м, он занимал

участки 2х2м Ж, Д- 11-15 общей сетки раскопок памятника. Площадка могильника не ровная имеет покатость в сторону школьной кухни (к востоку). Перепад высот на раскопе составил до 83 см. Поверхность раскопа оказалась перекрыта мощной насыпью материкового слоя при разработке спортивной

площадки школы. Стратиграфия раскопа следующая:

1.Сверху залегал слой дерна мощностью 3-6 см.

2.Под слоем дерна находился слой битого песчаника - отвал с баскетбольной площадки, мощность слоя от 20 до 54 см, этот слой полностью выклинивался к юго-востоку раскопа.

3.Под слоем битого песчаника залегал слой темно-серой супеси мощностью до 40 см, данный слой оказался связанным с погребениями, которые, начинаясь в нем, углубляются в материк.

4. Этот слой подстилался материковым слоем - песчаник с красно-коричневой глиной.

На раскопе выявлено два погребения, получившие порядковые номера 44 и 47. Кроме погребений на раскопе собраны отдельные вещи, происходящие из разрушенных погребений. Большая их часть залегала на глубинах от 24 до 60 см от поверхности, в слое темно-серой супеси. Из этих находок наиболее примечательными являются фрагмент черепа человека, найденный на участке Д-11 на глубине 47 см ; железное стремя, найденное на том же участке на глубине 24 см.

Раскоп № 6 был разбит между сараем и жилой усадьбой к северо-западу от школьной кухни и раскопа №5 между двумя аморфными ямами, которые были идентифицированы как раскопы 3 и 2 В.А. Обороина и И.А. Лунегова.

Раскоп № 6 занимал участки 2х2 м Й,И - 1-5 общей стеки раскопок памятника. Поверхность раскопа пока в северо-восточном направлении, перепад высот на поверхности раскопа составляет около 1 м.

Стратиграфия раскопа достаточно

проста:

1.Дерновый слой мощностью до 8 см.

2.Под ним находился слой темно-серой супеси мощностью от 28 до 58 см.

3.Этот слой подстилался песчаником с темно-коричневой глиной.

На раскопе было выявлено 7 погребений, погребения залегали в слое темно-серой супеси на её границе с материком. Помимо погребений на раскопе собран ряд вещей в междумогильном пространстве, в том числе два развала небольших сосудов на участке И-5 на глубинах 20 и 18 см. от поверхности и рядом с ними человеческий зуб, стеклянная желтая двучастная бусина, колоколовидная пронизка - вероятно, остатки какого-либо жертвенно-поминального комплекса. Часть раскопа, видимо, входила в один из неучтенных отчетами раскопов И. Лунегова, во всяком случае два погребения (№ 49, 50) имеют вид перекопанных. Лунеговым костяки из земли не извлекались и уцелели только те предметы, которые лежали под костями. По воспоминаниям местных жителей, детьми принимавших участие в раскопках Лунегова в 1960г., он поступал именно так - костяки не выбирались и собирались только те вещи, которые лежали над костями. Подобная методика сегодня может быть охарактеризована не иначе как грабительская.

Описание погребений Редикарского могильника

Погребение № 44 (рис. 8).

Расположено на участке Д/14 раскопа V. Очертания могильной ямы не прослеживаются. Зафиксировано на

глубине 45 см от поверхности по изменению плотности слоя внутри заполнения могильной ямы. Размеры могильной ямы составляют 140 см в длину, 43 см в ширину. Глубина дна от поверхности 70 см. В западной и восточной частях могильная яма ограничена выходами песчаника. Дно ямы ровное, стенки вертикальные. Заполнение могильной ямы составлял слой темно-серой супеси.

Сохранность костяка плохая. Кости располагались на глубине 60-65 см от поверхности. Скелет лежал вытяну-

то на спине, головой на запад. Левая рука вытянута вдоль туловища, от правой руки сохранилась только плечевая кость, поэтому ее расположение при захоронении неясно. Части черепа лежат в области ног. В области груди на глубине 55 см от поверхности найдено копыто лошади, ниже - в области живота - фрагмент лошадиной челюсти, у локтя правой руки на глубине 51 см - зуб лошади, между костями нижних конечностей скелета - три лошадиных зуба на глубине 46 см от поверхности.

Погребальный инвентарь пред-

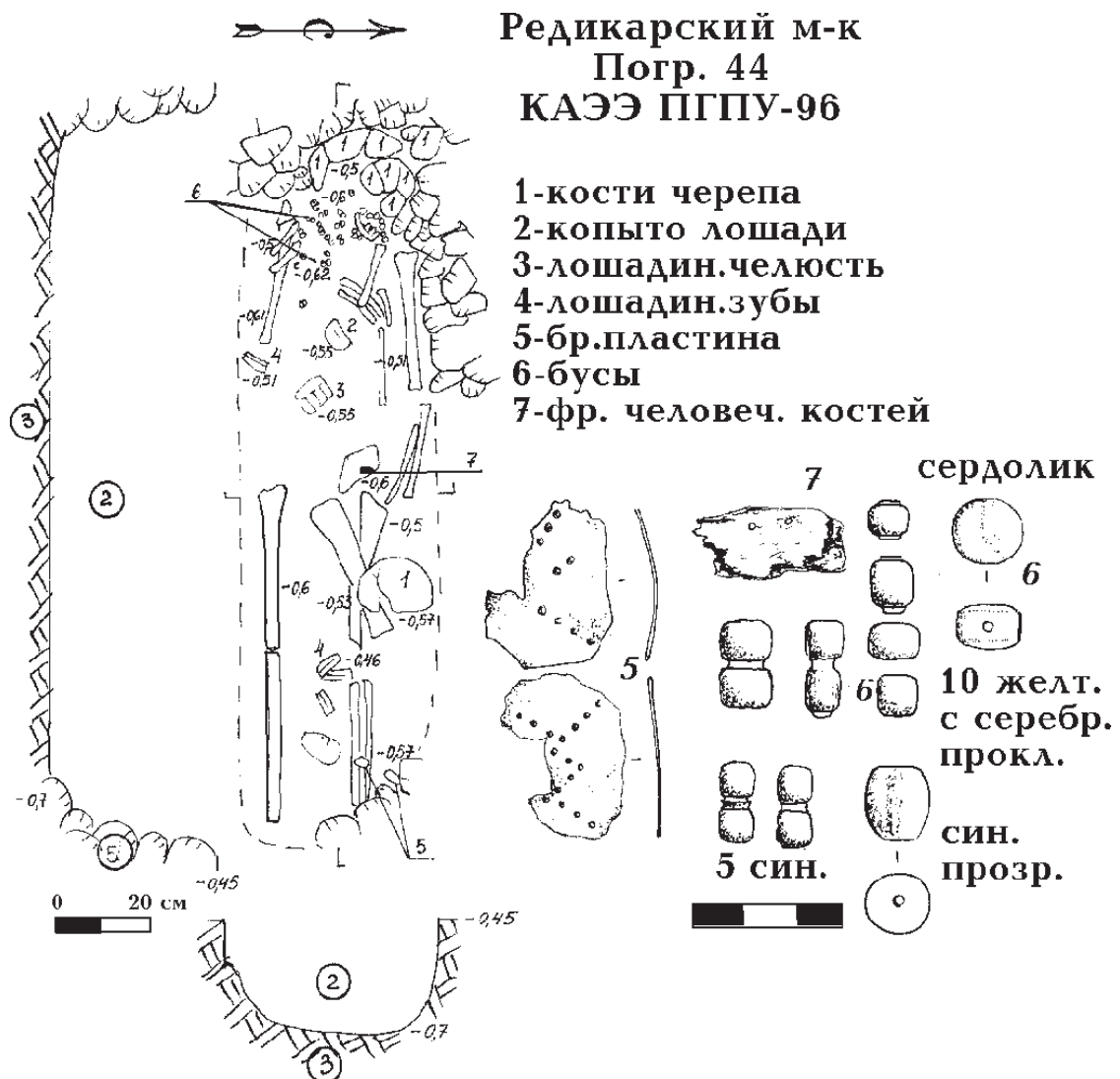

Рис.8. Погребение № 44

ставлен скоплением бус на глубине 60-62 см под нижней челюстью и в области груди, которые, вероятно, составляли ожерелье, двумя фрагментами бронзовой пластины с кружковым орнаментом, расположенными на глубине 57 см у левой ноги, и фрагментом кожи от поясного ремня со следами крепления накладок, обнаруженном на глубине 60 см под тазовой костью на фрагменте дерева. Вероятно погребение было совершено в гробу или на слое луба, о чем свидетельствуют темно-коричневые прослойки с остатками древесных волокон у стенок около дна ямы.

Данное погребение было разрушено раскопками И.А. Лунегова, однако им оказались не выбранными предметы, лежащие под костями, поскольку антропологические останки Лунегов при раскопках не выбирал.

Погребение № 45.

Обнаружено на участке И/2 раскопа VI. Очертания могильной ямы не прослеживаются. Погребение зафиксировано по изменению плотности грунта на глубине 40 см от поверхности. Ориентировано по линии З-В. Примерные размеры ямы - 120 см в длину, 82 см - в ширину, глубина дна от поверхности - 51 см. Дно ямы ровное, стенки пологие. Могильная яма заполнена рыхлой темно-серой супесью. В центральной части ямы прослежены полустлелые остатки столба диаметром 23 см.

Костяк представлен отдельными фрагментами костей, расположенными в западной части ямы на глубине 49-51 см. Погребальный инвентарь состоит из бусин, найденных в западной части ямы на глубине 50 см.

Погребение № 46.

Расположено на участках Й/1-1 раскопа VI. Очертания могильной ямы не прослеживаются. Погребение зафиксировано по изменению плотности грунта в заполнении могильной ямы на глубине 45 см от поверхности. Примерные размеры ямы - 190 см в длину, 60 см в ширину, глубина дна - 52 см от поверхности. Заполнение могильной ямы составляла рыхлая темно-серая супесь. Дно могильной ямы ровное, стенки пологие.

Костяк расположен в вытянутом положении на спине головой на запад, руки уложены вдоль туловища. Глубина залегания костей - 50 см. Череп разрушен, остальная часть скелета удовлетворительной сохранности. Слева от черепа найдено лошадиное копыто. У левой ноги вдоль бедренной кости располагались железный нож, фрагмент кресала и железный футляр для трута на глубине 52 см. Возле бедренной кости правой ноги на той же глубине обнаружен фрагмент бронзовой пряжки.

Погребение № 47 (рис. 9).

Зафиксировано на участках Ж/13-14 раскопа V в виде темно-серого пятна неправильной овальной формы на глубине 60 см от поверхности. Погребение ориентировано по линии З-В. Размеры могильной ямы 410 см в длину, 160 см в ширину, глубина дна - 79 см. Дно неровное, в центральной его части наблюдаются углубления неправильной формы, достигающие 96 см от поверхности. Стенки пологие. Верхнюю часть заполнения могильной ямы составляет слой рыхлой темно-серой

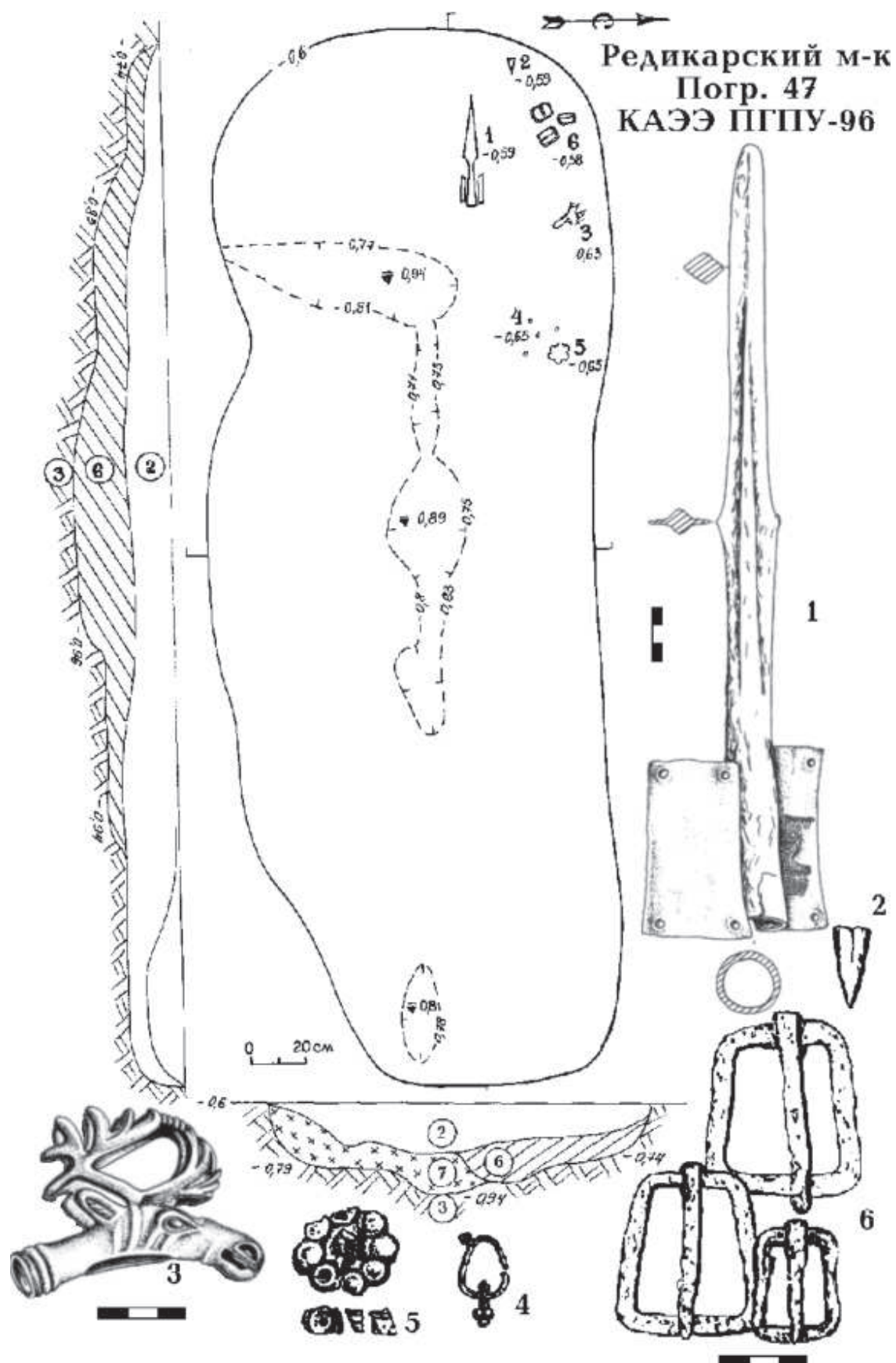

Рис.9. Погребение №47

супеси мощностью до 25 см, который в восточной части ямы перекрывается линзой черной супеси, достигающей в центральной части толщины 15 см. В северной и центральной части погребения слой темно-серой супеси подстилается слоем черной супеси мощностью до 20 см. В южной части могильной ямы в нижней части заполнения фиксируется слой с большим содержанием угля мощностью до 17 см.

Костяк в погребении не сохранился. Погребальный инвентарь сконцентрирован в северо-западной части погребения. Здесь обнаружен наконечник копья, точнее четырехгранной пики, возле втулки которой располагались две бронзовые пластины. На внутренней стороне пластин сохранились отпечатки ткани простого полотняного переплетения репсовой структуры. Западнее найден железный вток, который, как и наконечник пики, залегал на глубине 59 см от поверхности.

К северу от пики на глубине 58 см лежали три железные пряжки. Восточнее на глубине 63 см располагалось оригинальное объемное ажурное литое бронзовое навершие рукояти плети в виде головы лося. Далее к востоку на глубине 65 см найдено серебряное височное кольцо и фрагменты серебряного украшения в виде розетки из тонкой серебряной фольги.

Погребение № 48 (рис. 10)

Погребение располагалось на участках Й/2-3 раскопа VI. Зафиксировано на глубине 27 см от поверхности по изменению плотности грунта, очертания могильной ямы не прослеживаются. Яма частично перекрыта насыпью из битого песчаника - возможно, выб-

рос из раскопов И. Лунегова, который не заметил это погребение, засыпав его отвалом. Примерные размеры могильной ямы - 175 см в длину, 57 см в ширину, максимальная глубина дна - 54 см от поверхности. Дно понижается к западу, в центральной части погребения глубина достигает 45 см. Стенки пологие. Заполнение могильной ямы составляет слой темно-серой супеси.

Сохранность костяка удовлетворительная. Скелет лежал в соответствии с положением трупа «вытянуто на спине» головой на запад, руки располагались вдоль туловища.

Погребальный инвентарь представлен небольшим количеством предметов. На черепе справа на глубине 42 см найдено серебряное височное кольцо. Справа и слева от черепа и под нижней челюстью на глубине от 45 до 54 см находились бусы. На правой руке был надет бронзовый браслет.

Погребение № 49.

Погребение зафиксировано на участках Й/3-4 раскопа VI. Могильная яма не фиксируется. На глубине 30 см располагались остатки черепа и отдельные кости человеческого скелета и зубы лошади. Ориентация погребения - головой на запад. Погребальный инвентарь отсутствует. Это остатки одного из погребений, изученных И. Лунеговым.

Погребение № 50.

Расположено на участке Й/5 раскопа VI. Очертания могильной ямы не прослеживаются. Погребение фиксируется на глубине 30 см от поверхности по изменению плотности слоя внут-

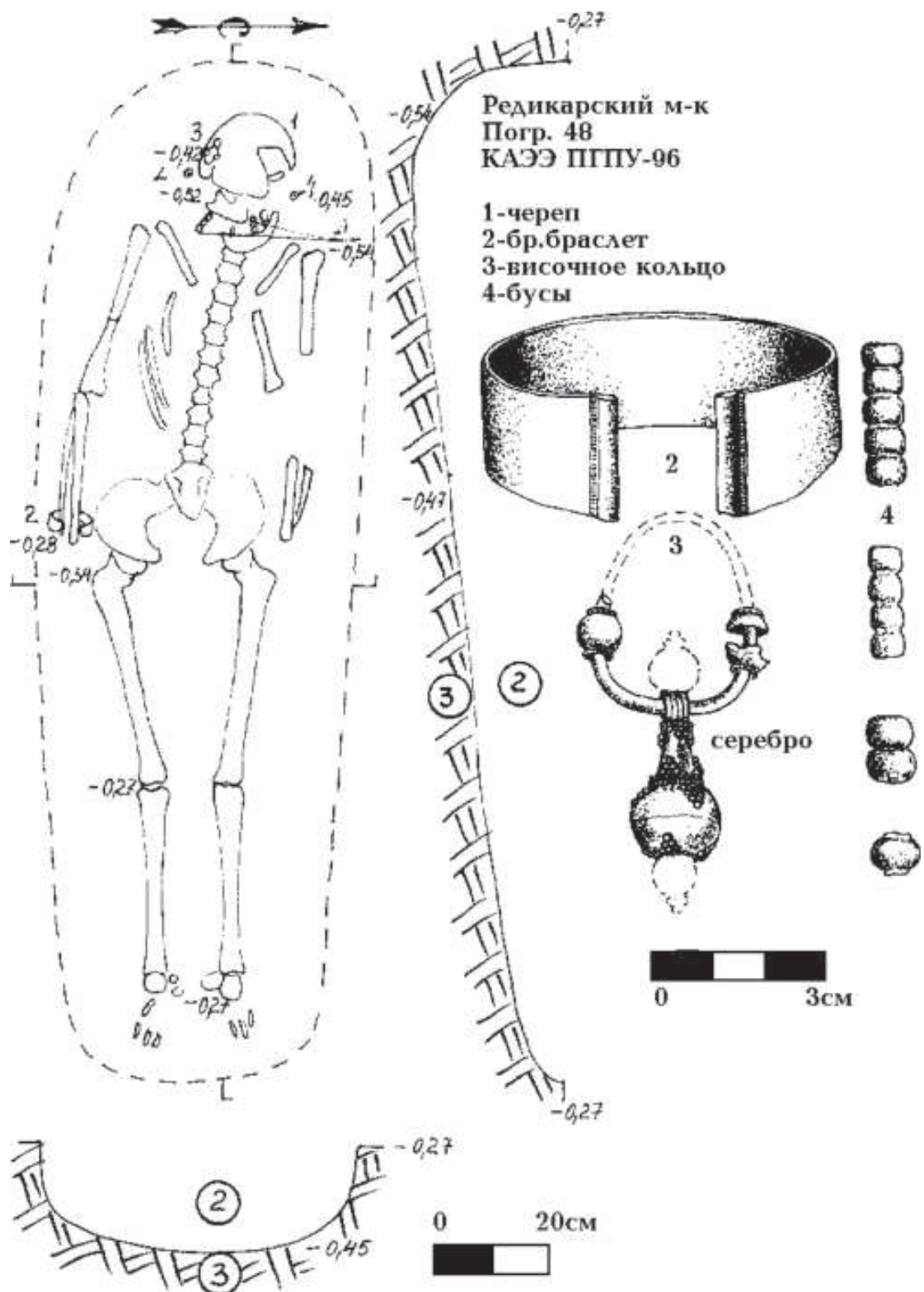

Рис. 10. Погребение № 48

ри заполнения могильной ямы. Размеры могильной ямы - 105 см в длину, 50 см - в ширину, глубина дна от поверхности - 47 см. Дно ямы ровное, стенки пологие. Заполнение составляет слой темно-серой супеси.

Кости скелета лежали беспорядочно. Остатки черепа расположены в западной части погребения на глубине 30 см. Возле черепа находились тазовая кость, кость нижней конечности, отдельные кости грудной клетки. В восточной части погребения располагались фрагменты костей нижних конечностей и фрагменты разбитой нижней челюсти лошади.

Погребальный инвентарь составляли бусы, находившиеся в области черепа и в центральной части погребения на глубине 37-41 см. Данное погребение также остатки захоронения, изученного И Лунеговым.

Погребение № 51 (рис. 11).

Обнаружено на участках И/3-4 раскопа VI. Очертания могильной ямы не прослеживаются. Погребение зафиксировано на глубине 30 см по изменениям в плотности слоя. Могильная яма частично перекрыта насыпью из битого песчаника, смешанного с коричневой глиной - выбросом из раскопа Лунегова, который не заметил данного погребения, благодаря чему оно уцелело и находилось в идеальной сохранности. Размеры могильной ямы - 180 см в длину, 63 см в ширину, глубина дна - 56 см от поверхности. Дно могильной ямы ровное, стенки пологие, заполнение составляет темно-серая супесь.

Скелет относительно хорошей сохранности лежал в соответствии с положением трупа «вытянуто на спине» головой на запад. Руки уложены вдоль

туловища. Погребальный инвентарь залегал в порядке прижизненного ношения предметов (рис. 12, 13). У черепа слева на глубине 47 см располагалось серебряное височное кольцо. Роль второй височной подвески, вероятно, выполняла шумящая подвеска-уточка, найденная справа от черепа на глубине 54 см. Под нижней челюстью обнаружено скопление стеклянных и бронзовых бус, составлявших ожерелье, в которое входили также две подвески на бронзовой основе - одна шестилепестковая, другая - четырех лепестковая. На основе подвесок сохранились следы припайки «лепестков» с сердоликовой вставкой, золотой шатон которых обрамлял один ряд мелкой золотой зерни и второй ряд - более крупной серебряной зерни. У более крупной шестилепестковой подвески было также напаяно две окружности из серебряной зерни в центральной части. В области живота обнаружено две шумящие бронзовые коньковые подвески, составлявшие накошники, которые, вероятно, крепились в прическе с помощью бронзовой подвески-костылька, соединявшегося с накошниками с помощью низок стеклянных и бронзовых бус, литых пронизок и спиралек. На левую руку был надет бронзовый браслет, браслет с правой руки находился возле бедренной кости. Под тазовой костью найдена бронзовая пряжка от поясного ремня. Справа на тазовой кости лежали фрагменты деревянных ножен, покрытых серебром; у левой ноги находилась еще одна часть ножен. Между костей нижних конечностей обнаружены напутственные вещи: фрагменты железного ножа, железные удила, фрагмент железной пряжки и бронзовая спираль. У правой ноги найдено железное стремя. Здесь же найдены

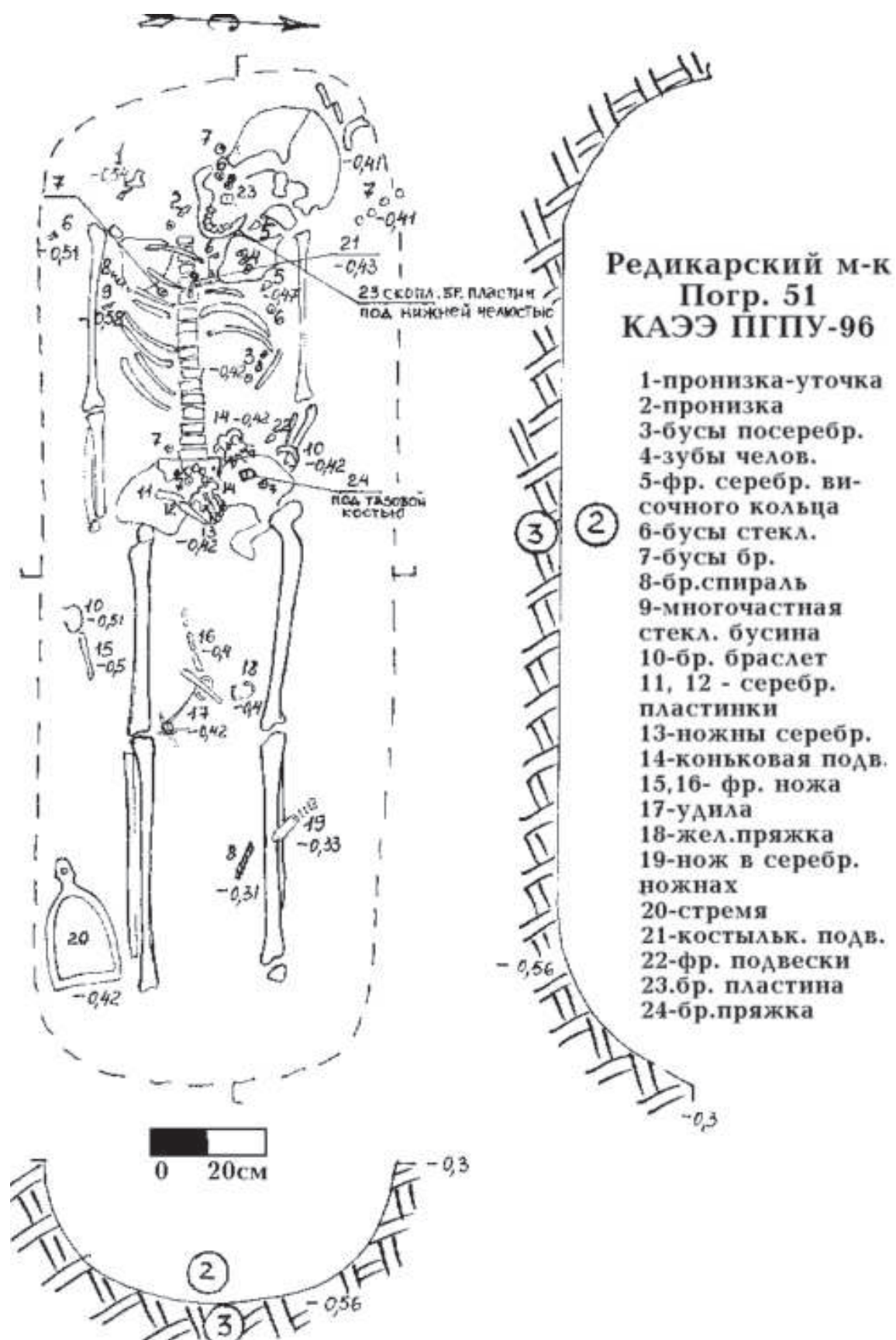

Рис.11. Погребение № 51

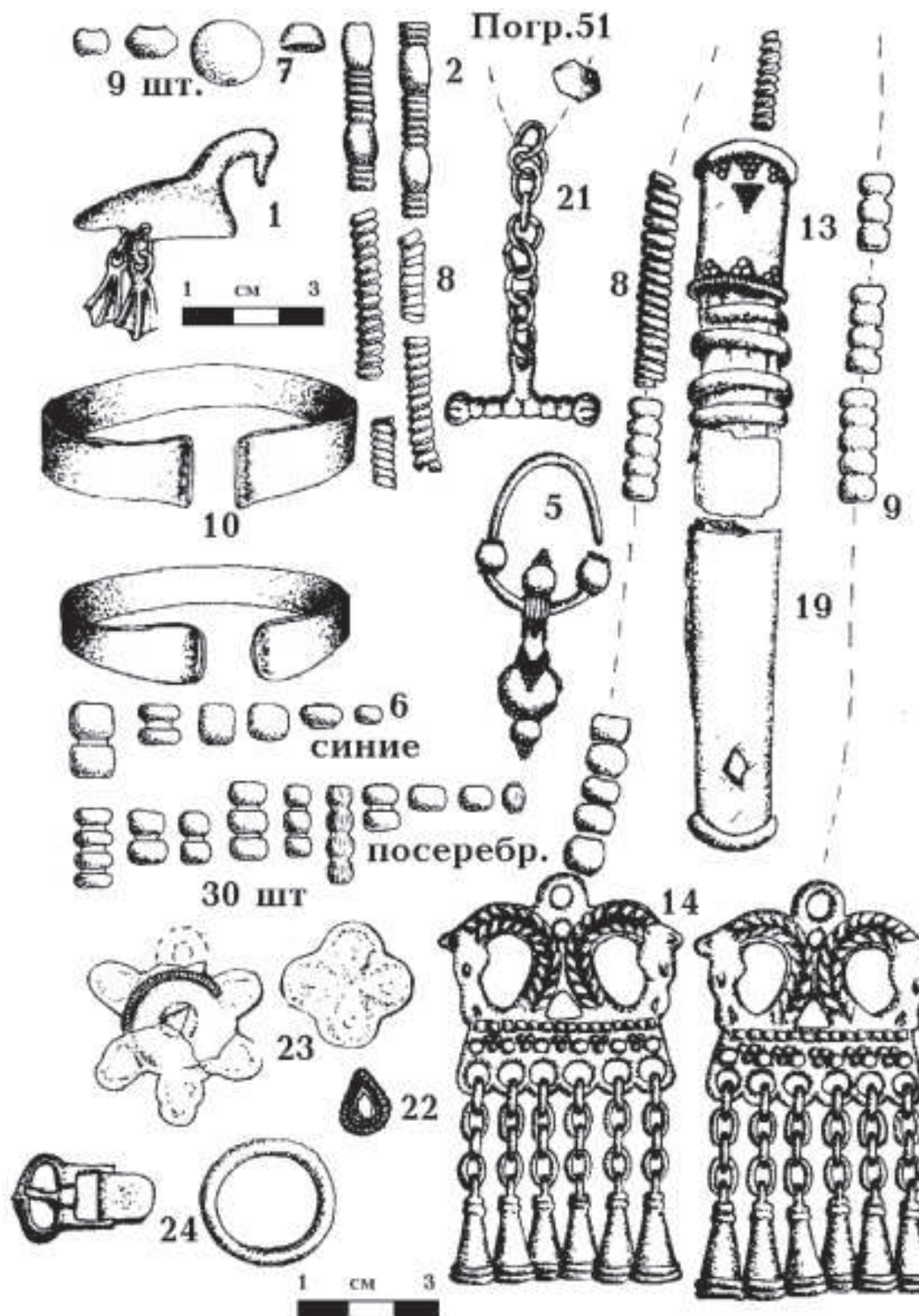

Рис. 12. Погребальный инвентарь из погребения №51
 5-серебро, зернь; 13, 19-дерево, бронза, серебро, золото
 22-золото, серебро, зернь, сердолик; 23-бронза, серебрянная скань; 8, 14, 21,
 24-бронза

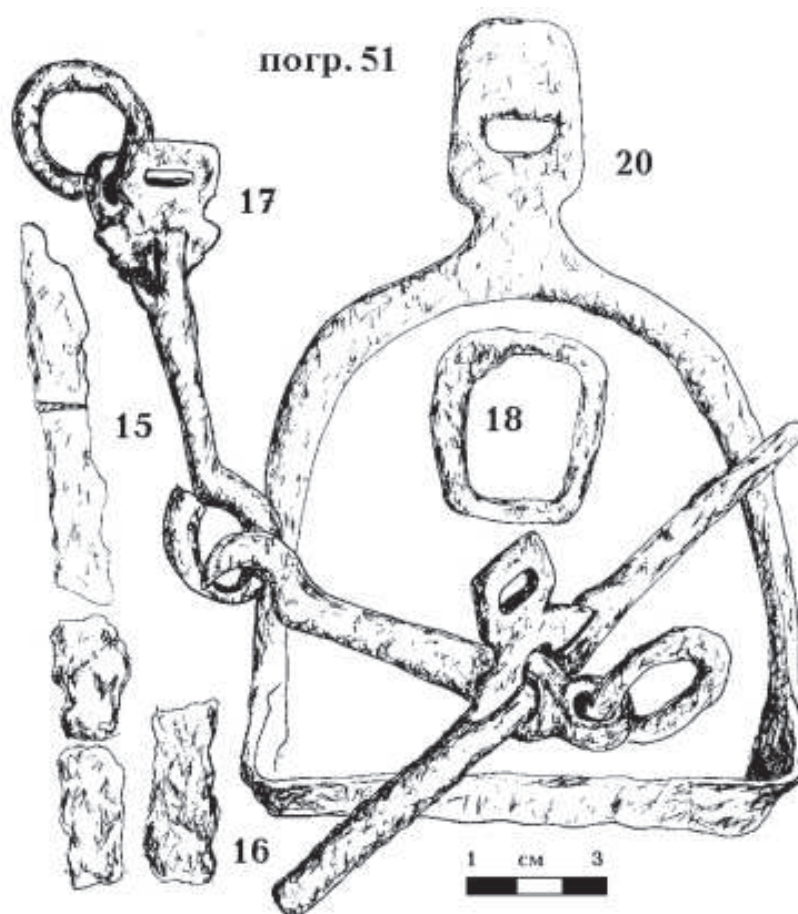

Рис. 13. Железные предметы из погребения №51

фрагменты нижней челюсти лошади.

Погребение № 52 (рис. 14).

Погребение находилось на участках И-Й/2 раскопа VI. Очертания не фиксировались. Погребение удалось выявить на глубине 50 см от поверхности по изменениям в плотности грунта. Примерные размеры ямы - 163 см в длину, 70 см в ширину, глубина дна - 59 см от поверхности. Дно могильной ямы ровное, стенки пологие. В юго-западной части ямы находятся остатки деревянного столба. Заполнение составляет темно-серая супесь.

Западная часть погребения разрушена, вероятно, при установке столба.

В восточной части фрагменты костей верхних конечностей и кости нижних конечностей лежат в анатомическом порядке. По их расположению можно судить о том, что погребенный, как и в большинстве случаев, был уложен вытянуто на спине головой на запад, с руками, уложенными вдоль туловища. Из погребального инвентаря (рис. 15) в западной части погребения сохранились две бронзовые бусины у северной стенки на глубине 58 см и стеклянная бусина у южной стенки на глубине 53 см. В ненарушенной части погребения обнаружены: бронзовый браслет на правой руке, кисть поясных привесок у левой ноги, состоявшая из трех низок бронзовых спиралек с колокольчиками на

Рис.14. Погребение №52

концах, бронзовых бус и пронизок, шумящей подвески-коробочки. Одна из колоколовидных пронизок, оторвавшаяся от кисти, найдена у правой ноги. Скопление располагалось на глубине 58-59 см от поверхности, под ним зафиксирован фрагмент деревянной доски от гробовища. На левой бедренной

кости найдена также стеклянная бусина. Под правой бедренной костью обнаружена коньковая шумящая подвеска, которая подвешивалась на низке из бронзовых бус и пронизок.

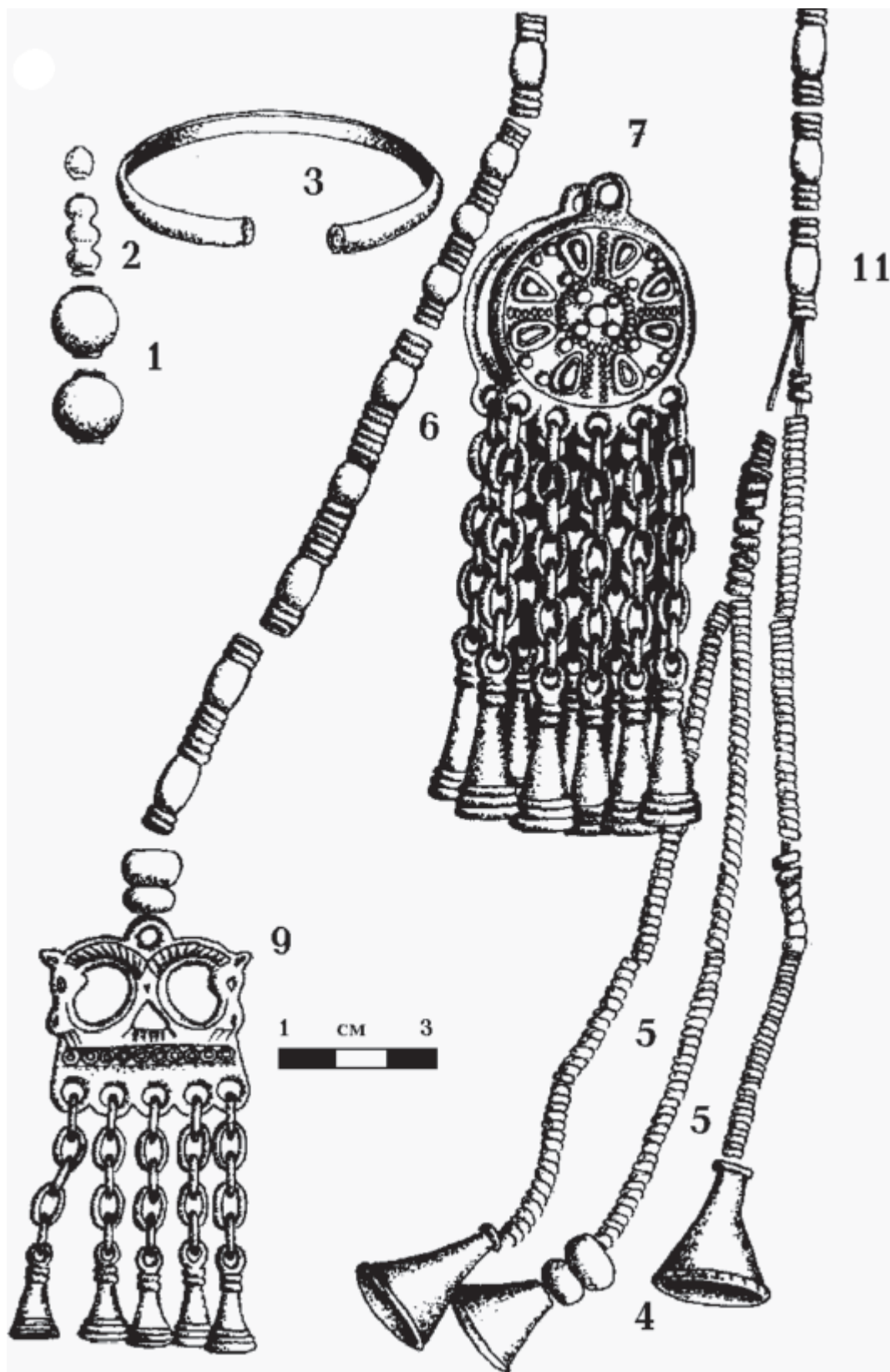

Рис.15. Материалы из погребения №52

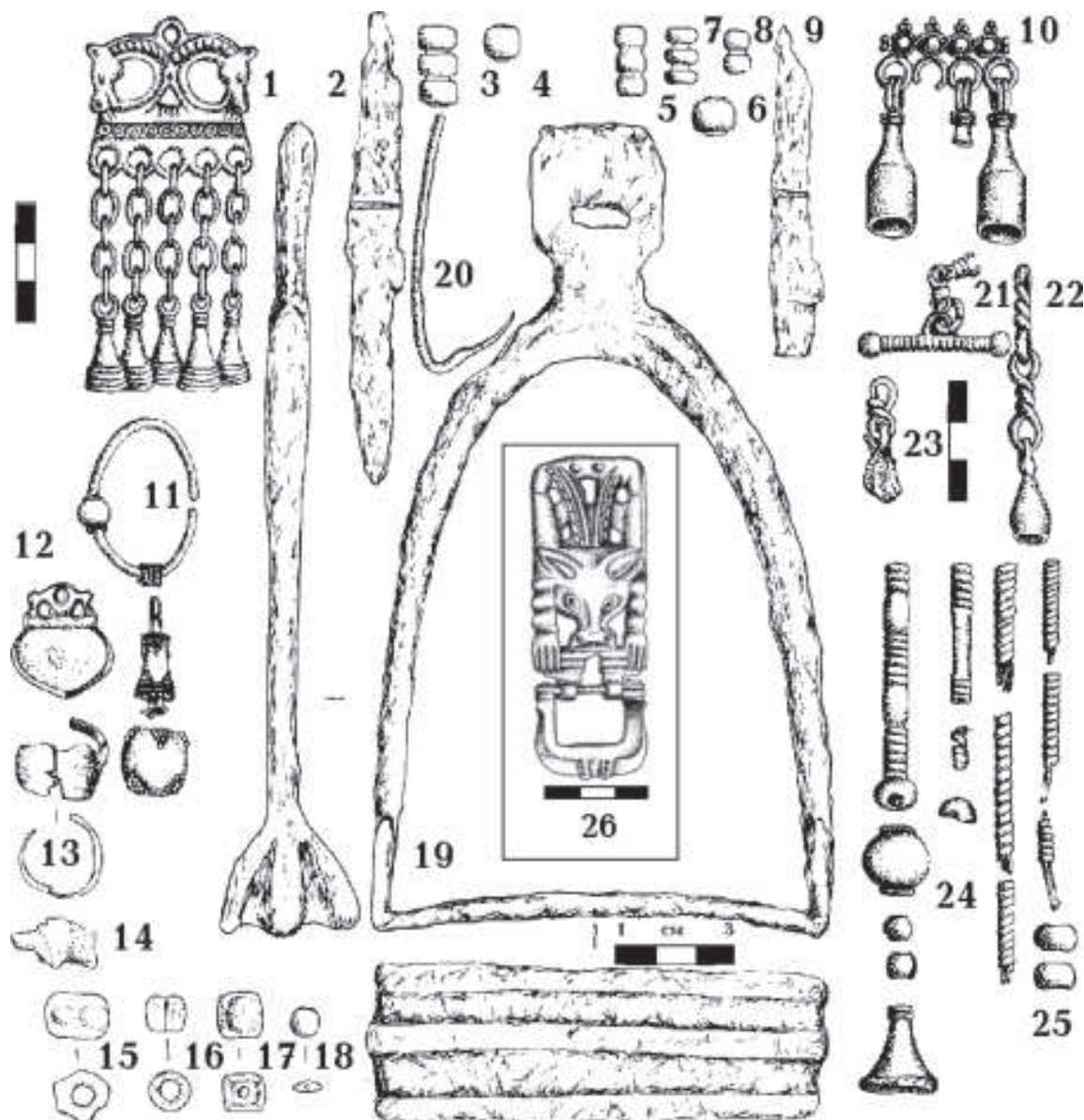

Рис. 16. Находки из междумогильного пространства и подъемный материал (26)

Описание материальной культуры могильника

Предметы материальной культуры, собранные во время раскопок могильника в погребениях и междумогильном пространстве (рис. 16), составляют небольшую, но интересную коллекцию. Она состоит из украшений и деталей костюма, предметов снаряжения воина-всадника, охотника и бытовых предметов.

Детали поясов:

- поясная лировидная пряжка среднего размера найдена в погребении №51, пряжка имеет бронзовую обоймочку, в которую вставлен конец кожного пояса, подобные пряжки известны в коллекциях родановских, кушнаренковских и приобских могильников и датируются X-XII вв. [Финно-угры 1987, табл. LXVI, ф.39] ;

- в междумогильном пространстве на раскопе V найдена поясная накладка из “белой” бронзы сложной формы

с ажурным завершением верха (рис.16, ф.12;

- фрагмент *бронзовой поясной пряжки* найден в погребении №46;

- бронзовое кольцо - *разделитель ремня* - круглого сечения, из погребения №51.

К украшениям пояса можно отнести и найденные в погребении №47 фрагменты *серебряного розетковидного украшения* и мелкие обломки серебряных обкладок - все болгарского производства (рис.9, ф.5). Данное украшение напоминает накладки, найденные в составе Редикарского клада 1908 г. [ИАК 1910].

Пронизки представлены:

- *полой пронизкой-уточкой* (рис.12, ф.1) с привесками в виде реалистичных утиных лапок из погребения № 51, подобные пронизки хорошо известны в Прикамских древностях и датируются IX-XII вв. [Голдина 1985, табл. XXIII, ф.10];

- спиралевидными пронизками найденными в погребениях № 51, 52 и междумогильном пространстве, такие пронизки известны в средневековых древностях Прикамья и Приобья и имеют широкую дату бытования, охватывающую практически весь период Раннего Средневековья;

- литыми бронзовыми пронизками с одним, двумя и тремя вздутиями и двумя, тремя и четырьмя выпуклыми орнаментальными поясками; найдены в погребениях №51, 52 и междумогильном пространстве на раскопе VI, пронизки с одним вздутием относятся к ломоватовскому кругу древностей VIII-X вв., пронизки с двумя и тремя вздутиями датируются IX-XIII вв.;

- достаточно много найдено стандартных для Прикамского и Приобского Средневековья *колоколовидных про-*

низок с орнаментальными поясками в верхней и нижней части;

- круглые *пронизки-бусы* из бронзы найдены в инвентаре погребений № 51, 52 и междумогильном пространстве раскопа VI.

Подвески представлены:

- костыльковыми* подвески, найденными в погребении № 51 и междумогильном пространстве;

- фрагментами плоских *лучевидных* подвесок (погребение № 51), скорее всего болгарского производства, одна из них — шестилучевая — представляет собой бронзовую основу со следами пайки и остатком кольца из серебряной зерни в центральной части (рис.12, ф.23), вторая — четырехлучевая — имела бронзовую основу, на которую было припаяно четыре каплевидных элемента, состоящих из внешнего пояса крупной серебряной зерни, внутреннего пояса более мелкой золотой зерни и золотого шатона с сердоликовой вставкой — данные подвески также напоминают материал Редикарского клада 1908 г.;

- фрагментами бронзовой *пластинчатой* подвески с точечным орнаментом из погребения № 44.

Шумящие подвески представлены:

- четырьмя биконьковыми привесками* из которых две с шестью цепочками найдены в погребении № 51 (рис.12, ф.14), одна с пятью цепочками в погребении № 52, одна с пятью цепочками в междумогильном пространстве раскопа VI (рис.16, ф.1). Все подвески имеют привески на цепочках в виде колокольчиков с орнаментальными поясками в нижней части.

Подобные биконьковые подвески распространены в Верхнем Прикамье и в материалах Западной Сибири (Приобье), а также среди древностей куш-

наренковской и караякуповской культур в IX-XII вв.; подвески из погребений №51 и 52 были использованы в качестве наконечников и привязывались на концах низок бронзовых спиралевидных пронизок и пронизок со вздутиями, к обратной стороне низок привязывались *костыльковые подвески*;

- в погребении №52 найдена *подвеска-коробочка* из бронзы (рис.15, ф.7), такие предметы хорошо известны в ломоватовском Прикамье в VIII-XI вв. Орнаментированные шумящие подвески-коробочки, по мнению В.А.Оборина, могут датироваться IX-XI вв. [Оборин, 1970, с.22]. Современные данные свидетельствуют о том, что период их бытования ограничивается концом X—началом XI в. Медальоны-коробочки могли подвешиваться сзади к зимней шапке [Крыласова 2001, с.47], по аналогии с тем, как хантыйские женщины подвешивали на свои лисьи шапки круглые медные литые бляхи (которые были не только оберегами и украшениями, но выполняли и совершенно определенную практическую функцию — служили противовесом, чтобы тяжелая шапка не съезжала на глаза) [Руденко 1914, с.52];

- в междумогильном пространстве найдена *шумящая подвеска с основой из четырех умбонов*, украшенных ложной зернью, подвески имели четыре цепочки, завершенные крупными колокольчиками (рис.16, ф.10).

Браслеты найдены в инвентаре погребений №48, 51 и 52:

- *браслеты* из погребения №51 представлены двумя плоскими бронзовыми со слегка расширенными концами, украшенными насечками;

- *браслет* из погребения №52 изготовлен из круглого в сечении брон-

зового дрота, несколько уплощенного в центре;

- *браслет* из погребения №48 изготовлен из массивной плоской полосы бронзы с утолщениями овального сечения на концах.

Перстни представлены двумя обломками серебряных плоских перстней из междумогильного пространства раскопов V и VI.

Височные кольца имеются в погребениях №47, 48, 51 и междумогильном пространстве раскопа VI:

- *литое бронзовое височное кольцо с гроздевидным окончанием* из погребения №47 характерно для VIII-X вв.;

- *височные кольца* из погребений №48 и 51 представлены серебряными пустотелыми кольцом с грушевидным окончанием, украшенным треугольниками зерни и поясками скани, подробные кольца в Прикамье датируются IX-X вв. (Голдина Р.Д., 1985, табл. I, ф. 19, 23), возможно, что подобные височные кольца были предметом болгарского импорта, хотя ряд археологов высказывал мысль об их производстве на поселениях чепецкой культуры (К.А. Руденко) или в Пермском Предуралье (Ю.А. Подосенова);

- обломки еще одного такого же кольца найдены в междумогильном пространстве раскопа VI.

Стеклянные бусы представлены:

- пяти-двучастными бусами с серебряной прокладкой с прозрачным синим и желтым покрытием в погребениях №44, 48, 50, 51, 52 и междумогильном пространстве;

- синими боченкообразными;

- синими полупрозрачными подквадратными;

- зелеными уплощенными;

- глазчатыми из белого и прозрач-

ного стекла.

Каменные бусы представлены:

- уплощенно-овальными хрустальными местного производства VIII-XI вв. из погребения №50;
- из серо-белого агата бочонкообразной из погребения №50;
- таблеткообразной сердоликовой из погребения №44.

Снаряжение всадника представлено находками:

- стреmeni* с плоской подножкой в погребении №51;
- стреmeni* с широкой профилированной подножкой из междумогильного пространства раскопа V;
- удил с псалиями* в виде прямых стержней из погребения №51;
- бронзового навершия нагайки* из погребения №47 (рис.9, ф.3) в виде объемного изображения головы оленя с ветвистыми рогами, ближайшие аналогии навершию можно видеть в предметах звериного стиля западносибирского (приобского) типа.

Предметы вооружения и снаряжения воина представлены в погребении №47, это:

- железный втульчатый четырехгранный наконечник пики длиной 32 см, втулка которого была обложена двумя бронзовыми пластинами, на внутренней стороне которых сохранились следы ткани;
- железный *вток* (рис.9, ф.2);
- три железные подпрямоугольные рамчатые *портупейные пряжки*.

Предметы быта составляют:

- железные ножи* и их обломки из погребений №46, 51 и междумогильного пространства, все они относятся к типу, распространенному в VIII-XI вв. (с прямой спинкой);
- деревянные *ножны* из погребения

№51, покрытые в верхней и нижней части пластинами серебра, а в центральной части - бронзовыми обручами. Верхнюю часть ножен украшали треугольники серебряной и золотой зерни и полоска скани, а нижнюю - бронзовый ромб. Аналогичные ножны происходят из погребений, которые датируются IX – первой половиной X вв. (п.40 Каневского раскопки Е.О. Бочарова, МАЭ ПГПУ); п.2, 6 Важгортецкого могильника (КПОКМ, [Генинг, Голдина 1970, табл.19/9]); п.10 Урьинского могильника [Голдина, 1985, табл. XXIX/21]), п.336 Агафоновского I могильника [Голдина, Королева, Макаров 1980, табл. XL/16];

- фрагмент железного *калачевидного кресала* без язычка из погребения №46;

- железный *футляр для трута* (погребение №46).

Набор находок на могильнике характерен для древностей ломоватовского времени и изученную в 1996г. часть памятника можно датировать X-началом XI вв. Раскопки 1996г. наглядно показали, что Редикарский могильник не исчерпан раскопками и мы вправе ожидать, что на его площадке еще найдутся погребения, в том числе не обнаруженные раскопками И.А. Лунегова.

* * *

В целом Редикарский археологический комплекс может считаться одним из наиболее типичных памятников Раннего Средневековья севера Верхнего Прикамья. Обращают на себя внимание предметы, найденные на могильнике и считающиеся этномаркерами угров: это навершие в виде головы оленя, поясная пряжка из светлого метал-

ла с изображением головы медведя в жертвенной позе, найденная в 1996 году на поверхности могильника (рис. 16, ф.26). Показательно и нахождение в 5 погребениях частей скелета лошади, что также является общепризнанным угорским этномаркером для археологических культур Приуралья. В материалах Редикарского могильника прошлых лет раскопок тоже имеются предметы угорского круга древностей. Прежде всего это погребальные лицевые покрытия из серебра, найденные в 3 погребениях в раскопках И.А. Лунегова. Известны здесь и лицевые покрытия из дорогой шелковой ткани. Таким образом, этническая принадлежность населения, оставившего данный некрополь может быть определена как угорская. Очевидна также и связь материальной культуры могильника и городища. Яркой иллюстрацией этого положения является находка заготовок для угорских погребальных масок-наглазников на городище.

**А.Ф. Мельничук,
С.В. Скорнякова
СЕМИНСКОЕ ГОРОДИЩЕ-
ПАМЯТНИК
РОДАНОВСКОЙ
КУЛЬТУРЫ В ПРЕДЕЛАХ
ГОРОДА БЕРЕЗНИКИ
ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ**

Семинское городище открыто в 1955г. директором Березниковского краеведческого музея И. Ф. Коноваловым, который в ходе строительства пионерского лагеря «Сказка» на площадке памятника собрал выразительный материал эпохи Средневековья (керамика, железные наконечники стрел, бронзовый антропоморфный идол, фрагменты шумящих бронзовых подвесок). Памятник был датирован XI-XII вв. и отнесен к родановской культуре. В 1977г. городище было осмотрено одним из авторов статьи [Мельничук, Соколова, Цыпуштанов, Шилов 1994, с. 25-26]. В 1983 г. при прокладке канавы по территории пионерского лагеря были обнаружены остатки костяка и череп человека, которые были сданы в милицию г. Березники. По просьбе УВД г. Березники костяк и место его находки осмотрено А.М. Белавиным, на стенке канавы выявлены остатки могильной ямы, собраны фрагменты средневековой керамики. Таким образом, костяк, скорее всего, представлял собой остатки средневекового захоронения, сделанного в предвальной части городища.

Памятник находится на южной окраине г. Березники Пермской области, напротив городского микрорайона Се-

© Мельничук А.Ф., Скорнякова С.В., 2007.

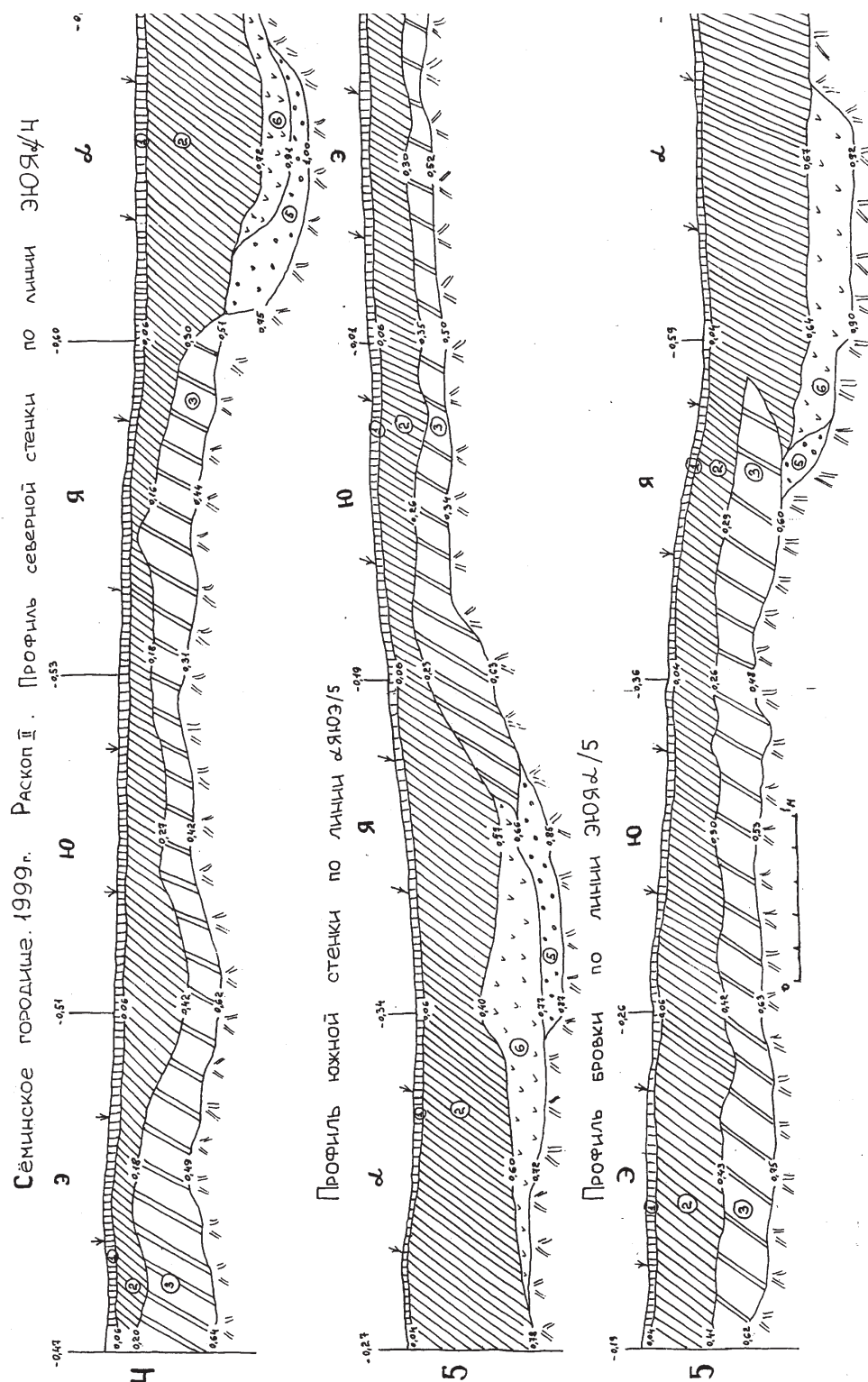

Рис.1. Семинское городище. Стратиграфическая ситуация

мино на южном берегу 1 городского пруда, затопившего русло р. Зырянки левого притока р. Камы. До создания пруда памятник располагался на невы-

соком (до 8 метров над поймой) мысу левого берега р. Зырянки. Городище отстояло от русла реки на 18-20 метров. По географии расположения и гео-

морфологическим условиям Семинское городище напоминает Городищенское городище на реке Усолке [Белавин 1986, с. 130-131]. В настоящее время водоем вплотную подошел к подножию мыса, на котором расположена площадка памятника. Это привело к интенсивному разрушению прибрежной полосы памятника.

С восточной и западной стороны городище ограничено глубокими и длинными оврагами, на дне которых отмечаются выходы грунтовых вод. Его площадка сильно потревожена постройками лагеря «Сказка» производственного объединения «Азот», в ходе возведения которых был полностью срыт вал, находившийся ранее в 100м от края мыса, обращенного к реке Зырянке. Высота мыса над современным зеркалом водоема достигает 6м.

Площадка городища ровная и, не смотря на постройки пионерского лагеря, на ней сохранились задернованные участки с не нарушенным культурным слоем. Склоны памятника поросли смешанным лесом и кустарником. Площадь городища – 6000 кв.м.

В 1999 г. на площадке городище отрядом КАЭ ПГУ совместно с археологической секцией юношеского клуба «Орленок» г. Березники были проведены охранные археологические исследования.

На памятнике разбито два раскопа общей площадью около 60 кв.м. Раскоп 1 (около 20 кв.м) заложен в прибрежной осыпающейся части городища. Раскоп 2 (40 кв.м) размещался в 10м к юго-востоку от раскопа 1 непосредственно на территории пионерского лагеря «Сказка».

Стратиграфическая ситуация на обоих раскопах идентична (рис. 1).

1.Сверху залегал дерново-почвенный горизонт темно-серой рыхлой супеси, мощностью 4-6 см.

2.Ниже следовал основной культурный слой поселения в виде темно-серой супеси, средняя мощность которого на раскопе 1 достигала 0,6м, на раскопе 2 0,3 м, в углублениях 0,5-0,7м.

3.Пограничный горизонт, видимо, погребенная почва, в виде смеси материкового серо-желтого песка с пятнами и линзами темного гумусированного песка. Его мощность варьировалась в пределах 0,2-0,3м. Находки содержались в этом слое только в его верхней части. Скорее всего, формирование этого горизонта связано с интенсивной человеческой деятельностью на площадке городища, когда формирующийся культурный слой перемешивался с материковым песком. В пределах различных углубленных объектов данный слой отсутствовал.

4.Местами на раскопе 1 сохранились линзы беловатого оподзоленного песка, мощностью до 0,2-0,3м.

5.В основании жилого сооружения, выявленного на раскопе 2, отмечался темно-коричневый песок с смешанным с подзолом, который в определенной степени напоминал слой 3. Его мощность варьировалась в пределах 0,1- 0,2м. В верхней части этого слоя содержались фрагменты керамики и кости животных.

6.В заполнении ям прослеживался темно-серый песок с углистыми включениями. Его мощность составила 0,2-0,7м. Этот углистый слой был насыщен находками керамики и костей животных.

7.На раскопе 1 отмечался коричневый песчаный слой, смешанный с под-

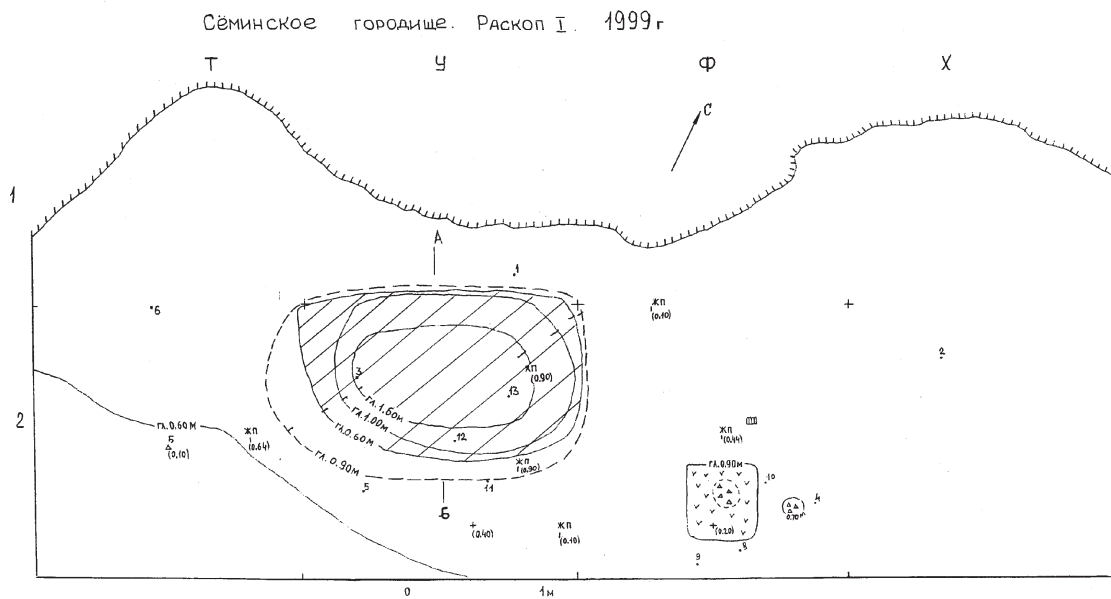

Рис. 2. Семинское городище. Схема раскопа 1

золом и углистыми включениями. Он отмечался в естественных западинах и его образование фиксирует корневую систему деревьев, погибших от пожара в древности. Подобная стратиграфическая ситуация отмечалась в ходе раскопок мезолитического поселения Огурдино близ г. Березники. Находок в этом слое не зафиксировано.

8. Материком был серо-желтый мелкозернистый песок.

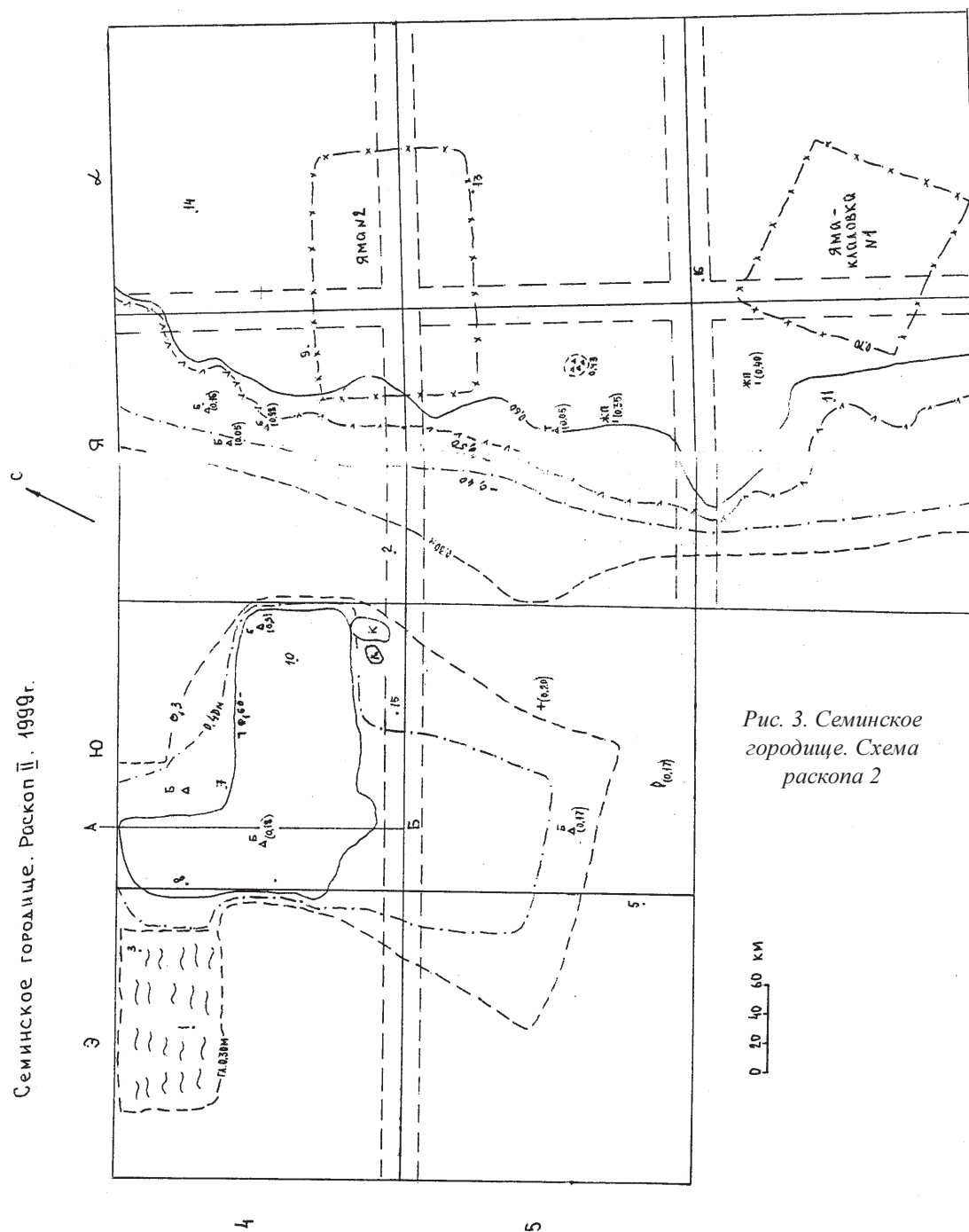
В ходе охранных работ на городище изучены различные объекты, имеющие искусственное происхождение.

В центре раскопе 1 в прибрежной части памятника, где мощность культурного слоя в среднем достигала 0,5-0,6 м, изучена яма (рис. 2). С самого начала раскопок в районе древнего объекта фиксировался поздний вкоп овальной формы (2,1 x 1,2 м), который отмечался до глубины 0,6 м от поверхности. Однако при достижении материка на уровне 0,9 м от поверхности проступили очертания именно древней ямы, которая имела овальную форму и размеры 2,4 x 1,4 м. Она была углубле-

на в материковый песок на уровень 1,48 м. В профиле объект имел чашевидную форму с крутыми почти отвесными стенками. В пределах ямы найдены фрагменты родановской посуды, обломок железного ножа, бронзовая цепочка от шумящей подвески и железная острога. В 0,8 м к востоку от изученной ямы отмечалось небольшое углистое пятно подквадратной формы, размером 0,5 x 0,6 м и мощностью до 3 см. В пределах объекта и рядом с ним отмечено скопление лепной керамики родановской культуры.

В целом раскоп 1 не был насыщен деталями и предметами материальной культуры. Однако достаточно мощный слой в прибрежной части памятника явно формировался в результате аккумуляции производственных и хозяйственных отходов.

На раскопе 2 мощность культурных напластований была менее значительна. Однако на его площади выявлены более яркие объекты, связанные с деятельностью человека эпохи Раннего Средневековья.

Первые очертания древних объектов проявились на уровне 0,3 м от поверхности. На участках ЭЮ /4-5 проступили очертания подпрямоугольной ямы размерами 2,1 x 3,3м. С запада к ней примыкало прямоугольное углистое пятно (1,24 x 0,7м), мощностью до 4 см. В верхней части объекта и вбли-

зи него находились мелкие кости животных, железные шлаки, медная глиняная ошлаковка, измельченные фрагменты родановской керамики и посуды Волжской Булгарии. Из особых находок следует отметить обломок глиняного пряслица, медную спиралевидную пронизку, железное шило, фраг-

мент железного наконечника стрелы, фрагмент костяного гребня. Ближе к восточной стенке объекта (уч. Ю/4) расчищены фрагменты плиток крупнозернистого песчаника.

При дальнейшей расчистке размеры ямы значительно сократились (1,88 x 1,8-0,84м) и на уровне 0,6м от поверхности объект приобрел подпрямоугольно-изогнутую форму с выступами, направленными на север и восток. В профиле яма имела прямоугольную форму с плоским дном и крутыми отвесными стенками. Она углублялась в материковый песок на 1,1 м. Характерно, что в нижней части ямы, за исключением отдельных мелких костей и кусочков шлака, ничего не обнаружено.

В восточной части раскопа 2 частично изучены остатки сооружения (рис. 2). Его первые очертания проявились на уровне 0,3м от поверхности. Они выступали из восточной стенки раскопа на 3-4м, а на уровне 0,6 м от поверхности – на 1,78-3,3м. Очертания этой крупной постройки изучены на площади около 24 кв.м. При расчистке дна постройки и достижения материкового песчаного слоя были зафиксированы две прямоугольные ямы. Первая яма (1,26 x 1,1м) располагалась в южной части сооружения. В профиле она обладала подпрямоугольной формой и уплощенным дном, углубленным в материк почти на 0,5 м. В южной части ямы прослежены крутые, почти отвесные стенки, с севера ее стенки более пологие. В пределах объекта найдено значительное количество измельченных фрагментов керамики и кости животных. Очевидно, это яма функционировала как кладовка. Вторая яма (1,7 x 1,3м) в профиле имела корытообразную форму с пологими

стенками, опускавшимися к овальному дну. В заполнении ямы собраны кости животных и мелкие фрагменты средневековой посуды.

Изученное сооружение, видимо, представляло собой полуземлянку, пол которой углублялся в материковый песок на 0,4-0,5м. Столбовых ям по краям постройки или в его пределах зафиксировать не удалось. Возможно, при ее создании могли использоваться легкие деревянные конструкции из жердей. Жилой или хозяйственный характер сооружения до полного его изучения не ясен.

Сооружения типа полуземлянки несвойственны для населения родановской культуры [Черных 1992, с.16-17]. Однако следует отметить, что все изученные постройки древних коми-пермяков были зафиксированы археологами на городищах, имевших тяжелый суглинистый или глинистый слой. На городищах с песчаным слоем могли возводить и жилища-полуземлянки, так как количество изученных построек эпохи Средневековья в Верхнем Прикамье невелико, чтобы отрицать их полное отсутствие в родановском домостроительстве. В целом конструктивные особенности частично изученного на Семинском городище сооружения будут ясны при окончательном его исследовании. На полу постройки пока не обнаружены грунтовые очаги или очажные ямы. Однако об их наличии свидетельствуют беспорядочно распространявшиеся на его дне зольно-углистые пятна. В пределах сооружения отмечалась незначительная концентрация материала. Помимо отдельных обломков посуды в нем расчищено лишь небольшое скопление фрагментов сосуда с розеточным орнамен-

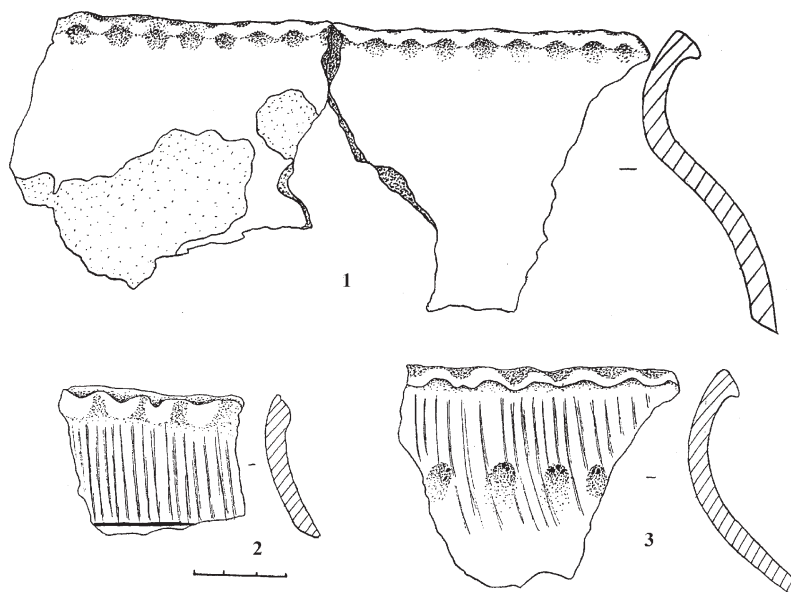

Рис. 4. Семинское городище. Керамика родановской культуры

том (рис.6, 2). Из индивидуальных находок здесь найдены заготовки железных изделий, фрагмент глиняного тигля, обломки железных ножей, глиняный шарик, глиняное пряслице, кремальные кремни. Характер находок все же свидетельствует о жилом назначении постройки. Скорее всего, в сооружении проводили тщательную приборку, и оно завершило свое функционирование естественно, а не в результате экстремальной ситуации (пожар, нападение врагов и т.д.).

В ходе раскопок на городище собран небольшой, но выразительный материал, характеризующий культуру средневекового населения Усольского Прикамья.

Массовый материал представлен фрагментами сосудов. Всего на городище на обоих раскопах собрано 755 отдельных обломков средневековой посуды. По венчикам выделено 40 сосудов родановской культуры.

Керамика родановской культуры имеет пористую, рыхлую структуру, что свидетельствует о примеси мелко-

толченой раковины в глиняном тесте, которая подверглась выщелачиванию в песчаных подзолистых почвах Усольского Прикамья [Денисов, Мельничук, 1986, с.52-53]. Поверхность сосудов обладала серым, коричневым или желтоватым цветом. Она иногда подвергалась очень грубой обработке, отчего на черепках отмечались слои беспорядочной штриховки от травы или щепы (12,5%). Средняя толщина стенок сосудов – 5-7мм (56%). Тонкостенные сосуды с толщиной стенок до 4см составляли 12% среди всей родановской керамической коллекции, толстостенные с толщиной стенок свыше 8мм – 32%.

Сосуды делятся на 3 типа. Первый тип представлен чашевидными сосудами с четко отогнутой наружу шейкой (20%), второй – чашевидными сосудами с прямой или слабо отогнутой шейкой (77,5%), третий тип – чашевидными сосудами с закрытым устьем (2,5%).

Среди сосудов вошедших в статистическую обработку 80% орнаментировано. Индекс орнаментации сосудов по венчику (37,5%). Из них 93,3 % ук-

рашено по венчику пальцевыми вдавлениями и 6,7% гребенчатым штампом. Индекс орнаментации по шейке и стенкам сосудов достигает 60 %.

Ямочными вдавлениями декорировано 37,5% сосудов. В орнаментации встречаются одиночные, двойные или строенные неглубокие овальные ямки (рис.4,ф.3; рис.5, ф.1,8). Выделяется один сосуд с горизонтальным рядом пальцевых ямочных вдавлений (рис.4,ф.3). Гребенчатым штампом украшено 29,2 % орнаментированных сосудов. Гребенчатые узоры образуют ряды косых и горизонтальных линий, «елочки», «зигзаг» на стенках сосудов

(рис. 5, ф.2-5; рис.6,ф.1,6). Шнуровой орнамент в виде горизонтальных рядов отмечается у 8,3% сосудов. (рис. 5, ф.6). Столько же сосудов (8,3%) декорировано по шейке розеточным орнаментом (рис. 6, ф.2). Единично сосуды орнаментированы по стенкам беспорядочно расположенными резными насечками (4,2%), полым кружковым чеканом (4,2%), пуговками (4,2%) (рис. 5, ф.9). Сложные узоры в виде сочетания шнурового и гребенчатого орнамента отмечены на одном сосуде (4,1%) (рис.5, ф.7). Выделяется группа сосудов с налипными валиками (16,6%) (рис.5, ф.5; рис.6, ф.3).

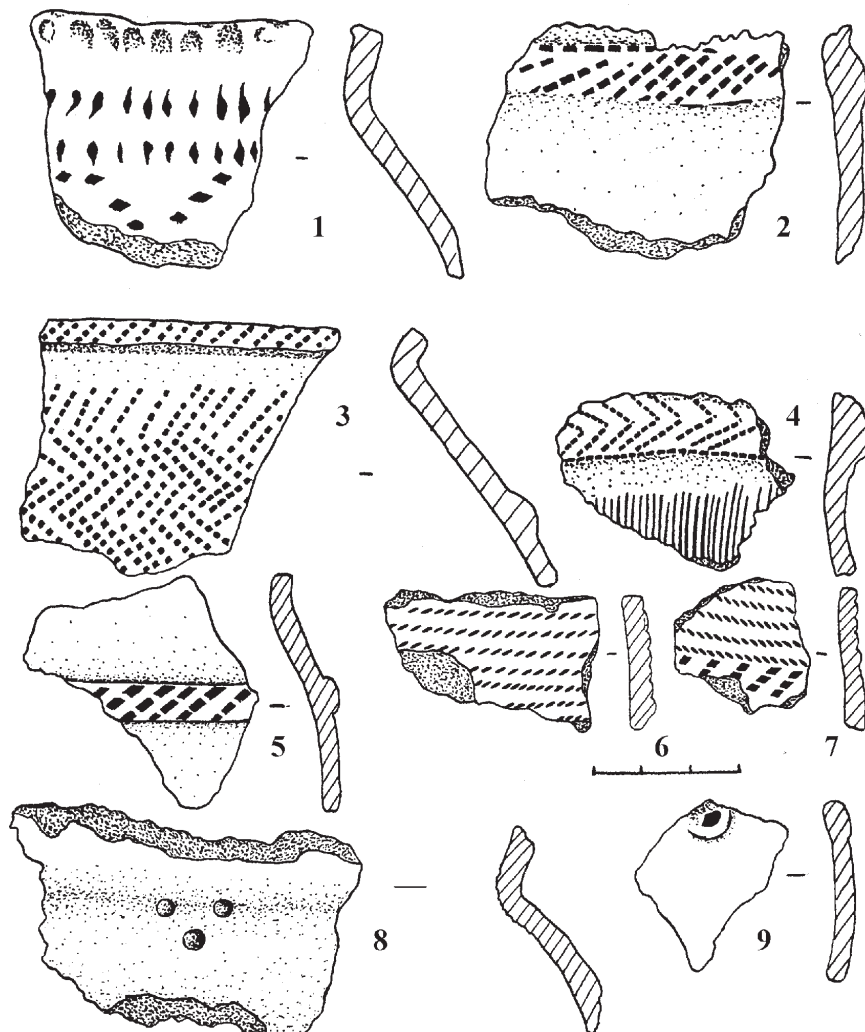

Рис. 5. Семинское городище. Керамика родановской культуры

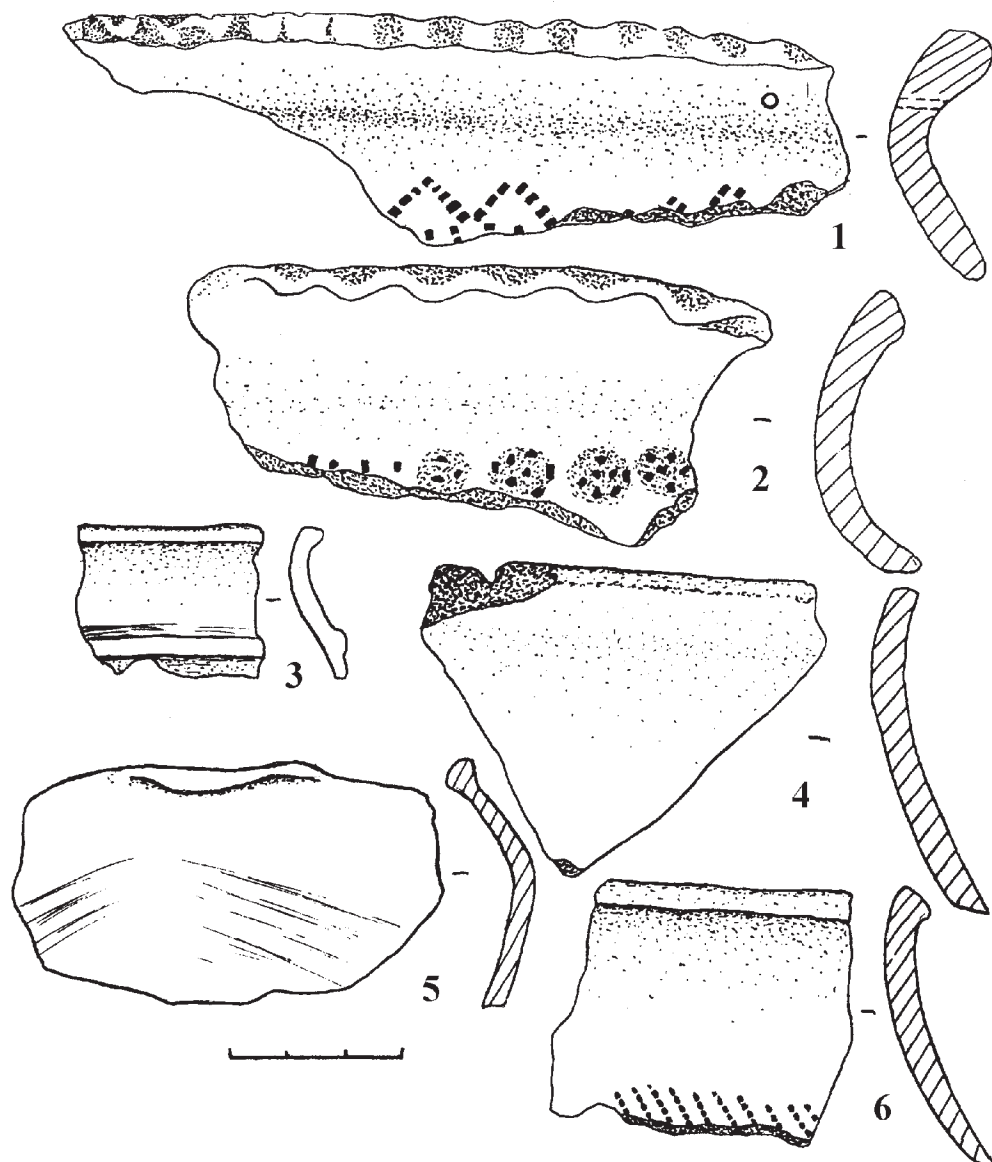

Рис. 6. Семинское городище. Керамика родановской культуры

В целом керамика Семинского городища объективно отражает характерные особенности средневековой посуды Соликамско-Березниковского микрорайона, которые складываются здесь в позднеломоватовское время. Керамический комплекс изученного городища по степени использования орнаментальных мотивов полностью совпадает с керамическим комплексом ломоватовских поселений Володин Камень 1 и 2 [Белавин, Мельничук 1994, с.12]. Данные памятники расположены в не-

посредственной близости друг от друга и явно оставлены одной из общин, обитавшей в низовьях р. Яйвы и бассейне р. Зырянки. Среди керамического комплекса наиболее ранние сосуды представлены слабоорнаментированными чашами с защипами по торцу венчиков и узорами в виде горизонтальных рядов ямок и розеток, которые следует соотнести с позднеломоватовской керамикой поселений Володин Камень 1 и 2. На Семинском городище наибольшее количество подобной ке-

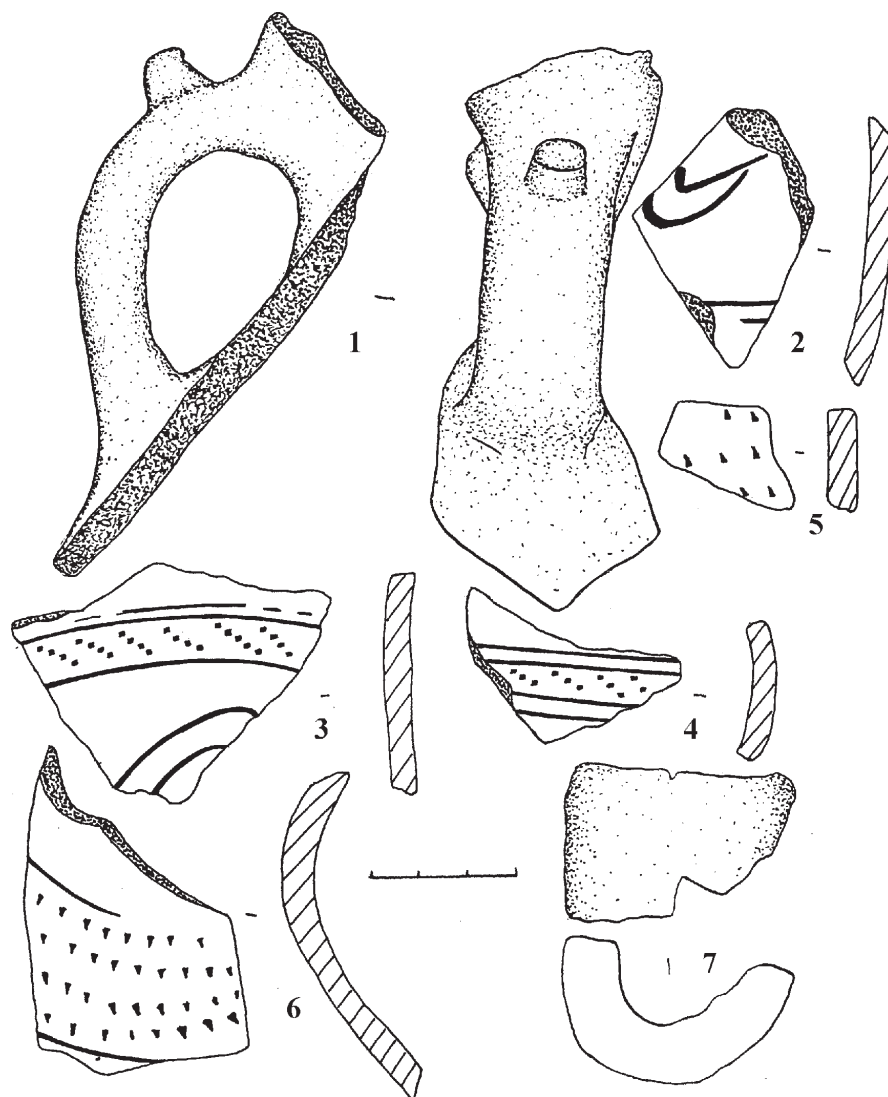

Рис. 7. Семинское городище. Керамика из Волжской Булгарии (1-6), фрагмент глиняного тигля (7)

рамики собрано в пределах жилого сооружения, что помогает определить время его функционирования IX–X вв. Более поздний керамический комплекс Семинского городища представлен типичными сосудами родановской культуры без орнаментации или украшенными гребенчатыми узорами. Для этой посуды свойственна керамика с наклепными валиками и пуговками. Родановская посуда Семинского городища аналогична керамике Чашкинского 2 селища и Городищенского городища [Белавин 1986, с.139]. Стратиграфически

поздний комплекс Семинского городища залегает в верхних слоях памятника вместе с фрагментами керамики Волжской Булгарии.

Всего найдено 18 фрагментов керамики Волжской Булгарии (2,4% от всех фрагментов керамики, выявленных на городище) от 2 сосудов (4,8% от всех сосудов). Один сосуд представлен фрагментами кувшина коричневого цвета, от которого сохранилась ручка с сосковидным выступом. К этому сосуду принадлежали фрагменты, орнаментированные волнистым прерыв-

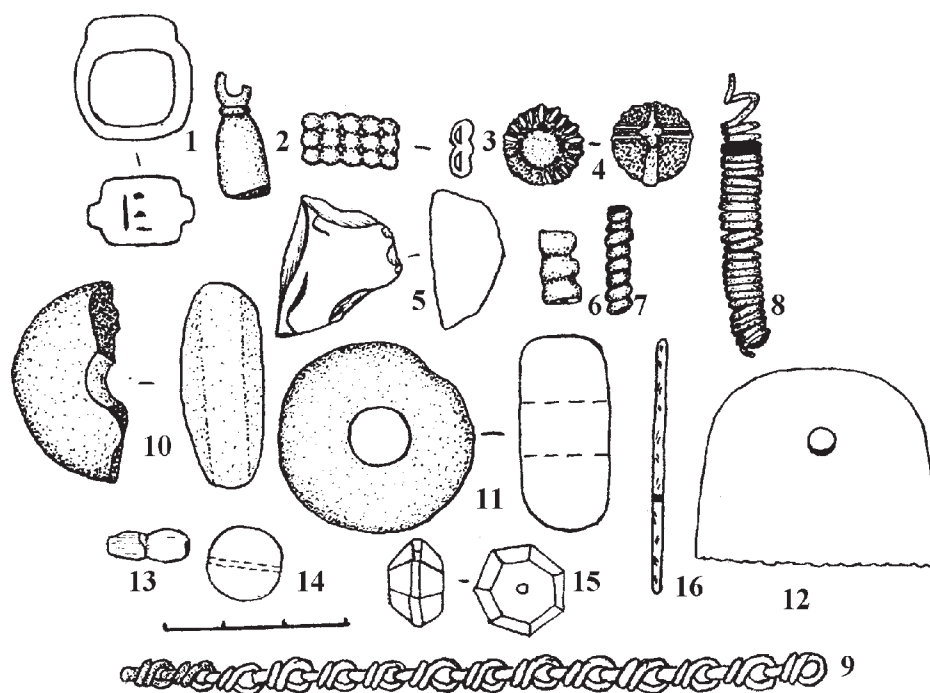

Рис. 8. Семинское городище. Инвентарь и украшения. Медный перстень (1), медный бубенчик (2), медные накладки (3-4), кресальный кремль (5), медные пронизки (7,8), медная цепочка (9), глиняные пряслица (10,11), костяной гребень (12), стеклянные бусы (16,13), хрустальные бусы (14-15)

вистым орнаментом в сочетании с рядами подтреугольных ямок (рис.7, ф.1,6). Форму второго красноглиняного сосуда из-за отсутствия венчика с шейкой установить невозможно. Сосуд был декорирован поясами линейного прочерченного орнамента, внутри которого располагались косо поставленные ряды зубчатого штампа. Между ними отмечались волнистые прерывистые линии (рис. 7, ф.2-4). Круговая посуда, обнаруженная на Семинском городище, по характеру орнаментальных мотивов относится к домонгольскому времени и в целом датируется в пределах второй половины XI-начала XIII вв. [Кокорина 2002, с.360-361, рис. 104 (а), 104 (б)]. В бассейне р. Зырянке комплекс болгарской посуды был собран А.М. Белапиным в ходе исследования Абрамовского селища [Белапин 2000, с.58], расположенного в непосредственной близости от Семинского

городища [Мельничук, Соколова, Цыпуштанов, Шилов 1994, с.26].

На городище собран небольшой, но выразительный комплекс предметов, позволяющий определить относительную датировку памятника. Медные украшения представлены различными изделиями.

1. Розетковидная поясная накладка (рис. 8, ф.4). Полных аналогий ей не найдено. Наиболее к ней близка розетковидная поясная накладка из погребения 2 Кичилькосьского 1 могильника Перми Вычегодской, где вместе с ней найден германский денарий XI в. [Савельева 1987, рис.35,48, с. 153-154]. Таким образом, время использования розетковидных накладок вторая половина XI-XII вв.

2. Прямоугольная поясная накладка с петлями на обороте, декорирован-

ная тремя рядами выпуклых окружностей (рис. 8, ф.3). Аналогичные ременные украшения выявлены в погребениях 188,190,250 Аверинского могильника [Голдина, Кананин 1989, рис.50.7, с.64, 209]. Вместе с ними встречены типичные украшения деменковской и урьинской стадий ломоватовской культуры. Таким образом, поясная накладка из Семинского городища может быть датирована в пределах VIII-IX вв.

3.Бронзовый перстень с прямоугольным щитком и слабо читаемым на нем резным изображением (рис. 8, ф.1). Близкие по типу перстни свойственны для погребальных комплексов поздней стадии вымской культуры XII-XIII вв. [Савельева 1971, таб.31.16-17].

4.Спиралевидные пронизки – 2 экз. (рис.8, ф.7-8). Подобные украшения имеют широкий хронологический диапазон бытования и встречаются в комплексах как ломоватовского, так и родановского времени (VIII-XIII вв.).

5.Конический бубенчик, орнаментированный гладкой полоской в верхней части (рис.8, ф.2). Аналогичные украшения характерны для погребальных комплексов Кокпомьягского могильника (погребение 3) поздней стадии вымской культуры (XIII-XIV вв.) [Савельева 1987, рис. 29.43].

Из медных предметов найдены также бронзовая витая цепочка от шумящего украшения и дужка от котелка.

Датировку городища определяет также бусинный материал (рис. 8, ф.13-15). На городище найдена хрустальная многогранная бусина. Обычно подобные бусы на памятниках родановской культуры датируются в пределах XI-XII вв. [Голдина, Кананин 1989, рис. 63.185]. Еще одна хрустальная бусина

имела шарообразную форму. Аналогичные бусы встречаются на территории Верхнего Прикамья на памятниках ломоватовской культуры VI-VIII вв. [Голдина, Кананин 1989, Рис. 63,183]. Обнаружен обломок синей зонной многочастной бусины, которая характерна для ломоватовских древностей Верхнего Прикамья VI-IX вв. [Голдина.Кананин 1989, рис.62,12. с.69]. Кроме того в коллекции из городища присутствует двучастная посеребрённая зонная бусина с бесцветным внешним слоем, которая характерна для средневековых некрополей Верхнего Прикамья VI-XI вв. [Голдина, Кананин 1989, рис.62,2, с.69].

Кроме датирующих предметов на Семинском городище найдены глиняные предметы, представленные округлым пряслицем, фрагментом округлого пряслица (рис. 8, ф.10,11) и глиняным шариком. Привлекает внимание фрагмент костяного трапецевидного гребня с отверстием для подвешивания (рис. 8, ф.12).

Железные орудия труда состоят из железных ножей – 7 экз. (рис. 9.1-3). Среди ножей только 4 экземпляра целых, остальные состоят из фрагментов лезвий. Среди режущих орудий выделяется крупный нож, у которого при переходе черешка к лезвию отмечается бронзовая обойма (рис. 9, ф.1). На городище найдена также железная игла (рис. 8.16). Промысловое вооружение состоит из фрагмента листовидного наконечника с шипами (рис.9, ф.5) и крупной железной остроги (рис. 9, ф.7). Среди железных изделий привлекают внимание кольчатые двусоставные удила (рис. 9, ф.8).

На Семинском городище также найдено 3 кресальных кремня для вы-

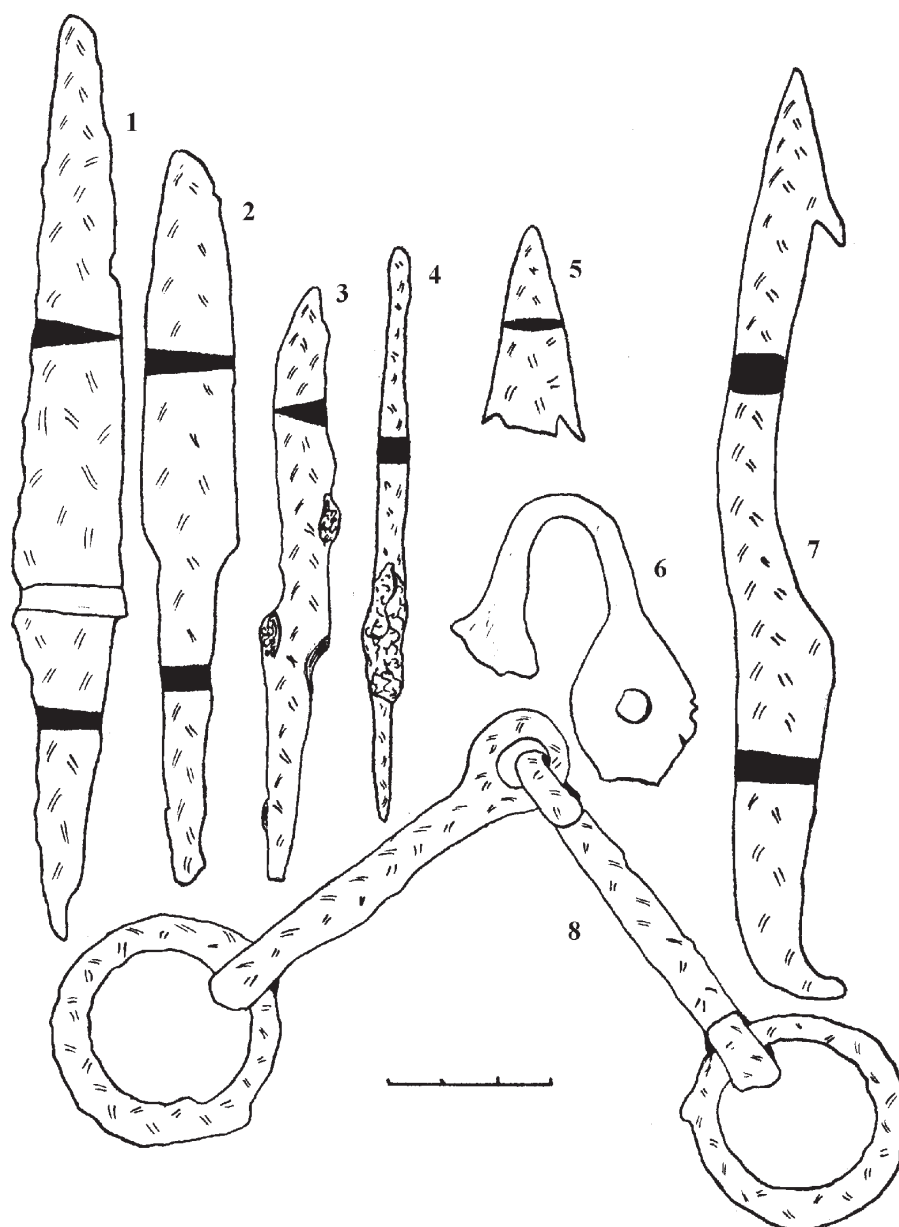

Рис. 9. Железные изделия. Нож (1-3), шило (4), обломок наконечника стрелы (5), фрагмент медного котелка (6), острога (7), кольчатые удила (8)

секания искры (рис.8, ф.5). О медно-литейном производстве на памятнике свидетельствует находка фрагмента глиняного тигля (рис. 7, ф.7). Кроме этого собрана медная ошлаковка. Кузнечное ремесло представлено фрагментами различных железных заготовок, фрагментами железных криц и шлаков.

Материалы памятника свидетельствуют, что городище в бассейне реки

Зырянки возникло в ломоватовское время, очевидно, на рубеже VIII–IX вв., когда сюда с низовьев р. Яйвы в результате давления древнемансийского населения передислоцировалась община древних финнов. Памятник, судя по материалам, функционировал до XIII века. Не исключено, что более широкие исследования на нем дадут материалы более позднего времени. Семи-

ское городище находится в глубине долины реки Зырянки, в 8 км к востоку от берега р. Камы. Невысокий мыс, на котором расположено городище, вряд ли давал возможность, возводить на нем какие-либо серьезные оборонительные укрепления. Судя по раскопкам, поселение носило исключительно жилой и производственный характер. Нам представляется, что при дальнейшем изучении памятника будет выявлено немало жилых средневековых сооружений. Поселение является центром зырянской группы родановских памятников в Соликамско-Березниковском микрорайоне. С ним связаны Абрамовское и Пермьковское производственные поселения, Чупинский клад восточных серебряных изделий, Троицкое местонахождение шумящей подвески с изображением медведя в жертвенной позе [Мельничук, Соколова, Цыпуштанов, Шилов 1994, с.25-26.; Шилов 2001, с.42-42]. Родановские селища могли располагаться и в приустьевой части реки Зырянки, ныне занятой постройками и промышленными предприятиями города Березники. Интересно, что недалеко от городища наблюдаются выходы соляных источников. Это дает основание предполагать то, что местная родановская община могла организовать здесь добычу соли, так как уже доказано, что древнее население Верхнего Прикамья обладало простейшей технологией выварки соли из источников [Бординских 1991, с.28-29].

Материалы городища еще раз подтверждают существующее мнение о наличии на территории Соликамского-Березниковского микрорайона особой группы памятников родановской культуры, которые отличаются от однокультурных

памятников бассейна р.Иньвы и Обвы прежде всего по керамическому материалу. Особенно это подчеркивается тем, что на западных или юго-западных памятниках родановской культуры в системе орнаментации сосудов господствуют шнуровые или шнуро-гребенчатые узоры (Гырчиково –71%, Анюшкар –34%, Кудымкар - 29%). Количество таких узоров в орнаментации керамических комплексов восточных и северо-восточных памятников минимально (Семино – 8,3%, Чашкинское 2 селище – 6,5 %). Мы считаем широкое проявление шнуровых или шнуро-гребенчатых узоров на керамической посуде западных и юго-западных памятников родановской культуры результатом их взаимодействия с чепецкой культурой древних удмуртов. Особенно это проявляется на средневековых памятниках Сивинского района (верхнее течение р. Обвы), непосредственно примыкающего к бассейну р. Чепцы. Родановские памятники левобережья р. Камы и Северного Прикамья по керамическому материалу наиболее близки к посуде вымской культуры. К сожалению, несмотря на то, что при изучении поселений и могильников родановской культуры накоплены значительные керамические комплексы, они до сих пор детально не обработаны. Это в значительной степени снижает наше восприятие средневековой культуры Верхнего Прикамья.

В.А. Иванов
НАСЕЛЕНИЕ
«УФИМСКОГО
ПОЛУОСТРОВА»
В ЭПОХУ РАННЕГО
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

«Уфимский полуостров» - территория современного города Уфы, расположенная на возвышенности, образованной руслами рек Уфы (в ее низовьях) и Белой (в ее среднем течении), при слиянии названных рек и р. Дема. С севера на юг «полуостров» тянется почти на 20 км, с запада на восток, в южной части, в районе устьев рек Уфы и Демы – на 7 км. Территория «Уфимского полуострова» сильно пересечена оврагами, руслами рек – Сутолоки и Шугуровки – и ручьев, образующих хорошо защищенные естественным путем мысы.

По своим природно-географическим условиям «Уфимский полуостров» представлял собой весьма удобное место для обитания древних охотников, рыболовов и пастухов. Расположенный на стыке двух ландшафтных зон – лесоталажной (еще в середине XIX века Бельско-Уфимское междуречье было покрыто широколиственно-хвойными лесами) [Кузеев 1978, с.50, рис.2] и лесостепной – «полуостров» со всех сторон был окружен заливными пойменными лугами с богатым разнотравьем*, и это создавало благоприятные условия для ведения комплексного пастушеско-охотничье-рыболовческого

хозяйства. С юга в «Уфимский полуостров» упирался так называемый «степной коридор», пролежавший по Бельско-Демскому междуречью и напрямую выводивший в степи Южного Приуралья. И, наконец, три реки – Белая, Уфа и Дема - представляли собой удобные коммуникации, связывавшие «полуостров» с Прикамьем, Зауральем и Степью.

Но эти же реки и «степной коридор» таили в себе и серьезную опасность, поскольку позволяли «вероятному противнику» практически беспрепятственно подойти к «Уфимскому полуострову» с запада, востока и юга. Поэтому уже первые насельники этой территории свои укрепленные поселения-городища устраивали на высоких надпойменных мысах, с которых можно было контролировать обширные пространства речных пойм. Судя по имеющемуся археологическому материалу, первыми обитателями «Уфимского полуострова» были носители караабызской культуры I тыс. до н.э.

В середине I тыс. н.э. Бельско-Уфимское междуречье, включая и «Уфимский полуостров», было заселено племенами бахмутинской культуры – носителями и продолжателями этнокультурных традиций прикамского пяноборско-мазунинского (финно-пермского) населения. На территории «полуострова» «бахмутинцы» поселяются на тех же местах, где до них жили носители караабызской культуры (IV в. до н.э. – III в. н.э.). Одним из таких мест было *Уфимское (Чортово) городище*, расположенное на восточной окраине современного города Уфы, на территории санатория «Зеленая роща». Памятник был известен еще в XVIII в. и неоднократно обследовался археологами –

© Иванов В.А., 2007.

* Еще в 50-е годы прошлого столетия жители Старой Уфы держали скот и пасли его в пойме Белой и Уфы.

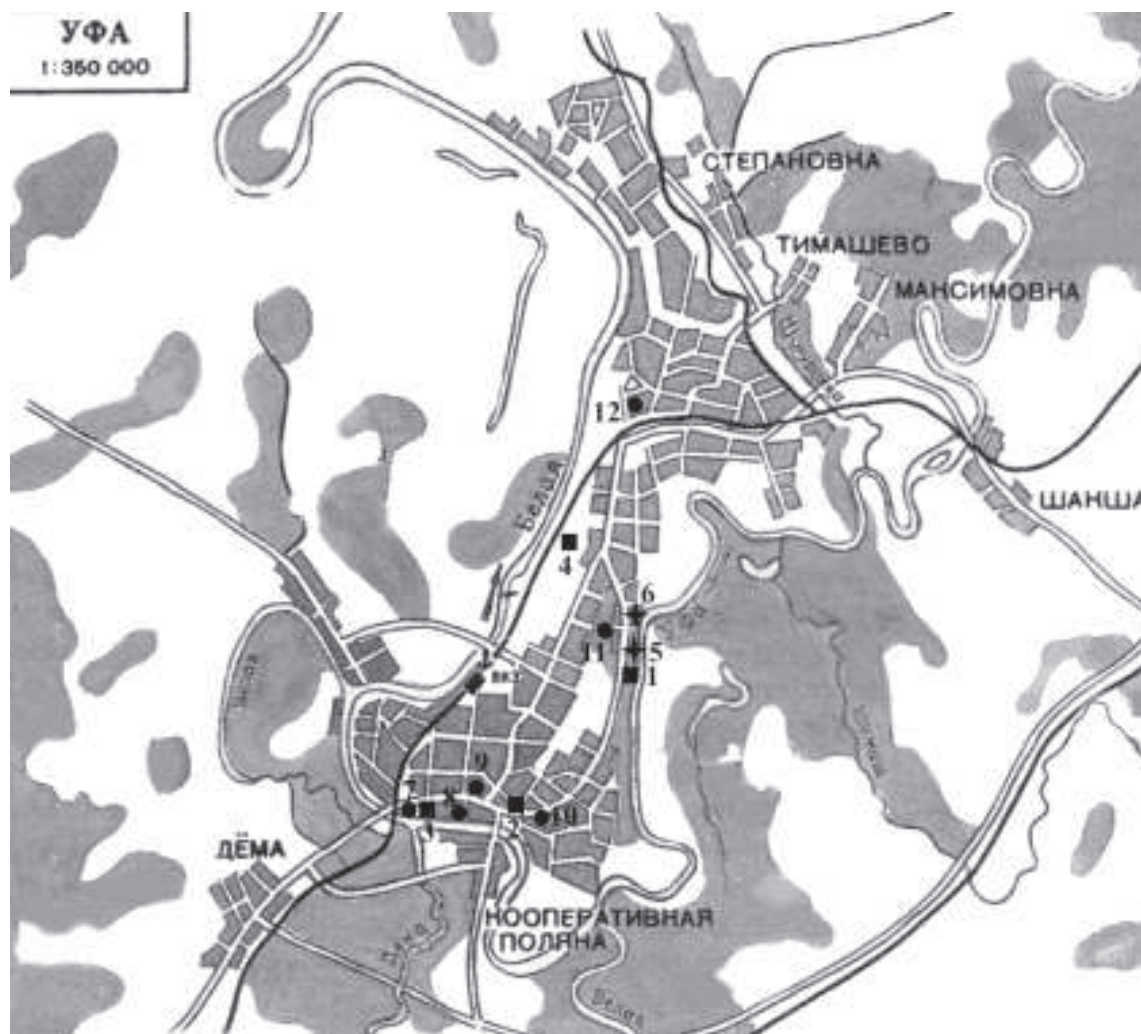

Рисунок 1. Памятники эпохи средневековья на территории г.Уфы

■ - городища + - селища ● - Могильники

1 - Уфимское (Чортово); 2 - Уфа II; 3 - Уфа IV; 4 - Уфа V; 5 - Дудкинское (Юнар); 6 - Дудкинское; 7 - курган на мусульманском кладбище; 8 - на терр. Завода им.Кирова; 9 - под зданием мединститута; 10 - на ул.Е.Созонова; 11 - Новиковское (в районе ВДНХ); 12 - Дежневские (Орджоникидзевские) курганы

Ф.Д.Нефедовым (1878 г.), В.В.Гольмстен (1910, 1912 гг.), Ю.А.Морозовым (1973 г.). Городище расположено на высоком каменистом мысу правого берега р.Уфы, у уфимских старожилов известном еще и под именем «Лысая гора». Над поймой реки городище возвышается почти на 180 м и с трех сторон защищено крутыми обрывами. С северо-западной, напольной стороны городище защищала двойная линия валов. У подножия внешнего вала был

вырыт ров (рис.2а).

Ф.Д.Нефедов в своем отчете, опубликованном в 1899 г., приводит самые краткие сведения о городище, а результаты более масштабных раскопок В.В.Гольмстен в 1910 и 1912 гг. автором вообще не были опубликованы и известны нам только в изложении А.В.Збруевой [Збруева 1952, с.300-307]. В.В.Гольмстен исследовала памятник траншеями, в одной из которых были обнаружены следы землянки и очага,

относящиеся к эпохе Средневековья. Особый интерес представляет разрез внешнего вала и рва городища, показавший, что вал состоял из двух разновременных насыпей – ранней, относящейся к караабызскому времени (рядом с городищем находится могильник караабызской культуры), и поздней подсыпки, состоящей из грунта, взятого с площадки городища, совершенной уже «бахмутинцами».

В 1973 г. раскопки на городище были возобновлены Ю.А.Морозовым на предмет возможной музеефикации памятника (так, кстати, и не состоявшейся). В двух заложённых на городище раскопах также была собрана керамика караабызской (в меньшинстве) и мазунинской/бахмутинской (преобладает) культур [Морозов 2000] (*подробнее смотри статью Е.В. Ивановой в настоящем сборнике*).

Городище Уфа II. Своим открытием памятник обязан известному уфимскому краеведу П.Ф.Ищерикову, который 8-9 сентября 1953 г. по собственной инициативе провел наблюдения за земляными работами, проводившимися на ул.Пушкина. Результаты своих наблюдений П.Ф.Ищериков представил в виде отчета. Из содержания отчета следует, что городище было открыто благодаря водопроводной траншее, пролагаемой по правой стороне ул.Пушкина, от улицы С.Кудаша (*ныне – ул.Ново-Мостовая*) до ул.Воровского (*ныне – просп.С.Юлаева*). В стенках траншеи и ее отвалах были собраны «расколотые кости разных домашних и диких животных, толстые прослойки слежавшегося пепла, отдельных углей и костей, и что особенно значительно – толстостенные и, реже, тонкостенные, мелкие и крупные фрагменты гли-

няной посуды лепной работы, со следами пребывания в огне (варки пищи на костре)».

«...Следует описать эту местность – Улица Пушкина здесь имеет по обе стороны крутые, глубокие и широкие овраги – «Пушкинский» и «Ильинский». Улица кончается высоким и широким мысом, на котором находится туберкулезная больница (*дом Тушинова*). Мыс высится над сливающимися за ним оврагами в один, еще более глубокий. В него вливаются ручьи, текущие по дну этих оврагов в один, бурно впадающий в р.Белую. Высота мыса над дном оврагов метров 50-60. Таким образом, он был недоступен с трех сторон. Западная же сторона мыса характерна заметными (хотя и срывающимися со времени заселения улицы, с XVIII века) террасовидными возвышениями в западную сторону. Очень заметен подъем в сторону сада Луначарского (*парк Аксакова – авт.*), к зданию Совета Министров и далее к Академическому театру (*Театр оперы и балета РБ*)» [Ищериков 1953].

Так в 1953 г. было открыто городище Уфа II. В течение последующих трёх лет на городище продолжался сбор подъёмного материала, а в 1957 г. П.Ф.Ищериков закладывает на памятнике небольшой раскоп площадью в 15 кв.м и дает его первое описание как археологического памятника. В частности, было установлено, что городище занимает квартал между улицами Пушкина, Фрунзе и Воровского и представляет собой мыс, возвышающийся примерно на 40 м над уровнем р.Белой. План городища, очевидно, снят не был (во всяком случае, в архивных материалах П.Ф.Ищерикова его нет), но было отмечено, что городище занимает «до-

вольно большую площадь». Здесь едва ли следует пенять исследователю, поскольку территория памятника была (и остается) плотно застроенной городскими постройками, искажившими его первоначальный абрис. Более подробно описана стратиграфия раскопа: культурный слой мощностью до 3 м, состоящий из наслоений чёрного гумуса, прослоек золы, сгнивших деревьев, на глубине 60-80 см от поверхности обнаружено очажное пятно, мощностью 20 см и диаметром около метра.

На городище найдены предметы из кости, представленные наконечниками стрел, привесками, накладками лука. Встречаются находки глиняных пряслиц, грузила от рыболовной сети, бронзовые браслеты, стеклянные и янтарные бусины.

Из общей массы находок выделяются несколько раковин «каури», служивших привесками, и парфянская гемма, сделанная из горного хрусталя с изображением крылатого гения с тремя змеями в руке. В Парфии такие геммы служили печатями. Гемма найдена на глубине 1,60 м. По этой находке П.Ф. Ищерилов установил примерное время возникновения городища – 1 в. до н.э. и 1 в. н.э. Верхнюю дату существования памятника исследователь устанавливает по находкам керамики, украшенной беспорядочно разбросанными ямками (бахмутинского типа), время бытования которой тогда уже было определено Н.А.Мажитовым в пределах IV-VII вв. н.э.

Общую дату городища Уфа-2 П.Ф. Ищерилов установил, приблизительно, в пределах I в. до н.э. – VII в. н.э. [Ищерилов 1959, с.99].

В 1958 г. исследования городища Уфа II были продолжены Н.А. Мажитовым.

Им также был заложен небольшой раскоп – 10х2 м – в котором были собраны многочисленные фрагменты керамики, разделенные исследователем на семь типов, представляющие собой бахмутинскую, турбаслинскую и кушнаренковскую культуры.

Тем не менее, в совместной с П.Ф.Ищериловым публикации материалов городища Уфа II Н.А.Мажитов подтверждает датировку памятника, также опираясь при этом на парфянскую гемму. Бронзовую бляху и сосуды четвертого типа он тоже относит к раннему периоду существования городища, находя аналогии этим предметам в памятниках пьяноборской культуры (I-II вв. н.э.).

Верхнюю дату городища исследователи по-прежнему устанавливают по сосудам третьего типа, которые характерны для памятников бахмутинской культуры (III-VIII вв.н.э.) [Ищерилов, Мажитов 1962, с.145]. Впрочем, позже, когда номенклатура и хронология археологических культур эпохи Раннего Средневековья приобрела устойчивость, городище Уфа II было однозначно определено как памятник I тысячелетия н.э.[Археологическая карта Башкирии 1976, с.124, №1015].

К сожалению, исследователи городища в своих публикациях не указывают координат своих раскопов (участок, усадьба), поэтому установить исследованные части территории городища не представляется возможным. Если же опираться на стратиграфию траншеи, описанную П.Ф.Ищериловым, и стратиграфию раскопа 1958 г., то складывается впечатление, что траншея и раскоп находились на разных участках памятника.

Более или менее точные координа-

ты своих раскопок, проводившихся на городище Уфа II в 1990 году («на пересечении улиц Воровского и Пушкина»), дает В.В.Овсянников. Фактически же раскопки производились на территории усадьбы дома Тушнова («туберкулезная больница» у П.Ф.Ищерикова), и поныне стоящем в створе улицы Пушкина и проспекта Салавата Юлаева, на восточной стрелке городища Уфа II, впоследствии уничтоженной в ходе расширения въезда в г.Уфу со стороны Уфимского аэропорта. Площадь раскопа составила 92 кв.м. Культурный слой на этом участке памятника составлял около 1,5 м.

Основную массу находок, относящихся к Раннему Средневековью, составляют обломки глиняной посуды. В.В.Овсянников разделил керамику на шесть типов:

- ряд сосудов романовского типа с примесью шамота и неровной поверхностью V-VII вв.н.э.;

- сосуды бахмутинской культуры с примесью песка и мелких камушков и орнаментированных круглыми или треугольными насечками V-VII вв.н.э.;

- низкогорлые или широкогорлые чаши с примесью просеянного песка и хорошо заглаженной поверхностью – имендешевская керамика, датирующаяся III-V вв.н.э.;

- сосуды турбаслинской культуры V-VII вв.н.э.;

- лепные горшки кушнаренковской культуры VI-VII вв.н.э.;

- лепные низкогорлые горшки караякуповского типа VIII-IX вв.н.э. [Овсянников 1992].

Никто из исследователей городища Уфа II не составлял плана памятника, что, впрочем, вполне объяснимо, поскольку его территория, начиная с

XVIII века и по сей день, плотно застроена. Однако таковой в природе существует. Правда, как часть топографического плана Уфимской крепости 1745 года, составленного в масштабе 1 см = 40 саженей (или 85 м). Подлинник плана хранится в Государственном военно-историческом архиве РФ. В фондах Национального музея РБ имеется его копия, с которой автора познакомил заведующая отделом Отечественной истории В.Н.Макарова. За что выражаю ей свою глубокую признательность.

На данном плане в 340 м к северо-западу от мыса, на котором располагалась Уфимская крепость (площадь перед Монументом Дружбы), находился мыс треугольной формы, образованный руслами двух ручьев, сливающихся у основания восточной стрелки мыса (позже эти русла были названы Пушкинским и Ильинским оврагами). С западной, напольной стороны мыс был защищен М-образным валом, шириной 8 или чуть более саженей (16-18 м). Площадка мыса тремя уступами как будто понижалась к востоку. Перед валом прослеживается широкий ров. Длина мыса составляла около 300 м по центральной оси и 170 м по основанию. Таким образом, его площадь была 25500 кв.м., или 2,5 га. То есть, никак не 15 га, как утверждали первые исследователи памятника [Ищериков, Мажитов 1962, с.65]. Тем более что западнее вала мыс был изрезан широким оврагом и его ответвлениями (рис.2б).

Совместив контуры городища Уфа-2 с планом г.Уфы 1897 г., выполненным в масштабе 1 см = 100 саженей или 213 м, на котором обозначено место слияния ручьев, текущих по Пушкинскому и Ильинскому оврагам (эта

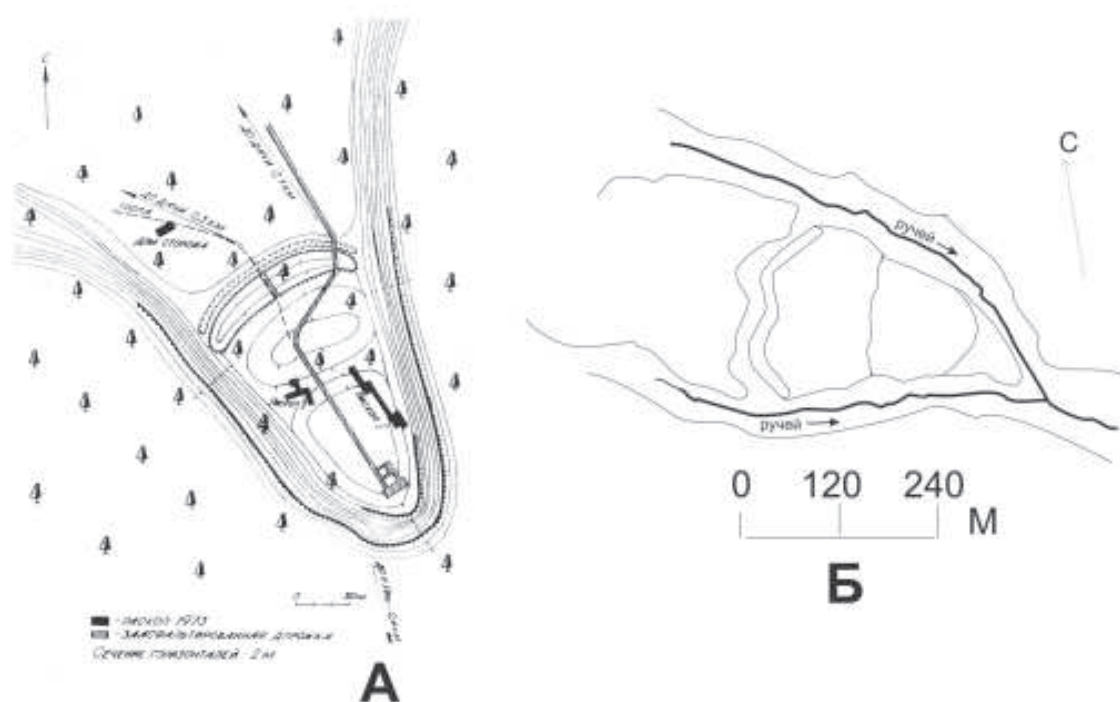

Рисунок 2. Планы городищ, известных на территории г.Уфы.
А-Уфимское (Чертovo) городище (по Ю.А. Морозову); Б-городище Уфа II (по карте 1745г.)

точка будет для нас отправной в системе координат) [Синенко 2002, форзац], мы убеждаемся в том, что городище располагалось в квартале улиц Спасская (ныне Ново-Мостовая) и Малая Ильинская (ныне Проспект Салавата Юлаева), ближе к последней. Прямо по центру городища проходит ул.Голубиная (ныне Пушкина).

Городище Уфа III – самый непонятный памятник эпохи Средневековья на территории «Уфимского полуострова». Единственное опубликованное описание его – «Археологическая карта Башкирии», из которого следует, что городище «находится на правом возвышенном берегу р.Белой, на мысу, ограниченном с северной и южной стороны глубокими оврагами. На территории городища расположены современные улицы Фрунзе, Тукаевская, Пушкина, Октябрьская, Н.Мостовая, Воровского» [Археологическая карта Башки-

рии. 1976, с.124, №1014]. То есть, если брать крайние ориентиры – улицы н.Мостовую и Воровского и улицы Тукаевскую и Октябрьской революции, – то получается грандиозное по своим масштабам поселение площадью 37,5 га, поглотившее и городище Уфа II.

Плана «городища Уфа III» никто никогда не составлял, хотя в упомянутой выше публикации указано, что культурный слой памятника, мощностью 2-2,5 м, насыщен золой, углями, костями животных, фрагментами керамики бахмутинского и турбаслинского типов. Если же наложить описание памятника на план Уфимской крепости 1745 г., то получается, что большая часть предполагаемого «городища Уфа III» - это овраги, между которыми находилось городище Уфа II.

Все это дает нам основание утверждать, что под «городищем Уфа III» предшествующие исследователи под-

разумевали какую-то часть городища Уфа II или неукрепленные поселения, которые могли существовать вокруг него.

Городище Уфа IV расположено на мысу, на южном конце которого сейчас стоит памятник Салавату Юлаеву. Обнаружено благодаря находкам керамики карабызской культуры во время посадки деревьев возле памятника (Археологическая карта...). Карабызская принадлежность городища подтверждается и могильником, расположенным восточнее, за Черкалихинским оврагом, начиная от здания Башкирского государственного университета до площади Башкирского драмтеатра.

Однако при выравнивании склонов мыса при начале строительства Дома дружбы народов Башкортостана в 2006 г. была собрана и коллекция бахмутинской керамики. Это дает основание относить время существования городища Уфа IV и к эпохе Средневековья. Оборонительные сооружения городища до нас не дошли, поэтому ничего определенного ни об их размерах, ни о конструкции мы сказать не можем. В картотеке Б.Коишевского в окрестностях Уфимского мусульманского кладбища упоминаются следы вала, который, возможно, был связан с городищем Уфа IV.

Городище Уфа V – по сообщению уфимского археолога В.В.Овсянникова, расположено на узком и высоком мысу правого берега р.Белой, за Уфимским дворцом спорта. Культурный слой на городище практически отсутствует, но по склонам его собрана керамика карабызского и бахмутинского типов.

* * *

Итак, подводя итог написанному: в эпоху Средневековья (середина I тыс. н.э.) на территории «Уфимского полуострова» существовали четыре (доподлинно известных) городища, три из которых – Уфимское (Чертово), Уфа IV и V – были сооружены носителями бахмутинской культуры на месте более ранних городищ карабызской культуры. Рядом с одним из них – Уфимским (Чортовым) – существовали два небольших поселения: Дудкинское I и Дудкинское II (Юнар), расположенные на самом краю террасы правого берега р.Уфы. Однако в V или VI в. н.э. бахмутинское население «Уфимского полуострова» было потеснено или изгнано носителями турбаслинской культуры, для которых эта территория становится своеобразным центром их этнической территории. На это указывает мощность и насыщенность культурного слоя городища Уфа II, где количественно преобладает именно турбаслинская керамика, и наличие на территории современного г.Уфы богатых погребений турбаслинской культуры.

Н.Б. Крыласова
СПОСОБЫ
ИСКУССТВЕННОГО
ОСВЕЩЕНИЯ ЖИЛИЩ В
СРЕДНЕВЕКОВОМ
ПРЕДУРАЛЬЕ

Одним из необходимых условий обитания человека в жилище является наличие освещения, без которого невозможно выполнение повседневной хозяйственной деятельности. Но создание необходимого освещения в жилищах на протяжении долгого периода оставалось чрезвычайно сложной задачей, поскольку первостепенное значение имело сохранение тепла, в результате чего все проемы (окна, двери, дымовые отверстия) сводились до минимума, и естественный дневной свет попадал в помещение в очень малом количестве. А короткие зимние дни в наших широтах еще в большей степени сокращали эту составляющую в освещении жилищ.

Основным источником света в помещении являлся открытый очаг, который располагался обычно в центре жилища, откуда относительно равномерно и обогревал и освещал окружающее пространство. Археологические источники не дают четких представлений о том, существовали ли какие-либо дополнительные источники освещения в жилищах с открытым очагом. Можно лишь предполагать использование приспособлений типа факела и жировых ламп. Масляные светильники (или жирники) известны достаточно давно. На ранних этапах в качестве жировых ламп могли использоваться раковины

моллюсков, каменные или деревянные плошки, черепки керамической посуды [Материальная культура 1989, с.117]. В эпоху раннего железного века уже хорошо известны специализированные плошки. В них наливался жир, в котором плавал горящий фитиль из лоскута или мха (например, в саргатской культуре). Такое приспособление сохранялось и в этнографическое время у жителей Сибири. Причем жирник служил не только источником света, но и источником тепла, с его помощью могли обогревать отдельные части жилища – спальные места, комнаты. Судя по этнографическим данным, когда горел жирник, в пологе на спальном месте было настолько тепло, что можно было раздеваться до пояса [Матвеева и др. 2005, с.115].

На средневековых памятниках Пермского Предуралья представлено большое разнообразие керамических сосудов. К сожалению, этот богатейший материал пока не подвергался специальному исследованию, и мы имеем лишь поверхностные представления о составе форм керамических сосудов, их назначении, количественном соотношении. Например, одной из интересных форм сосудов являются маленькие низкие круглодонные плошки с диаметром по венчику 5-10 см. Они составляют сравнительно незначительную долю среди керамического материала в целом, однако известны на широком круге памятников. Назначение этих сосудиков пока точно не определено. Возможно, они использовались как индивидуальная посуда для питья. Но наличие следов нагара на некоторых фрагментах наводит на мысль о том, что плошки могли применяться как масляные светильники. И

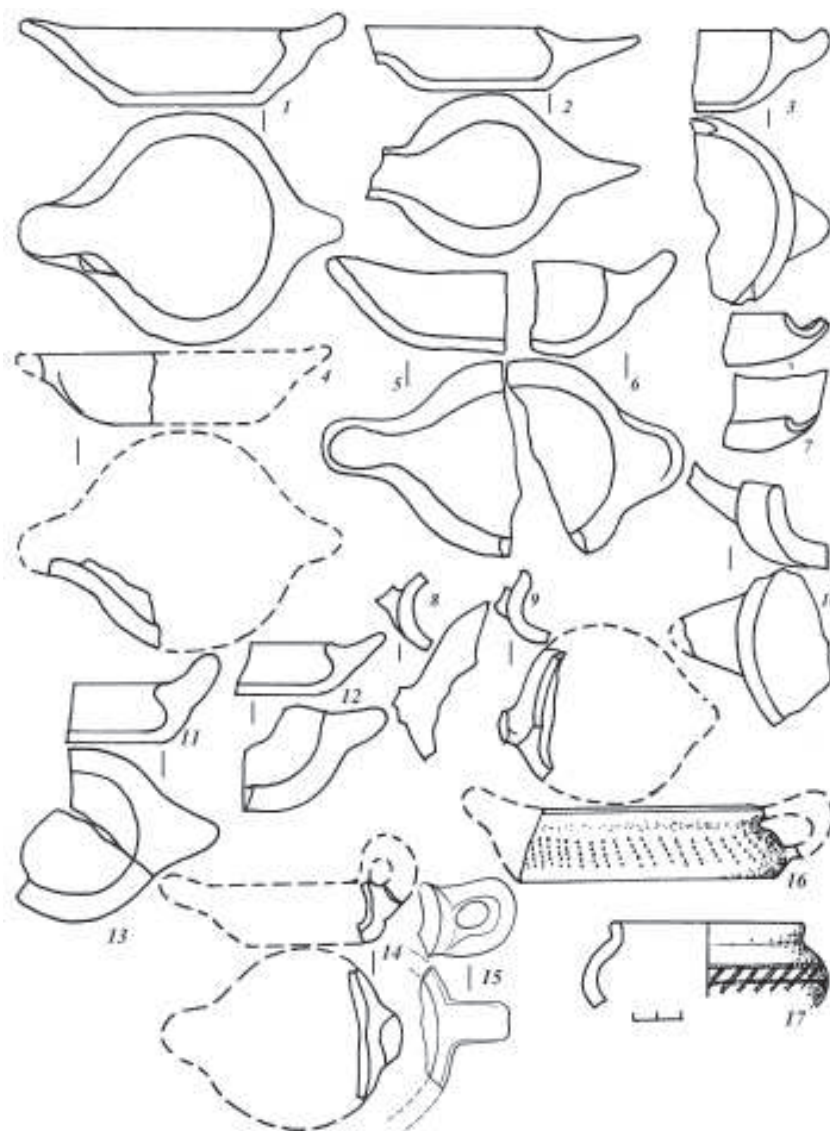

Рис. 1. Масляные керамические светильники: 1-9, 11-13, 15-17 – Анюшкар; 10 – Роданово городище; 14 – Рождественское городище

все же прямых свидетельств о наличии специализированных осветительных приборов в жилищах жителей Пермского Предуралья вплоть до XI в. не существует.

В XI в. на ряде городищ получили распространение специализированные масляные светильники, снабженные носиком для фитиля и ручкой.

Подобные керамические светильники были изобретены еще в греко-римскую эпоху, в период Средневеко-

вья на территории нашей страны они особенно широко были распространены на Руси, где существовало множество разновидностей масляных светильников. С X в. светильники получили распространение и в Волжской Булгарии, где формы их были более стандартными [Кокорина 2002, с.145].

Несомненно, что на городищах Пермского Предуралья представлены масляные светильники булгарского ремесленного производства. Наибольшее

количество этих предметов встречено в культурном слое городища Анюшкар. В подавляющем большинстве это красноглиняные низкие плошки с округлыми боками и плоским дном, с вытянутым ложечкой носиком и горизонтальной подтреугольной рукоятью. По размерам они отличаются также незначительно. Это может свидетельствовать о том, что на Анюшкаре, вероятно, жил ремесленник-гончар, который, помимо всего прочего, специализировался и на изготовлении светильников, которыми снабжал местное население. Следует отметить, что на городище Анюшкар встречены и лепные светильники, по форме подражающие болгарским, но изготовленные из традиционного глиняного теста с примесью толченой раковины, имеющие характерный для местной керамики обжиг, и даже украшенные традиционным гребенчатым орнаментом. Этот факт является весьма показательным. Известно, что в изготовлении керамической посуды население обычно строго придерживалось дедовских традиций, избегая всяческих инноваций, даже если они становились необходимыми. Поэтому появление в ассортименте сосудов домашнего производства новых, нетрадиционных форм может являться свидетельством прочного внедрения в быт такого элемента утвари, как масляные светильники. Вероятно, потребность в специализированных светильниках возникла в связи с распространением еще одного новшества – глинобитной печи, которая не давала такого количества света, как открытый очаг.

Кроме городища Анюшкар, масляные светильники болгарского типа встречены на Родановом и Рождественском городищах. Причем, из всей име-

ющейся коллекции только два фрагмента (Рождественское городище, Анюшкар) имели ручку-петельку, что является еще одним свидетельством в пользу предположения о едином центре производства масляных светильников в Пермском Предуралья. Причем один из указанных фрагментов покрыт зеленой поливой, аналогии подобным светильникам имеются в материалах золотоордынского времени. Это, вероятно, самый поздний из известных на нашей территории светильников, которые, появившись на незначительный период и распространившись на ограниченном круге крупных городищ, резко вышли из обихода, вероятно, в силу прекращения существования ремесленного центра их производства. Не сохранилась и традиция собственного изготовления светильников. Каковы причины этого, сложно судить. Возможно, все дело в том, что в XIII в. крупнейшие городища, где зародились новые традиции обустройства быта, прекратили свое существование, не успев оказать серьезного воздействия на культуру сельской округи, продолжавшей жить старыми дедовскими порядками. Да и наличие этой сельской округи вызывает сомнения, Пермское Предуралье в XIII-XIV вв. серьезно обезлюдело.

Археологам известны буквально единицы памятников, которые с уверенностью можно датировать XIV веком. Одним из них является селище Телячий Брод. Здесь был обнаружен самый ранний в Прикамье осветительный прибор совершенно нового типа – светец-лучинодержатель. Светцы являются самым популярным приспособлением для установки лучин, которые, как один из самых доступных источ-

Рис. 2. Светцы: 1 – селище Телячий Брод; 2-3 – Искор; 4, 6 – Редикарское городище; 5 – Эсперово городище; 7-8 – Нижний Чусовской городок

ников света, бытовали в деревнях вплоть до начала XX в., хотя уже существовали новые источники освещения. Гореть лучину было заставить не просто, нужно было держать ее наклонно, горящим концом вниз – иначе погаснет. Поэтому горящую лучину стали закреплять в специальной подставке – светце [Безденежных, Карлюк 1990, с.9-10]. Простейшие светцы представляли собой развилку с двумя-че-

тырьмя рожками из кованого железа на одном конце и с «пятником» – острием – на противоположном конце. Светец вбивали нижним заостренным концом в деревянный чурбак или подставку, а между рожками развилки укрепляли горящую лучину. Этнографические материалы свидетельствуют, что светцы, установленные на невысоких деревянных подставках, можно было переносить, ставить на лавку или стол, что

было довольно удобно [Безденежных, Карлюк 1990, с.13-14]. Под светец обязательно ставили емкость с водой, что было вызвано, прежде всего, требованиями соблюдения пожарной безопасности, так как вода гасила падающие сверху сгоревшие части лучины. Но кроме того, вода отражала свет горящей лучины, что дополнительно освещало дом [Лобанов 1989, с.80].

Б.А.Колчин разделил известные по новгородским материалам светцы на несколько типов. Среди которых первый тип – вилообразные однолучинные светцы – является самым простейшим и самым древним [Колчин 1959, с.100]. Судя по новгородским материалам, подобные светцы появились в жилищах с XIII в., хотя Л.А. Голубева полагала, что они бытовали и в XII в., а наиболее ранние – в XI веке [Голубева 1973, с.126, рис.44/5,7]. В Прикамье светцы могли попасть либо с русскими, либо с иными западными переселенцами, хорошо знакомыми с русской культурой. Приток нового населения в Пермское Предуралье, начавшийся еще во второй половине XI в., к этому времени усилился. Пока светец с селища Телячий Брод является единственным, который четко датируется XIII-XIV веками. Аналогичные вилообразные однолучинные светцы с завитками на концах планок обнаружены на Редикарском, Искор, Эсперовом городищах, в Нижних Чусовских городках в слоях XIII-XVI веков. С XV в. светцы стали делать с тремя пружинами, сразу для двух лучин, у них держащая часть выковывалась в форме прямого стержня с двумя прижатыми к нему фигурно изогнутыми в виде бутона пластинами. Во всяком случае, в Орле-городке в слое XVI в. обнаружены именно такие

светцы. Однако в Мангазее вилообразные однолучинные светцы известны и в середине XVI века, Нижний Чусовской городок был построен только во второй половине XVI века.

Следует отметить, что разнообразные новшества (печи, светильники, светцы) *появляются, в первую очередь, у населения крупных городищ*, имевших возможность приобщения к инокультурным традициям, наблюдаемым у пестрого состава разного рода пришельцев и переселенцев (торговцев, ремесленников). «Городское» население, вероятно, было менее консервативным в плане строго соблюдения этнических традиций и, в силу этого, более склонно к новациям.

И.В.Босенко
Этнокультурные связи
неволинской культуры (по
материалам бронзовых
украшений)

История Евразии второй половины I тысячелетия н.э. знаменуется процессами эпохи Великого переселения народов, начавшегося в IV в. н.э. в результате продвижения гуннских племен из Центральной Азии на запад. По всей территории континента происходило грандиозное перемещение множества этнически разнородных племен, вступавших во взаимодействие различного характера. Оценить этот процесс в целом мы можем только после тщательного исследования истории каждого этноса и его контактов. Осуществить это можно, в том числе, и на основе анализа археологического материала, оставленного различными народами, взаимодействие которых обусловило и взаимопроникновение элементов их материальной культуры. Сходный материал можно найти на археологических памятниках, разделенных тысячами километров, и этот материал будет свидетельствовать о том, что группы населения, оставившего его, либо имеют общее происхождение, либо сталкивались вследствие миграционных процессов, обусловленных Великим Переселением Народов, либо вступали в экономические или любые другие контакты, сопровождающие историю практически любого народа в

любой исторический период.

Предметом нашего исследования стали этнокультурные связи неволинской археологической культуры, представители которой проживали во второй половине I тысячелетия н.э. на юго-востоке современной Пермской области. Под этнокультурными связями понимается вся совокупность внешних контактов народа, то есть торговые, брачные, политические и другие отношения. Объектом исследования является вещевой материал, найденный на памятниках неволинской культуры, а конкретно бронзовые украшения, то есть различные подвески, перстни, браслеты, шейные украшения, пронизки и, в особенности, предметы поясного набора – накладки и наконечники ремня (пряжки не рассмотрены подробно, так как это очень многочисленная категория материала, которая требует отдельного специального исследования). Объектом исследования также являются аналогичные материалы, найденные на памятниках других археологических культур.

Необходимость подобного исследования обусловлена малой изученностью истории внешних контактов неволинской культуры, несмотря на то, что она занимает значительное место в раннесредневековой истории Прикамья. Возможно, неволинцы в большой степени повлияли на социальное, культурное и экономическое развитие народов не только Урала, но и Евразии вообще. Подтверждение или опровержение этого положения возможно только на основе исследования связей неволинской культуры с другими культурами, определения характера и масштаба этих связей. Изучение этих вопросов на основе материала бронзовых украшений и является целью нашей

© Босенко И.В., 2007. Настоящая статья основана на выпускной квалификационной работе, рекомендованной к публикации Государственной аттестационной комиссией в 2004г.

работы.

Бронзовые украшения неволинской культуры включают в себя височные подвески в виде овальных проволочных колец с привесками, перстни, чаще всего с крупными вставками, браслеты, шумящие и нешумящие подвески, пронизки (предметы со сквозными отверстиями), гривны (шейные украшения в виде обручей). Перечисленные категории составляют около 20% бронзовых украшений, а около 80% приходится на элементы поясного набора, которые являются яркой особенностью неволинской культуры, одним из ее маркеров. Исследователями выделяется 4 основных типа поясов, присущих инвентарю неволинской культуры – это т.н. агафоновские, неволинские, тюркско-аварские и салтовские пояса. Уникальными считаются пояса неволинского типа, которые являются принадлежностью женского костюма, и составляют около половины от всех найденных на территории неволинской культуры поясов [Голдина 1990, с.74-75]. В поясной набор этого типа входят, в частности, специфические для неволинской культуры Ж-образные накладки и накладки-тройчатки.

Хронологические рамки исследования практически совпадают со временем существования неволинской культуры, которая сформировалась в середине I тысячелетия н.э. (скорее всего, на основе прикамского гляденовского и западносибирского угорского саргатского населения) и исчезла (по невыясненным пока окончательно причинам) в IX в. [Голдина 1999, с. 276-277].

В связи с возможным происхождением неволинской культуры косвенно затронут более ранний период, а в связи с наследованием некоторых нево-

линских традиций другими культурами – более поздний.

Территориальные рамки исследования при выявлении аналогий неволинскому материалу включают в себя всю евразийскую ойкумену второй половины I тысячелетия н.э., а при определении характера и масштаба соответствующих этнокультурных связей – территорию контактирующих групп населения.

Как уже отмечалось, работ, комплексно раскрывающих этнокультурные связи неволинской археологической культуры, пока нет. Так или иначе затрагивают вопросы контактов неволинцев К. Мейнандер [Мейнандер Карл Ф. 1979.], Д.А. Мачинский [Мачинский 1997], Р.Д. Голдина и Е.В. Голдина [Голдина, Голдина Е.В. 1997], В.Д. Викторова [Викторова 2000], А.М. Белавин и Н.Б. Крыласова, [Белавин 2000а; Крыласова, Белавин 2001], А.Г. Иванов [Иванов 2001].

Существование неволинской археологической культуры является одной из ярких страниц средневековой истории Прикамья. К сожалению, мы не можем говорить о ее достаточной и тем более полной изученности. Полевое изучение памятников бассейна р. Сылва, начавшееся в конце XIX века и активно осуществлявшееся КВАЭ Удмуртского университета под руководством профессора Р.Д. Голдиной и других исследователей во второй половине XX века, особенно в 1970-1980-х гг., в последнее время практически прекратилось. Не смотря на то, что по материалам неволинских могильников и поселений опубликован ряд работ они, к сожалению, не охватывают весь спектр проделанных удмуртскими археологами исследований, особенно это касается поселенческих материалов.

Большое количество вопросов, касающихся неволинской культуры, пока находится вне внимания ученых. К кругу этих вопросов относится и проблема взаимодействия племен неволинской культуры с населением других регионов. Прделанная работа по поиску аналогий неволинским бронзовым украшениям среди материала памятников археологических культур, в разной степени удаленных от неволинской, подтверждает предположение о том, что это взаимодействие не только имело место, но и носило достаточно широкий характер.

При рассмотрении инвентаря евразийских памятников второй половины I тыс. н.э., аналогичные неволинским бронзовые украшения были найдены на поселениях и в могильниках следующих территорий: Верхнее и Нижнее Прикамье, Сибирь, Припечорье, Южный Урал, Удмуртия, Верхнее Поволжье и Поочье, Приладожье и Повычегодье, Скандинавия, Причерноморье и Приазовье.

Верхнее Прикамье. Северная часть территории Верхнего Прикамья, соседняя с неволинской, во второй половине I тыс. н.э. была занята племенами ломоватовской культуры. Ломоватовская и неволинская культуры являются родственными. Их сходство прослеживается в хозяйственном укладе, в погребальном обряде, в материальной культуре, в том числе, в бронзовых украшениях [Голдина 1985]. Аналогичный инвентарь, в больших количествах найденный на памятниках ломоватовской и неволинской культур, свидетельствует о наличии теснейших контактов между ними.

Очевидно, что бронзовые украшения, будучи очень похожими, произво-

дились, тем не менее, на территории обеих культур. Их сходство объясняется вероятным этническим родством и территориальной близостью двух групп населения, повлекшими за собой общность духовной культуры, обуславливающей, как известно, общность и материальной культуры. Взаимодействие неволинских и ломоватовских племен сопровождалось обменом технологией изготовления бронзовых украшений, мотивами их орнаментации и традициями использования.

Однако обозначенные выше положения не исключают возможность обмена готовыми изделиями между неволинцами и ломоватовцами. Обмен этот мог происходить в результате торговых или брачных связей.

Сибирь. Находки бронзовых украшений, аналогичных неволинским, в Сибири эпизодичны (урочище Кудыргэ – Алтайский край [Гаврилова 1965], могильник Юрт-Акбалык-8 – Новосибирская область [Троицкая, Бородовский 1990]). Но находки накладок-тройчаток, тем не менее, указывают на непосредственные контакты с территорией неволинской культуры.

Вероятно, развивающиеся торговые связи населения Верхнего Приобья затронули не только ближайшие южные территории, но и более удаленные, в частности, прикамские. Здесь нужно еще раз подчеркнуть, что ядро неволинской культуры, скорее всего, составили саргатцы – выходцы из Западной Сибири (Приртышья и Притоболья), переселившиеся на Сылву в IV в. н.э. под давлением гуннов. Очевидно, обосновавшись на новом месте, они начали восстанавливать старые связи с сибирским населением. Тем не менее, маловероятно, что обмен между населе-

нием бассейна р.Сылва и Верхнего Приобья был интенсивным.

Припечорье. Находки вещей, подобных неволинским, встречены в т.н. Подчеремском кладе «чуждских вещей» [Городцов 1937], а также в верхнем слое Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места [Мурыгин 1992]. Аналогичный прикамскому материал в Припечорье был редкостью, весьма ценился местным населением, и использовался, судя по всему, не в повседневной жизни, а при отправлении культовых обрядов. А поскольку сакрализуется обычно то, что малоизвестно либо малодоступно, можно сделать вывод об отсутствии тесных этнокультурных контактов между двумя группами населения.

Южный Урал. Археология Южного Урала второй половины I тысячелетия н.э. характеризуется существованием здесь нескольких археологических культур – бахмутинской, турбаслинской, кушнаренковской [Мажитов 1981]. Материал бронзовых украшений, найденных на территории бахмутинской культуры [Мажитов 1968], свидетельствует об обмене (вероятно, взаимном) с Прикамьем не самими украшениями, а традициями их изготовления. В пользу этого предположения говорят простота сходных вещей (их легче изготовить самим, чем импортировать), незначительные отличия между аналогичными вещами (свидетельствующие о том, что их делали разные мастера), а также большое количество предметов, примерно сходных по форме, но различных в деталях. Известно, что неволинцы поддерживали весьма тесные контакты с азиатскими государствами, в особенности с Сасанидским Ираном. Возможно, путешествуя на восток, при-

камские купцы по пути вступали в контакт и со своими более близкими соседями – бахмутинцами, вследствие чего в материальной культуре этих двух групп населения появились общие черты.

В отличие от бахмутинского материала, турбаслинские аналоги неволинским вещам являются их практически точной копией [Археология Южного Урала 1992.]. Из этого можно сделать вывод о том, что население Прикамья и турбаслинцы обменивались не традициями изготовления, а собственно украшениями. На это же указывает и тот факт, что турбаслинцы, по мнению исследователей, не имеют местных корней, и пришли на Южный Урал со сложившейся культурой. И, имея собственные традиции металлического литья, представители турбаслинской культуры предпочли следовать им, а не мотивам местного населения, приобретая, тем не, менее готовые изделия. Происходило это приобретение в результате торговых или брачных контактов либо военных набегов. О воинственности турбаслинцев говорит их возможное участие в военных походах на Запад с гуннскими племенами (во время проживания на территории Волго-Донского междуречья).

В пользу предположения о наличии некоторых этнокультурных контактов между представителями кушнаренковской культуры и прикамским населением говорит распространение на территории этих культур практически идентичных украшений [Мажитов 1981]. Еще одним объяснением сходства инвентаря неволинских и кушнаренковских погребений может быть вероятное родственное угорское происхождение населения этих культур.

Удмуртия. Множество аналогий неволинскому материалу, свидетельствующих о развитых этнокультурных контактах, мы находим на территории полумской культуры. Например, по данным В.Б. Ковалевской, в прикамских могильниках повторяется 2/3 полумских накладок [Ковалевская 1969]. Материал убедительно свидетельствует об общем происхождении неволинской и полумской культур (и та, и другая имеют гляденовские и угорские корни), следствием чего явились, в том числе, общие традиции изготовления бронзовых украшений. Однако, на наш взгляд, сходство материальной культуры полумских и неволинских племен свидетельствует и о тесных этнокультурных связях, включавших, вероятно, и торговые, и брачные, и миграционные контакты. На это указывает наличие на памятниках этих двух культур инвентаря (в частности, поясов неволинского типа), явно произведенного в одном месте. Этнокультурные отношения полумцев и неволинцев были обусловлены как этническим родством, так и территориальной близостью, позволяющими наладить тесное взаимодействие.

Нижнее Прикамье. Найденные здесь в незначительных количествах вещи (например, материал Больше-Тиганского могильника [Халикова 1976]) сходны с неволинскими по форме, но отличаются в деталях или в орнаментации. Это говорит об общем происхождении населения, оставившего эти памятники, либо об эпизодичных этнокультурных контактах.

Верхнее Поволжье и Поочье. На территории проживающих здесь во второй половине I тыс. н.э. предков мордвы, муромы и мери обнаружен

сходный с неволинским материал (в частности, накладки-тройчатки), свидетельствующий о торговых отношениях этих групп населения [Горюнова 1953; Белорыбкин 2003; Горюнова 1961]. Присутствие в мерянских и муромских материалах накладок-тройчаток, являющихся этномаркером неволинской культуры, достоверно, на наш взгляд, свидетельствует о наличии этнокультурной связи между этими народами. Интересен тот факт, что эти накладки использовались по-разному (в поясном наборе у неволинцев и в качестве украшения ножен у муромы). Это говорит о том, что неволинцы экспортировали сюда не готовые пояса, как в других случаях, а отдельные предметы из поясных наборов, либо наборы, не прикрепленные к ремню.

Приладожье и Повычегодь. Материал свидетельствует об обширном взаимодействии между неволинцами и населением этих регионов. Скорее всего, широко был распространен обмен готовыми изделиями – это закономерно, так как по территории Повычегодья двигались на запад прикамские купцы с товаром. Об этом свидетельствует и то, что в инвентаре находящихся здесь памятников представлены поясные наборы в том же виде, в котором они носились и на Сылве [Савельева 1979]. Кроме того, торговое (и, возможно, брачное) взаимодействие различных культур повлекло, скорее всего, за собой и взаимопроникновение некоторых элементов мировоззрения. Так, известно, что среди прикамского населения был распространен культ коня, характерный для степей, лесному же населению Повычегодья присущ культ медведя, и вследствие контактов этих групп на прикамских памятниках об-

наруживаются фигурки медведей (пронизки), а на памятниках северной лесной полосы – пронизки-коньки.

Скандинавия. Очень интересен и неоднозначен факт нахождения типично неволинского материала в могильниках Скандинавии. Здесь найдено по крайней мере 19 поясов неволинского типа [Мейнандер 1979]. На основании анализа этого материала мы можем с уверенностью говорить о контактах неволинского и скандинавского населения. Вероятнее всего, эти контакты носили характер торгового обмена, но сопровождались определенной мировоззренческой (религиозной) нагрузкой.

Причерноморье и Приазовье. В VIII-IX вв. н.э. на территориях Приазовья обитали народы, создавшие т.н. салтово-маяцкую культуру [Плетнева 1967]. Материал, характерный для этой культуры, присутствует и на неволинских памятниках – это упомянутые пояса салтовского типа, обнаруженные примерно в 6% поздних неволинских погребений, и являющиеся атрибутом мужского костюма [Голдина, Водолаго 1990]. Столь малая распространенность этих накладок говорит, на наш взгляд, о том, что они привозились, а не производились на месте. Скорее всего, эти пояса попадали на территорию неволинской культуры в готовом виде – об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что типично неволинские накладки на поясах салтовского типа отсутствуют. Маловероятно, что проникновение салтовских поясов осуществлялось в результате брачных контактов (в этом случае пояса принадлежали бы женщинам). Скорее, салтовские вещи попадали в Прикамье в результате торгового обмена или миграционных про-

цессов. Находки аналогичного неволинскому материала на территории Причерноморья [Засецкая 1968; Засецкая 1979] еще раз убеждают нас в наличии определенной моды, которой следовало население Евразии вне зависимости от этнической принадлежности.

Таким образом, сопоставление неволинских бронзовых украшений и инвентаря евразийских памятников позволило очертить следующий ареал распространения аналогичного неволинскому материала: на востоке это территория Западной Сибири, в частности, бассейн Оби; на севере граница проходит практически по побережью Ледовитого океана, включая в ареал находок неволинского материала бассейны рек Печоры и Вычегды и Ладожского озера; на северо-западе исследуемые украшения известны вплоть до финского, шведского и эстонского побережья Балтийского моря включительно; на западе граница проходит по Волге и Оке и, захватывая Приазовье, идет вдоль южной границы современной Башкирии.

Из бронзовых украшений, аналогичных неволинским, на этой территории наиболее часто встречающимися являются квадратные и арочные накладки с прорезями, Т-образные, мечеобразные накладки, накладки с приостренным концом, антропоморфные пронизки. Этот материал, на наш взгляд, свидетельствует не столько о непосредственных связях неволинцев, сколько о наличии определенной моды, существовавшей по всей Евразии, и захватившей в том числе неволинскую территорию. Конечно, распространение моды не может происходить без контактов различных групп населения,

но подробно и достоверно характеризовать подобные контакты мы не можем, хотя и констатируем их наличие.

Выводы гораздо большей степени определенности мы можем делать на основании распространения более своеобразного материала. Это якорьковидные, Ж-образные, ромбические накладки, типологически определенные птицеобразные пронизки, пронизки-коньки, пронизки-уточка, биконьковые шумящие подвески, инвентарь т.н. тюркско-аварских и салтовских поясов, и, наконец, наиболее достоверно о контактах неволинского населения говорят пояса неволинского типа и характерные для них накладки-тройчатки.

Условия находок описанного материала к востоку от неволинской культуры приводят к выводу о том, что этнокультурные контакты неволинцев с населением местных территорий были в наибольшей степени обусловлены их (неволинцев) происхождением и исторически сложившимися вследствие этого связями. Редкость бронзовых украшений, аналогичных неволинским, говорит о том, что это направление торговли (или взаимоотношений иного характера) не являлось для неволинцев основным.

Гораздо больше аналогий неволинскому материалу мы находим к западу от территории неволинской культуры. Судя по находкам, бронзовые украшения являлись предметом достаточно интенсивной торговли с населением Повычегодья, Поочья, Поволжья, Скандинавии и ряда других территорий. На наш взгляд, именно торговля составляла основу взаимоотношений жителей этих регионов и неволинцев, отправляющихся на запад. Но, несомненно, торговые контакты повлекли за собой этнокультурные связи другого

характера, явившиеся, свою очередь основой для взаимного духовного обогащения и развития культур.

Несколько иными представляются нам причины распространения сходных украшений на неволинской и приазовской территориях. Эти находки свидетельствуют, на наш взгляд, напротив, о проникновении на территорию неволинской культуры иноэтничного населения.

И, наконец, о наличии теснейших этнокультурных связей говорят находки аналогичного неволинскому материала на соседних территориях Верхнего Прикамья (ломоватовская культура), Удмуртии (поломская культура) и Южного Урала. Именно с местным населением неволинцы, судя по всему, вступали не только в торговые, но и в брачные, и в политические, и в социальные контакты, обусловившие взаимопроникновение элементов не только материальной, но и в значительной степени духовной культуры.

Таким образом, имеющийся материал позволяет нам констатировать не только своеобразие памятников Сылвенско-Иренского поречья, но и значительную роль населения, оставившего их, в развитии других культур.

Необходимо отметить, что исследование аналогий бронзовым украшениям не может дать нам возможности достоверно и полно охватить историю и географию этнокультурных связей неволинской культуры. Так, по материалам монет, найденных на территории бассейна Сылвы мы можем судить о тесных связях неволинцев с восточными государствами (а аналогии украшениям эти территории не дают). Выводы о контактах необходимо подтвердить и дополнить исследованиями других категорий материала. Комплексный

анализ всего материала и должен стать целью дальнейших исследований этнокультурных связей неволинской и других археологических культур.

А.Н. Сарапулов
К ВОПРОСУ О ХРАНЕНИИ
ЗЕРНА В ВЕРХНЕМ
ПРИКАМЬЕ В ЭПОХУ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Некоторые ученые считают, что о появлении земледелия в Прикамье можно говорить с бронзового века. Во всяком случае, на поселениях того времени встречаются каменные наконечники мотыг. Однако больше никаких достоверных свидетельств не встречено. Позднее на гляденовских памятниках находки почвообрабатывающих орудий также очень редки. Встречены наконечники мотыг на Скородумском и Коновлятском селищах, а также роговые мотыги с Гляденовского костища и Черновского I городища [Поляков 2001, с. 15]. К VII в. мы можем говорить уже о сложившемся мотыжном земледелии, доминирующим вплоть до XI-XII вв.

В XI-XII вв. в Пермском Предуралье распространяется пашенная форма обработки земли, продолжает развиваться подсечное земледелие и появляется перелог [Сарапулов 2006]. С появлением пашенной формы обработки земли и переложной системы земледелия увеличивается и количество выращиваемого зерна, распространяются каменные ротационные мельницы (жернова), широкое распространение получают земледельческие культы. По-видимому, с этим связано и появление именно в это время у населения Приуралья домашней кошки, обусловленное необходимостью сохранять от грызунов большие объемы зерна до весны [Голди-

© Сарапулов А.Н., 2007.

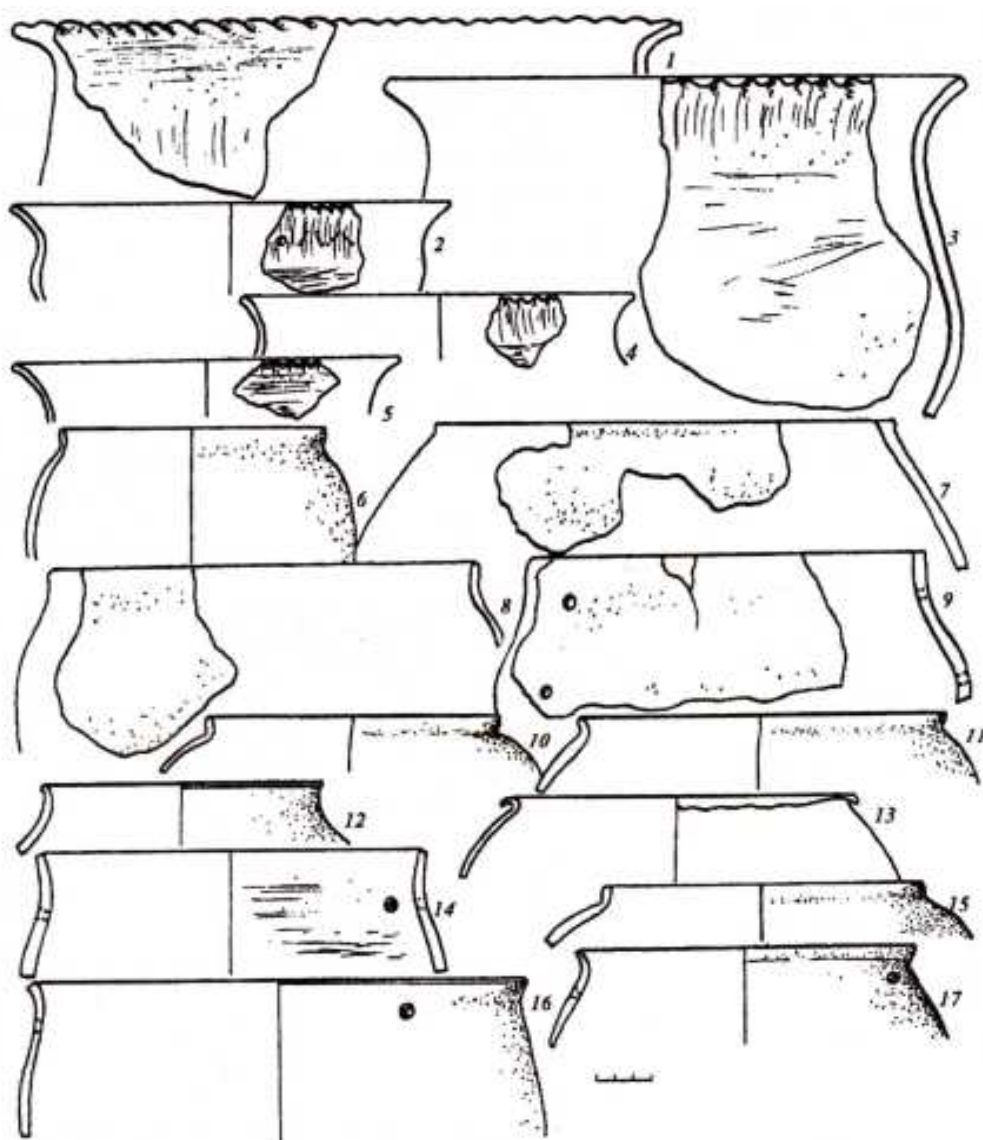

Рис. 1. Тарная посуда лепная: 1,3- Русиновское 1-е селище; 2,4,Ю5 – Запосельское поселение; 6,10-17 – Рождественское городище; 7,8- Опутятское городище; 9- Русиновское 2-е селище

на 1985, с. 147].

На поселениях ломоватовского времени не известны ямы-зернохранилища. Зерно, скорее всего, хранили в керамических сосудах в обычных кладовках. Например, в нижнем слое VIII-IX вв. Лаврятского городища в постройке возле очага и в яме-кладовке найдены сосуды, в одном из которых хранились зерна ячменя.

Вообще, можно выделить несколько видов тары для хранения зерна, характерных для населения Пермского Предуралья. Прежде всего, функцию хранения продуктов (в том числе и зерна) выполняла деревянная утварь, использовавшаяся с такой целью у народов Европы. К сожалению, особенности почвы в Пермском Предуралье не позволяют сохраняться древесине. Од-

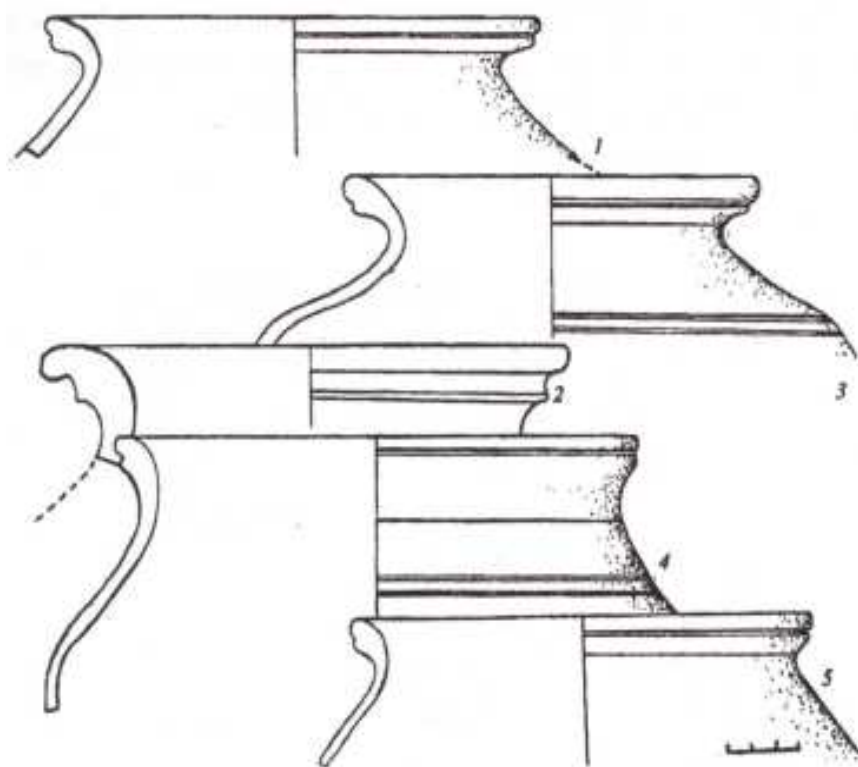

Рис. 2. Корчаги и хумы Рождественского городища (по А.М. Белавину и Е.В. Богдановой)

нако анализ инструментов деревообработки показывает, что здесь вполне могло существовать специализированное ремесло, ориентированное на производство деревянной утвари [Крыласова 2007, с. 46].

Далее можно выделить керамическую тару которая в отличие от деревянной, встречается на памятниках в больших количествах. Н.Б. Крыласова подразделяет ее на прикамские горшки, использовавшиеся для хранения продуктов, и тару болгарского производства.

Среди прикамских горшков широко представлены большие лепные горшки с толстыми стенками, с грубо обработанной поверхностью, в большинстве своем не орнаментированные (рис.1). У данных сосудов не наблюдаются следы нагара, они слабо обо-

жжены, иногда у них имеются отверстия в стенках, возможно, предназначенные для привязывания деревянных крышек для сохранности продуктов от грызунов, либо для вентиляции [Крыласова 2007, с. 47]. Такие сосуды встречаются чаще всего в ямах-кладовках [Оборин 1970, с. 10]. Например, ямы-кладовки с толстостенными сосудами для хранения пищи обнаружены в нижнем слое IX-XI вв. Саламатовского I городища [Оборин, Балащенко 1968, с. 32].

К другому типу тары для хранения зерна относится посуда болгарского производства (гончарные горшки, корчаги и хумы). Как отмечают Е.В. Богданова и А.М. Белавин, наиболее крупные гончарные горшки служили в качестве тары для перевозки и хранения сыпучих и жидких продуктов. Кор-

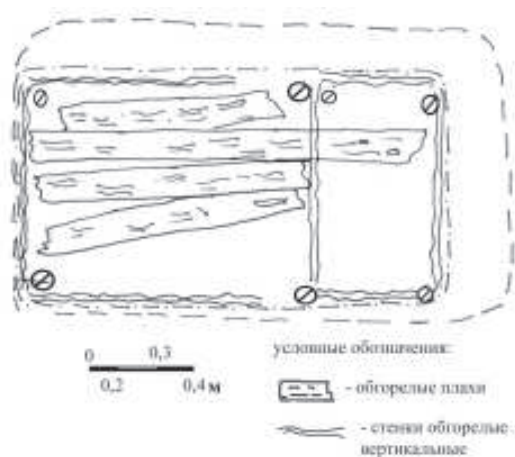

Рис. 3. Яма-погреб. Телячий Брод селище
(раскопки А.М. Белавина)

чаги и хумы (рис. 2) представляют собой толстостенные сосуды с коротким низким горлом. На сосудах имеются две небольшие, но массивные ручки, прикрепленные к верхней части тулова. Корчаги и хумы имеют высокие пропорции, для них характерно расположение наибольшего диаметра тулова в верхней части и преимущественно небольшой диаметр горла – 10-20 см (хумы). Но имеются и широкогорлые сосуды с массивным венчиком, диаметр по горлу у которых составляет 20-30 см и более (толстостенные корчаги) [Богданова, Белавин 2006, с. 52].

Таким образом, деревянная и керамическая тара с успехом использовалась для хранения продуктов питания, в том числе и зерна.

С XII в. мы можем говорить о появлении на памятниках Пермского Предуралья так называемых ям-зернохранилищ, которые можно считать своеобразными погребками, используемыми для хранения зерна и других продуктов. Именно с таким назначением яма, на наш взгляд, была найдена при раскопках селища Телячий Брод А.М. Белавиным в 1989 г.

Яма была зафиксирована на глубинах от 20 до 30 см от поверхности. На уровне фиксации яма представляла собой пятно темного, влажно-черного цвета в виде неправильной буквы «Т». Однако к глубине 50 см боковые отростки исчезли, и на уровне материка четко обозначилась яма подпрямоугольной формы с размерами 110х205 см (рис. 3). Особенность заполнения верхней части ямы – сильная примесь угольков, к культурному слою усиливалась по мере разборки ямы и на глубинах от 50 до 70 см в разрезе наблюдалась линза мощностью до 17 см, состоящая из древесного угля. Ниже ее шел обычный культурный слой. В придонной части ямы обнаружена еще одна мощная угольная прослойка, при разборке которой удалось выявить сгоревшие деревянные плахи толщиной 3-4 см, наблюдавшиеся на дне и по периметру стен, а также перегородку из плахи, отделяющую примерно треть длины ямы – сусек для хранения зерна. Плахи, составляющие стенки и перегородку, укреплены кольями, диаметром до 8 см, их остатки прослежены в виде частично сгоревших и обуглившихся приостренных на концах кольев в столбовых ямках конструкции.

Углистая прослойка в середине заполнения, вероятно, представляет собой остатки сгоревшей и обвалившейся деревянной крышки. На плахах, составлявших дно ямы, обнаружено большое количество обуглившихся зерен. Яма была, вероятно, перекрыта простой односкатной крышей, ее опоры располагались у южной стенки, где исследовано три столбовые ямки от столбов толщиной до 20-30 см. Здесь же наблюдалось подобие земляной ступеньки шириной около 40 см, которая

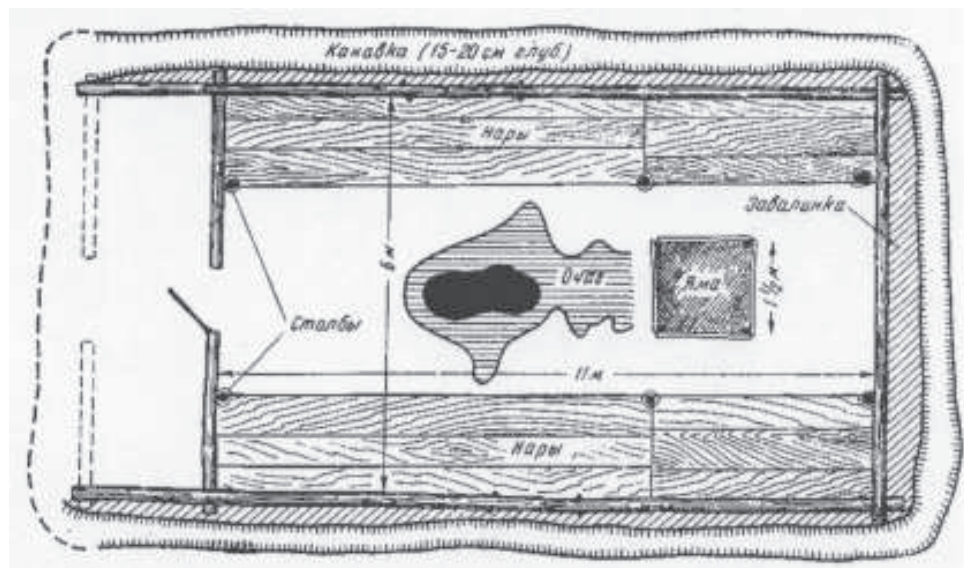

Рис. 4. План одного из жилищ нижнего слоя Роданова городища (по М.В. Талицкому)

сильно оплыла. Возможно, что вход в погреб осуществлялся по приставной лестнице, поэтому он четко не оформляется. Глубина ямы до 150 см, дно ровное [Белавин 1990, с. 6-7].

Внешний вид и особенности конструкции придонной части ямы заставляют считать эту яму остатками погребя, который использовался для хранения продуктов. Общий вид ямы и ее конструкции имеет целый ряд аналогий на различных памятниках роданов-

ской культуры: такие ямы изучены в 1953-1955 гг. на городище Анюшкар.

Подобные ямы были найдены М.В.Талицким на Родановом городище. Ямы находились в жилищах рядом с очагом и были отделены от жилой части небольшой неглубокой канавкой. Ямы представляли собой прямоугольный колодец с плоским земляным полом, размером около 2 x 2 м, иногда больше, но иногда меньше, и глубиной не более 1 м (рис. 4, 5). Края предохра-

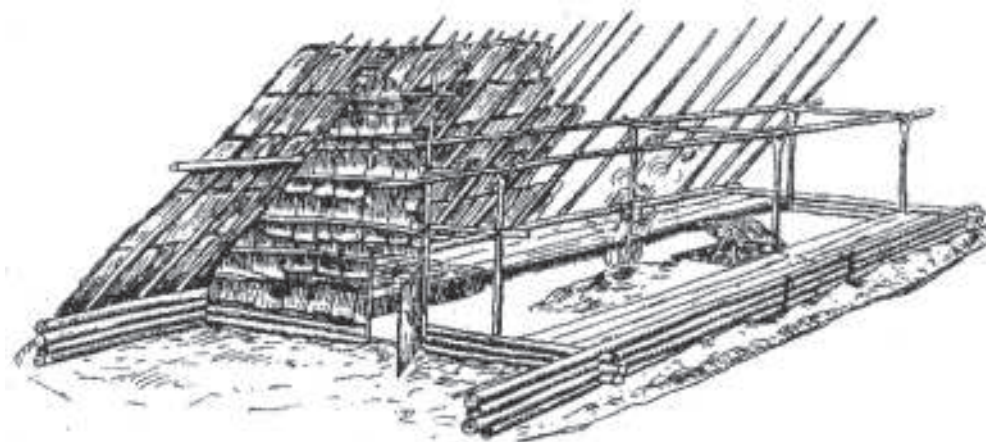

Рис. 5. Реконструкция одного из жилищ нижнего слоя Роданова городища (по М.В. Талицкому).

нялись от оползания деревянными стенками. Ямы, скорее всего, имели крышки, одновременно являвшиеся и полом жилища. Обычно пол погребца покрыт слоем мусора, среди которого встречаются кости, черепки, солома, зерна злаков и др. В таких ямах могли устраиваться небольшие очажки. Например, М.В. Талицким яма с очажком была изучена на городище Анюшкар. Очажок был устроен в небольшой выемке в стенке ямы. М.В. Талицкий считает, что в сильные морозы помещение ямы-погребца могло использоваться для жилья. Вполне возможно, что таким образом сушили яму, либо прогревали. Кроме того, подобные ямы были обнаружены и вне жилищ, в 10 м от них. Устроены они точно так же, как и домовые погребца. Они лишь менее глубоки и варьируют в размерах. Находки в них аналогичны находкам в домовых ямах [Талицкий 1952, с. 37, 39-40].

В целом можно сказать, что для данного типа ям (погребов) характерны, как правило:

- деревянные вертикальные стенки,
- ровный земляной, забутованный глиной, либо выложенный деревом пол,
- деревянная крышка.

Нередко над всей сложной конструкцией сооружался навес. Погребца могли находиться в жилище, либо вне его. Такая конструкция ямы необходима для того, чтобы сберечь хранящиеся там продукты от влаги и грызунов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для ломоватовского населения для хранения зерна было достаточно деревянной и керамической тары, которая содержалась в простых ямах-кладовках. С XII в. меняется форма и система земледелия, вследствие

этого повышается урожайность полей и объемы выращиваемого зерна, как следствие, распространение получают погребца сложной конструкции с большим объемом для хранения зерна в деревянных сусеках.

В.В. Мингалев
ГЛИНЯНАЯ ОБМАЗКА
КАК АРТЕФАКТ

Выявление жилищ и очагов на средневековых памятниках Прикамья нередко вызывает существенные затруднения. Мы уже высказывали свои предложения по решению данной проблемы в отношении жилищ на основе метода фиксации зенитных и азимутальных углов в столбовых ямках, предложенного А.В. Коробейниковым [Коробейников, Мингалев 2005, с.99-101].

Цель данной статьи - апробация одного из методов фиксации очагов на ряде средневековых памятниках Прикамья. Интерес к данной проблеме возник при анализе материалов многолетних раскопок селищ Телячий Брод (вскрытая площадь 1182 м²) и Запоселье I (вскрытая площадь 990 м²). На этих памятниках исследована значительная площадь, собрано большое количество артефактов, изучено множество разнообразных объектов, но не выявлено ни одного прокала или хотя бы мощного кострища, которые традиционно связываются с остатками очагов. Не верится, что люди проживали около реки, вероятно, круглогодично, в необогреваемых жилищах. Вероятно, здесь существовал какой-то иной вид отопительного устройства.

На данных памятниках в культурном слое содержалось значительное количество фрагментов глиняной обмазки, которая концентрировалась на отдельных секторах раскопа. Например, на селище Телячий Брод скопле-

ние кусков глиняной обмазки явно тяготеет к каменным выкладкам, которые можно трактовать как остатки фундаментов средневековых построек. Поскольку обмазка считается негативом, обычно ее фиксация на плане и тем более сбор в коллекцию не производится, что приводит к невозможности анализа этой категории находок. Попытаемся представить данный предмет как ценный артефакт, имеющий высокую степень информативности.

Концентрация обмазки в районе каменных выкладок навела нас на мысль о том, что эти фрагменты являются остатками неких обогревательных конструкций типа чувала. Подобные обогревательные конструкции хорошо известны в финно-угорской этнографии [Прокофьева 1947, с.200-201; Кулемзин Лукин 1977, с.76-78; Верещагин 1995, с.24]. В археологии Прикамья также известны памятники, на которых фиксировались подобные конструкции, например, городище Ермаша (IV-II вв. н.э.). Существование подобных конструкций в археологических и этнографических материалах ставит нашу гипотезу в историко-культурный контекст.

В 2005 г. КАЭЭ ПГПУ под руководством Н.Б. Крыласовой продолжились стационарные исследования селища Запоселье I (автор статьи выражает благодарность Н.Б. Крыласовой за предоставление неопубликованных материалов). Данный памятник идеально соответствовал цели нашего исследования. Во-первых, на нем в прошлые полевые сезоны выявлено множество фрагментов обмазки и, как упоминалось выше, не зафиксировано следов очагов. Во-вторых, в 2004 г. на памятнике был изучен край постройки, пред-

положительно жилища, полное вскрытие которой предполагалось в 2005 году. В-третьих, именно там, где должна была фиксироваться постройка, на пахоте наблюдалось значительное скопление крупных фрагментов глиняной обмазки.

В ходе полевых изысканий выявилось, что, несмотря на присутствие фрагментов обмазки в заполнении ямы по всей площади жилища, их наивысшая концентрация и присутствие наиболее крупных фрагментов наблюдалось в центральной части сооружения в районе сложной столбовой конструкции, не связанной с контуром жилища (рис.1). Вокруг данной конструкции было выявлено золистое пятно. Прокал внутри жилой постройки не обнаружен.

Для анализа было отобрано 52 фрагмента глиняной обмазки. Следует отметить, что поле, где располагается селище Запоселье, пахалось, по крайней мере, с XIX в., следы пахоты фиксируются даже на материке. Слабопрокаленная глина достаточно хрупкая, она дробилась и растаскивалась по полю плугом. Крупные куски глиняной обмазки и камни крестьяне выбрасывали на край поля. Для получения достоверной информации отбирались только те фрагменты, которые находились непосредственно в непо потревоженном культурном слое заполнения жилища.

Собранные фрагменты были проанализированы по составу теста, по геометрии и по цветности.

Анализ теста проводился при помощи бинокля МБС-2. В результате выделено 4 группы:

Группа I – необожженные куски глины без примесей. Данные куски

имеют аналогичную структуру с глиняными брикетами, обнаруженными в заполнении жилища на селище Запоселье в ходе раскопок 2005г. Предположительно данные куски являются запасом глиняного материала для изготовления бытовой посуды. Необходимость таких запасов связана с тем, что состав окружающих почв супесчаный и песчаный. Ближайший выход чистой глины расположен в 6 км от памятника.

Группа II – прокаленная слабозапесоченная глина с ожелезнением. Характер использования не понятен. Возможно, эта глина происходит из иного месторождения, нежели глина первой группы.

Группа III – прокаленная слабозапесоченная глина со шлаком в тесте. Эта группа самая малочисленная (3 крупных фрагмента). Судя по бурой цветности глины и стеклообразному расплаву песка, данные куски подвергались температурному воздействию более 1000 °C. По нашему предположению - это фрагменты свода печи, по аналогии с печами трипольских жилищ, где фиксировалась подобная ошлакованность [Авдусин 1980, с.184]. Малочисленность находок данного типа обмазки, вероятно, связана с тем, что при обрушении чужала максимальная концентрация фрагментов свода располагалась в верхней части культурного слоя, который больше всего пострадал при пахоте.

Группа IV – прокаленная слабозапесоченная глина. Она составляет большую часть собранной коллекции обмазки. В рамках нашей гипотезы ее можно интерпретировать как остатки основания и стенок чужала.

По геометрии фрагменты обмазки

делятся на три группы:

Группа I – бесформенные куски прокаленной глины.

Группа II – фрагменты, имеющие изгиб вовнутрь. Все фрагменты данной группы на внешней стороне имеют округлую форму. Первоначально данные фрагменты были атрибутированы, как обмазка жердей или прутьев, но после рассмотрения подобной обмазки из материалов городища Ермаши (IV-II вв. н.э.) и селища Устиново II (IV-III вв. до н.э.) отмечено явное отличие ее по геометрии. Поэтому фрагменты группы II определены как обмазка углов деревянной конструкции типа «короб».

Группа III – уплощенные фрагменты обмазки, на некоторых из них плоскость фиксировалась с двух сторон. В рамках нашей гипотезы данные фрагменты можно интерпретировать как остатки дна чувала. При этом, судя по отсутствию на глине отпечатков волокон дерева или стыков соединений плах, глина укладывалась прямо на предварительно выровненный песчаный пол постройки. На это же указывает более высокая степень запесоченности уплощенной части обмазки и фиксация небольших полукруглых углублений, которые можно определить, как отпечатки мелкой гальки. Глинистая масса даже при достаточно высокой увлажненности обладает малой теплопроводностью при высокой теплоемкости, т.к. имеет большую теплоудерживающую способность. Толщина дна отопительного устройства, судя по имеющимся образцам обмазки, составляла 30-40 мм. Этого более чем достаточно для воспрепятствования прокаливания нижележащего слоя при температуре костра около 800°С. Этот вывод был подтвержден экспериментом

по археологизации разнотипных кострищ, очагов и печей (работы по НТП Рособразования №11676). Эксперимент по созданию открытого очага на глинобитной площадке продемонстрировал, что глинобитная площадка быстро прокаляется, а нижележащий слой песка практически не имеет следов воздействия тепла, несмотря на то, что костер на глинобитной площадке жгли более 3 часов, а мощность костра достигла 96,97 кДж/мин.

По цветности фрагменты обмазки можно разделить на: однотонно коричневые (поверхность и излом), относительно однотонно красные (поверхность и излом), пестроцветные красно-буро-темно-серые.

Группа фрагментов обмазки однотонно коричневого цвета совпадает с первой группой фрагментов обмазки по тесту, а следовательно, может быть отнесена к категории запасов глиняного материала.

Группа относительно однотонно красных на поверхности и в изломе фрагментов обмазки может быть интерпретирована, как остатки дна и стенок чувала. Однотонность цветности поверхности и излома указывает на вторичность воздействия на глину высоких температур [Бобринский 1993 с.10, 14]. Красный цвет свидетельствует, что температура воздействия была не очень высокой - около 600°.

Группа фрагментов обмазки красно-серо-бурой цветности. Присутствие бурого цвета указывает на температуру воздействия около 800-1000°, т.е. относительно высокую. Неравномерность цвета, присутствие углистого нагара позволяют предполагать переменное термическое воздействие, что более характерно для свода печи.

Подводя итог нашему небольшому исследованию, можно констатировать, что в собранном материале нет ничего противоречащего выдвинутой гипотезе о существовании глинобитных обогревательных конструкций типа чувала на селище Запоселье. Малочисленность собранного для анализа материала пока не дает возможности полной верификации данной гипотезы. Для получения дополнительной информации планируется более пристальное изучение подобного рода артефактов при проведении последующих раскопок.

**А.В. Коробейников
О РЕКОНСТРУКЦИИ
ПРОЦЕССА
СТРОИТЕЛЬСТВА
ГОРОДИЩА ПО ДАННЫМ
АРХЕОЛОГИИ**

В соответствии с общепринятым определением, городищами называют поселения, которое имеют фортификации вокруг (или вблизи) жилой застройки. Таким образом, укрепление или инженерное оборудование поля боя есть неперенный атрибут городища и составляющая его параметрической модели. А всякие фортификации строятся, несут боевую службу, разрушаются, пребывают в забвении, открываются археологами и потом вновь живут виртуально, но уже в виде планов, схем и реконструкций. Иными словами, фортификация существует во времени в нескольких процессах. Значит, можно создать не только параметрическую, но и процессуальную модель городища.

Этапами, составляющими процессуальную модель, являются:

1. Период строительства сооружения, в ходе которого его числовые параметры (например, высота вала и ширина рва) и оборонительные качества растут по мере приближения к завершению строительства.

2. Его боевая служба, когда уровень оборонительных качеств поддерживаются на одном и том же уровне при неизменном значении проектных параметров.

3. Разрушение сооружения с уменьшением его оборонительной функции, когда параметры, обеспечи-

© Коробейников А.В., 2007.

вавшие оборонительные качества, отражаются в следах (Период археологизации).

4. Сооружения и его следы пока не открыты, а его оборонительные качества не известны.

5. Открытие следов сооружения и реконструкция его параметров исследователем на основании следов (Археологическая фиксация следов, их интерпретация и историческое моделирование).

Полагаем очевидным и закономерным, что историк, имеющий своей задачей реконструкцию древнего оборо-

нительного сооружения, скорее всего добьётся цели, если последует шаг за шагом за создателем этого сооружения. Чтобы показать, насколько близко работа историка может следовать за деятельностью древнего фортификатора, предложим нижеследующую схему (рис.1).

Далее конспективно рассмотрим некоторые составляющие данной схемы.

Представляется очевидным, что началу любого строительства предшествует появление субъекта-строителя. Разумеется, речь не идёт о возможнос-

Рис.1

ти его персонификации. Мы говорим об историческом «сложносоставном» субъекте. В качестве такового выступают этнические, родовые, социальные или иные демографические объединения. Действуя в означенном ключе, для простоты изложения предлагаем трёх-частную структуру субъекта.

1.Заказчик. Мотив любого заказчика - получить объект с заранее желаемыми, а потому и ожидаемыми полезными качествами. Применительно к оборонительному сооружению- получить укрепление с желаемым уровнем защиты от определённых, реально осознаваемых угроз [Коробейников 2005а].

2.Строитель, производитель работ. То есть лицо (или коллектив профессионалов), обладающее трудовыми навыками фортификатора. Содержание этих навыков раскрывается в ходе оценки сложности выполненной работы [Коробейников 2005б].

3.Исполнители работ, качества которых раскрываются через их квалификацию, то есть способность производить определённые строительные операции. Их количество можно определить через общую трудоёмкость сооружения [Коробейников 2005в].

Объективная сторона фортификационной деятельности доисторического человека нам, как правило, не известна. Тем не менее, метод аналогий, как представляется, может уменьшить степень этой неопределённости. Каков предел аналогий древнего и современного строительства? Очевидно, что здесь следует обратиться в первую очередь к доводам здравого смысла: если сооружение было построено и стояло сотни лет, значит, его постройка явилась результатом череды упорядочен-

ных действий.

Итак, перечень действий любого строителя включает в себе выбор и осуществление конкретной строительной технологии, то есть последовательности действий, которые направлены на достижение поставленной цели. При возведении оптимальной фортификации с заранее заданными оборонительными свойствами наилучшей следует признать ту технологию, которая требует *минимальных удельных затрат ресурсов*.

В соответствии с логикой такой деятельности всякий процесс строительства деревоземляного оборонительного сооружения можно условно разделить на 3 стадии:

- изыскательские и проектные работы
- земляные работы (рытьё рва и отсыпка вала)
- плотницкие работы (возведение внутривальных и навалых сооружений).

Каждая стадия имеет свои задачи, своё начало и завершение, но в один и тот же момент времени на разных участках строительства процесс пребывает в разных стадиях, поэтому стадийное деление условно и предлагается нами лишь для изложения общей логики последовательности действий фортификатора.

Стадия изысканий и проектирования подчинена задаче поиска наилучшей объективной формы (конфигурации и конструкции) и расположения будущего сооружения (привязке к местности). При взгляде на современную дневную поверхность древнего оборонительного сооружения можно предположить множественность вариантов размещения вала и рва. Однако, эта ва-

риативность является кажущейся, и размещение валов и рвов по определённым трассам есть следствие учёта микрорельефа местности и физических свойств грунтов. Так, при проектировании городища или селища мысового типа фортификатор должен разбить оптимальную трассу вала-рва по кратчайшей линии - то есть либо по прямой линии поперёк мыса, отгораживая его оконечность, либо по радиусу вокруг вершины холма (вне зоны *призмы обрушения* откосов), при этом мысленно разместив внутри фортификации объекты, подлежащие защите.

Однако, сама конфигурация и площадь стройплощадки, её естественные несдвигаемые границы (откосы):

а) лимитируют возможности для проявления индивидуальности строителя,

в) вынуждают его разместить защищаемые сооружения неоптимальным образом (для снижения удельных затрат - зачастую размещать их с чрезмерной плотностью, создавая пожарную опасность, либо в зоне *призмы обрушения* откосов),

с) требуют заложить в проекте минимальные суммарные (валовые) затраты, соответствующие возможностям заказчика довести строительство до конца в рамках одного строительного сезона (ведь незавершённый или незамкнутый вал бессмысленен, он в качестве инженерного оборудования поля боя использоваться не может),

д) минимизировать риск экстраординарных затрат на ликвидацию просчётов в проекте, которые могут проявиться лишь на стадии земляных работ, либо при эксплуатации готовой постройки (обрушение откосов рва, оползание вала, подтопление территории и

т.п.).

Названные объективные факторы определяют содержание действий фортификатора на стадии проектирования, когда он изучает явления, плохо прогнозируемые, либо непредсказуемые, а именно:

-пробной шурфовкой выявляет глубину залегания и направление стока подпочвенных и грунтовых вод, выясняя, не зальётся ли ров водой уже в начале разработки котлована, и не придётся ли из-за этого менять трассу рва, его проектную глубину и угол продольного уклона, или потом нести затраты на водоотвод и укрепление рва от размывания. (Таким образом, ров должен быть максимально глубоким для увеличения его защитных свойств, но достаточно мелким, чтобы не заливаться подпочвенной водой и сохранять при том крутизну откосов.)

-изучает грунты, вынутые из шурфа, выясняя мощность их слоёв, а значит, и приблизительный объём каждого из них в общей массе грунта, который будет использован для отсыпки вала, определяет углы естественного откоса грунтов, которые будут использованы для отсыпки насыпи,

-наблюдая за направлением стока поверхностных вод выясняет, не окажутся ли проездные ворота городища в переувлажнённом месте,

-наблюдая за величиной и направлением снеготранспорта на месте будущей стройплощадки, выясняет, не будет ли ров постоянно заметаться снегом, теряя свои защитные свойства в зимний период, и не будет ли образовываться снежный занос у внутренней стороны вала, где невозможно будет из-за него разместить оборонительные и обороняемые сооружения,

-на основании данных о количестве и свойствах грунтов по трассе рва и об объёмах доступной древесины принимает решение о внутреннем устройстве вала, о планировке и месторасположении постройки, изготавливает чертёж и макет будущего укрепления для сохранения (в бесписьменной форме?) «проектной документации» на период строительства и производит калькуляцию предстоящих затрат.

Итак, главные задачи данной стадии не только определить объективное содержание последующих стадий строительства, но и снизить риск трудноисправимых ошибок и саморазрушения конструкции. Разумеется, о содержании действий доисторического строителя на этой стадии мы можем судить по их результатам, реализованным в постройке, устройство и долговременное функционирование которой является косвенным свидетельством ответственности проведённых изыскательских работ.

Нам пока не известны отечественные публикации, в которых бы рассматривались материальные следы проектно-изыскательской деятельности древности.

Однако, на наш взгляд, нельзя однозначно утверждать, что стадия проектирования не оставляет современному исследователю непосредственных следов, фиксируемых археологами. По крайней мере, британские исследователи такие следы фиксируют во множестве как в форме пионерных канав на трассе будущего вала и рва, так и в форме ям, которые нельзя интерпретировать в качестве, отличном от пробных шурфов [Feachem 1971, p.19-41].

Но возможно и другое решение: создание «типового проекта» городи-

ща. Мы намеренно применяем здесь совершенно неисторический термин, который точно описывает состояние максимального творческого самоограничения фортификаторов, когда они используют стандартные, многократно апробированные планировочные и конструктивные решения.

Можно предположить, что применение типового проекта (фортификации «стандартной стоимости») оправдывало себя, прежде всего, на строительстве сравнительно малозатратных и небольших фортификаций, где изыскания и наблюдения по вышеописанной программе слишком значительно удлиннили бы срок и удорожили бы строительство, но, тем не менее, требовалась страховка от непредсказуемых природных факторов. Там, где на устранение непредвиденных препятствий для продолжения строительства может просто не оказаться резервов рабочей силы и времени, автор проекта использует и конструкцию и технологию несколько более трудо- и материалоёмкие, чем те, что могли бы быть в оптимальном случае, но зато он существенно снижает риск любых неожиданностей. Например, для всех сооружений серии, расположенных на разных грунтах, он закладывает одинаковую (минимальную) глубину и *крутизну откосов* рва и каркасную (срубную) конструкцию валов даже там, где по условиям прочности грунтов вал мог бы и не иметь каркаса.

Использование *типового проекта* даёт следующие выгоды субъекту-заказчику работ:

-позволяет возводить серии однотипных оборонительных сооружений с близкими тактико-техническими характеристиками (ТТХ), что облегчает

подготовку персонала для их строительства и эксплуатации;

-снижает риск и цену ошибок стратегического оборонительного планирования, когда на обороняемой территории сначала равномерно могут быть размещены однотипные укрепления, а затем, по мере накопления данных о степени вероятности угрозы нападения и направлении удара противника, фортификация на угрожаемом направлении (или участке) может быть достроена уже по индивидуальному проекту с целью усиления её оборонительных свойств. Так «перспективное» селище увеличивает свою площадь, изменяя планировку, превращается в городище или город, свидетельством чего являются археологические данные;

- значительно снижает затраты времени и труда на изыскания, что может оказаться решающим фактором при выборе стратегии действий «на виду у противника»;

-даёт экономию средств бюджета на оборону, когда, заказав строителю (оптом) серию укреплений, заказчик снижает свои удельные затраты по оплате проектирования (затраты в расчёте на 1 селище). Заказчик, вообще, получает возможность оплатить специалисту (производителю работ) проектирование и строительство лишь одного укрепления, а все остальные укрепления серии возвести, скопировав своими силами точно (а значит, некритично) этот образец;

-оперируя заранее известной (по предыдущей стройке) величиной общей (валовой) стоимости укрепления, субъект (заказчик) получает возможность долгосрочного планирования затрат на оборону в общем бюджете (государства, племени, общины), а вла-

дея знанием пооперационной трудоёмкости (числом человеко-дней для каждой операции), он может организовать строительные работы оптимально, то есть заготовить заранее лишь строго необходимое количество материалов, инструментов, энергоносителей, мобилизовать (то есть отвлечь от других работ, либо нанять) лишь потребное количество работников;

-заранее зная дату окончания строительства укрепления и твёрдо рассчитывая на его готовность к этой дате, субъект получает возможность приурочить к ней действия своих войск, повышая эффективность своей военной активности.

Таким образом, применение типового проекта решает задачу на минимизацию затрат на оборону в рамках военного бюджета.

Исходя из изложенного, предложим некоторые фиксируемые методами археологии признаки типового (стандартизированного) строительства серий фортификаций:

1. Расположение множества укреплений на возвышенностях, где маловероятен выход грунтовых вод в ров. (Там, где грунтовые воды выходят в виде родников на склонах холма, ниже уровня подошвы рва.)

2. Стандартное значение угла откоса, стабильная площадь сечения вала и рва для нескольких памятников.

3. Стандартный угол продольного уклона рва, вне зависимости от свойств грунта, способности подошвы рва сопротивляться размыванию проточной водой.

4. Стандартная конструкция нескольких валов. Например, срубная (каркасная, скелетная) конструкция, в том числе и на тех археологических

памятниках, где срубы заполнены не песком, а прочным грунтом, который, теоретически, позволял бы возвести конструкцию и без срубов.

5. Стандартные реальные углы откоса грунтов, образующих слои (следы дерновых кирпичей) в теле вала на всём его протяжении.

6. Приёмы мелиорации грунтов, характерные для фортификации и не применяемые в крестьянской бытовой практике (термоуплотнение, пескование и известкование глин, глинование песков и др.)

7. Возведение вала без применения конной лопаты там, где такое применение теоретически было бы возможно.

8. Пропорционирование габаритов, когда для нескольких городищ соотношение высоты к площади представляет постоянное число [Коробейников 2005г]. Указанные признаки сходства применяемой технологии, обнаруженные на серии памятников, удалённых друг от друга, могут дать некоторые основания как для объединения датировок их строительства, так и для отнесения их к той или иной археологической культуре [Коробейников 2004].

Разумеется, проще всего было бы группировать объекты по сходству технологии их изготовления при условии аналогии материалов, использованных при их возведении. Основанием объединения нескольких сооружений в серию здесь может служить предположение о единстве (или однотипности) субъекта – заказчика фортификационной деятельности, который директивным путём предписывает строительство всей серии по определённой им (стандартной) технологии. Кроме того,

единая технология для всей серии сооружений может быть избрана и под влиянием культурной традиции. В любом случае, эта технология может быть и не оптимальной, но избравший её субъект имеет мотив минимизации своего риска неудачи в случае применения новых для него, не проверенных в условиях этой стройплощадки эмпирически приёмов. Тогда сооружения стандартной (типовой) конструкции появляются и в условиях применения материалов с различными свойствами. Что же требуется для продуктивной работы в области выявления серий фортификаций? Грядущие задачи вытекают из содержания вышеописанных познавательных вопросов. А именно: историку просто необходимо знание физических свойств грунта, который был зафиксирован на археологическом памятнике стратиграфически и планиграфически. Логичным представляется требование о включении таких параметров в соответствующий раздел полевого отчёта.

Строительство оборонительного рва, представляющееся на первый взгляд простым копанием земли, в реальности является областью риска. Ценой этого риска могут быть непроизводительные затраты на всех этапах строительства, либо непригодность к эксплуатации готового сооружения.

Поэтому на пути к идеальному конечному результату фортификатор должен разрешить инженерные задачи, гипотетически описываемые следующими парами противоречий [Альтшуллер 1979]:

Откосы вала и рва должны образовывать непрерывную (вертикальную) поверхность, обеспечивая суммарный перепад высот, максимально

затрудняющий продвижение нападающего. При этом откос рва силой трения (сцепления) своих частиц уже держит массу грунта, из которого он сам и состоит, однако готов обрушиться от давления извне. А вал, насыпаемый у бровки рва, имеет большой вес, и своим весом вызывает дополнительное давление в грунте под собой. На горизонтальной ненарушенной поверхности это давление, передаваясь в горизонтальном и вертикальном направлении, просто уплотняет грунт под валом, но у бровки рва это горизонтальное давление изнутри грунта не уравновешено давлением грунта снаружи – ведь он уже вынут. Внутреннее давление здесь стремится обрушить откос. Образуется так называемая *призма обрушения*. Поэтому, во избежание патогенного давления на откос, строители вынуждены размещать тяжелые объекты вне призмы обрушения, т.е. с определённым (для разных грунтов) отступом от бровки. В фортификации этот отступ принято называть *бермой*.

Откосы рва должны быть максимально крутыми, для затруднения форсирования, но в то же время они должны быть и максимально пологими для предотвращения их обрушения, то есть *угол их заложения* (угол реального откоса) должен быть максимально близок к углу естественного откоса грунта, в котором вырыт этот ров. Верхний слой грунта, на который приходится бровка рва, как правило, состоит из песка или почвы, близкой к песку по своим физическим свойствам. Известно, что угол естественного откоса (то есть угол, при котором откос не обрушается под собственной тяжестью) для песков близок к 30°, но столь пологий откос служил бы незначительным (ма-

лоэффективным) препятствием. Описанная задача может быть разрешена путём разделения противоречивых требований в пространстве – когда внутренний откос рва (*эскарп*), который предстоит штурмовать противнику, отрывается в плотном материковом грунте (после удаления рыхлого верхнего слоя) с большой крутизной, бровка его переходит в горизонтальную площадку-берму, поверхность которой также выполняется в прочном грунте. А откос, по которому противник спускается в ров, выполняется в грунте естественной стратификации, с естественным (малым) углом наклона.

Берма здесь служит и резервом для восстановления вертикальными зачистками первоначальной крутизны откоса по мере его эрозии. Восстановление первоначальной формы и гомогенной структуры бермы путём подсыпки на неё грунта с последующим уплотнением до степени *плотного тела* – дело трудноосуществимое в силу чрезмерной трудоёмкости. Поэтому, степень «сработанности» бермы, будучи сравнённой на разных участках, либо на сооружениях одной серии, может указывать на длительность периода активной эксплуатации вала и рва, конечно, если допустить, что в момент строительства ширина бермы была одинаковой на всём её протяжении, либо была запроектирована равной для всех сооружений обследуемой серии.

Откосы вала должны иметь максимально возможную крутизну для защитного эффекта, их поверхность должна противостоять эрозии и разрушительным воздействиям противника, а во время эксплуатации тело вала не должно давать заметных усадок. Но в то же время вал, собранный из рыхло-

го насыпного материала, лежащего «свободной кучей» с углом естественного откоса, почти не поддаётся упрочнению путём уплотнения трамбованием. Такая задача может быть решена путём возведения двухслойной конструкции. Её внешний слой, собранный из более прочного материала, с большим углом откоса (например глино-песчаная смесь, мятая глина, дерновые кирпичи), служит «оболочкой» внутреннему песчаному заполнению, предохраняя его от текучести при трамбовании, а затем от внешних воздействий и расползания.

Сборка такого вала может производиться «позтажно». Сначала на расстоянии, равном ширине будущего вала, из более прочного грунта возводятся внутренняя и внешняя «стенки» на высоту 15-20 см (это толщина слоя грунта для оптимального уплотнения), потом пространство между ними засыпается песком, который уплотняется трамбованием, либо проливается водой. Потом, на полученном плотном основании возводятся уже на меньшем расстоянии друг от друга стенки следующего «этажа», пространство между ними снова засыпается, и так до конца. В силу описанных особенностей (сыпучести песка при его уплотнении) сборка слоя опалубки, засыпание внутрь её слоя песка и уплотнение последнего - суть операции последовательные. Причём, последовательные в перечисленном порядке. Ведь, если сначала насыпать свободную (без опалубки) кучу песка, то она образует откос около 30°. Если затем предпринять попытку обложить эту кучу дерновыми кирпичами, то эти кирпичи придётся класть на неуплотнённый песок. Под воздействием веса дерна песок начнёт

осыпаться- ведь вследствие нагрузки высота штабеля песка уменьшится. С другой стороны, штабель песка под нагрузкой будет самопроизвольно и неравномерно уплотняться, то есть в разных частях насыпи его объём будет изменяться по-разному, что приведёт к местным просадкам вала, которые вызовут нарушение перевязки рядов дерновых кирпичей оболочки. Ведь всякая оболочка прочна, лишь если её содержимое несжимаемо и неподвижно. А напряжения в верхнем слое дернового покрытия (оболочки) вызовут его разрывы. Это приведёт к потере облицовкой гидроизолирующих свойств, что вызовет быстрое разрушение этой облицовки (оболочки) и, как следствие, разрушение всей насыпи природными воздействиями.

«Оболочка» вала здесь служит и технологической опалубкой, которая противодействует сыпучести (текучести) материала заполнения в процессе его уплотнения. «Стенки оболочки» здесь, конечно же, не вертикальные, они просто менее пологие, так как они не такие сыпучие, как песок, их заполняющий.

Границы слоёв грунта в современном сечении древнего вала, собранного описанным способом, по логике вещей, должны выглядеть на вертикальном разрезе, как концентрические дуги или как подобные трапеции.

Если на гребне целиногрунтового вала размещаются навалы сооружения, то их вертикальные стены в идеальном случае в целях увеличения оборонительных качеств должны образовывать одну поверхность с откосом вала, не оставляя площадки под стеной, которой воспользуются штурмующие (например, для установки лестниц).

Но, будучи поставленными прямо у бровки вала (в зоне призмы обрушения), сооружения своим давлением вызовут обрушение откоса. Эта задача может быть решена путём установки навалых сооружений на столбовые фундаменты (*стулья*), которые передают нагрузки от веса сооружения вглубь тела вала, выводя их за пределы призмы обрушения. Такие фундаменты оставляют археологически фиксируемые следы в виде столбовых ям, которые располагаются с регулярным интервалом. Понятно, что речь идёт о срубных конструкциях. Столбы частокола (палисада) бровку не нагружают — они являются фундаментами сами для себя.

Вал может быть необходим и в месте, где иного грунта, кроме песка, почти нет, либо добыча прочного грунта или упрочнение имеющегося грунта путём его мелиорации слишком трудоёмки. Наконец, разработка рва, симметричного вала, с добычей грунта на месте может быть нежелательна по гидрогеологическим условиям. Представим полное сечение сплошного вала из песка в виде треугольника с углами при основании менее 40° . Угол естественного откоса для песка составляет не более $32-35^\circ$. Полезной для фортификатора является только область вблизи вершины этого треугольника (гребень вала), а катеты треугольника никакого функционального назначения не имеют, а лишь удерживают своей массой от расползания центральную часть. При таких условиях песчаный грунт насыпаемого вала может удерживаться от осыпания подпорными стенками, зачастую срубной конструкции (внутри которых и засыпается). Тогда сруб как раз и «вырежет» из этого треугольника пятиугольник, который явится сечени-

ем вала более рациональной формы.

Но тогда грунт с углом естественного откоса в $32-35^\circ$, оказавшись уложенным в вал с углом откоса 90° (с вертикальными стенками), конечно же, стремится занять предписанное его природой положение, то есть норовит рассыпаться кучей и разрушает (распирает) сруб, в котором он заключён. Эта сила давления грунта изнутри сруба может быть уравновешена массой грунта снаружи сруба. Естественно, этот грунт должен быть прочнее песка, то есть иметь значительно большую крутизну естественного откоса, иначе срубная конструкция потеряла бы смысл. Наиболее доступным и подходящим для облицовки (пригрузки подпорной стены снаружи) материалом могли являться дерновые кирпичи, широко используемые в полевой фортификации до наших дней. Из них можно собирать почти вертикальные стены.

В описываемой здесь конструкции они не только пригружают распираемые песком подпорные стены в процессе сборки и некоторое время после сборки, но и предохраняют их во время эксплуатации от зажигания противником, а также от быстрого и массивного разрушения вследствие атмосферных воздействий, что было бы чревато сильными просадками вала.

В соответствии с технологиями, описанными в источниках новейшего времени [Рошефор 1927], откос стены, сложенный из дерновых кирпичей, уложенных травой вниз, одевается слоем дёрна травой вверх, который крепится к откосу деревянными шпильками. После прирастания верхнего слоя дёрна к телу вала конструкция приобретает прочность, недостижимую для

насыпного грунта. С этого момента сруб внутри вала не нужен, вал удерживается от расползания прочными задернованными крутыми откосами. Теоретически сруб, сыгравший роль опалубки, мог бы быть удалён для повторного использования, но практически это невозможно. Оставшись внутри вала, сруб может сгнить, отчего вал постепенно, равномерно и незначительно просядет, но профиль его задернованных откосов при этом останется почти неизменным. Таким образом, деревянные подпорные стены внутри вала являются лишь технологическими приспособлениями, которые нагружены только в период сборки.

Видимо, в поперечном разрезе вала, который имеет следы срубной конструкции, древний дёрн обнаружить не удастся, ибо по своему составу дёрн представляет собой смесь грунта (минеральной основы), гумуса и корней растений. Прочностные характеристики его зависят не столько от химического и гранулометрического состава, сколько от его связанной структуры, образованной корнями растений. Понятно, что эти корни, будучи погребёнными, не могут сохраняться долго в условиях доступа влаги и воздуха. Поэтому в раскопе вала бывшие дерновые кирпичи должны образовывать сегодня слой, близкий или идентичный погребённой почве по внешнему виду, структуре и хим.составу(?), ибо тот дёрн был снят строителями именно с этой самой почвы.

Какой из наиболее характерных признаков каркасного вала может быть зафиксирован археологически даже при отсутствии следов дерева в насыпи? Прежде всего о былом наличии каркаса может свидетельствовать срав-

нение профилей вала и рва: профиль сечения каркасного (срубного) вала не симметричен профилю рва – его сечение вытянуто в вертикальном измерении приблизительно в той же пропорции, как сечение рва в горизонтальном.

Древний строитель разрешал и такое технологическое противоречие: вал должен быть максимально высоким, то есть в нём должно быть материала много, но в нём должно быть материала одновременно и мало, так как добыча и перемещение грунта весьма трудоёмки. Уменьшение трудоёмкости перемещения достигается тем, что оно происходит по кратчайшей траектории – если представить ров виде столба грунта, то этот столб вынимается и при неизменной стратификации переносится на вал. Происходит” параллельный перенос” грунта, когда слой, который был на дне рва (на *подошве*), окажется в основании вала, а верхний слой из котлована окажется на гребне вала (Что было глубже в земле – оказывается глубже и в теле вала). Длина траектории перемещаемого грунта здесь всегда постоянна – её величина равна полусумме глубины рва и высоты вала. Но как мы видели ранее, верхний слой почвы ненарушенной структуры – это зачастую песок и ему подобные непрочные грунты, которым по соображениям прочности конструкции правильнее быть не на гребне, а внутри вала. Поэтому способ параллельного переноса, снижая трудоёмкость перемещения грунта из рва на вал, потребует затрат на изготовление технологических приспособлений для укладки сыпучего материала (см. выше о подпорных стенах в теле вала).

Таким образом, использование параллельного переноса грунта из резер-

ва в тело вала в соответствии с его первоначальной стратиграфией представляется оправданным там, где подпорные стены всё равно требуются, то есть либо весь вал собирается из наличного сыпучего (или беспорядочно наваленного в срубы) материала, либо там, где по условиям стройплощадки минимальны затраты на заготовку и обработку леса для возведения срубных конструкций. При другом способе вал и ров могут быть почти симметричны не только в смысле площади, но и по конфигурации и внутренней стратификации их сечений, тогда при этом осью их симметрии является продольная линия, проходящая там, где откос рва переходит в откос вала (Если эти вал и ров в сечении похожи на синусоиду, то центр симметрии - в точке пересечения синусоиды с горизонтальной осью координат). Вал, собранный способом осевой симметрии, на своём гребне имеет грунт, вынутый с подошвы рва (Что было глубже в земле -оказывается выше на валу). Сборка способом осевой симметрии оптимальна для описанного ранее поэтажного строительства вала с внутренним заполнением из песка и оболочкой из более прочного грунта. Однако, при таком способе по мере углубления рва происходит постоянное циклическое изменение длины траектории перемещаемого грунта — она минимальна лишь при раскапывании верхнего слоя почвы. Но эта длина максимально возрастает, когда с подошвы рва надо переместить грунт на гребень вала. В этот период количество носильщиков, занятых неквалифицированным трудом (перемещением грунта) должно резко возрасти, а после отсыпки вала на определённом участке до проектного профиля надоб-

ность в них минует. Переменная пооперационная потребность в рабочей силе весьма затрудняет планирование производственного процесса и управление трудовым коллективом. Поэтому потребность в этих циклических трудозатратах на операции переноски грунта может покрываться, во-первых, путём отвлечения на переноску квалифицированных землекопов, что резко снизит не только их дневную выработку, но и замедлит темпы рытья котлована. Во-вторых, это возможно делать путём содержания в постоянной готовности большой бригады носильщиков, что при их циклической загрузке также резко снизит их подённую выработку (*урок*) в расчёте на одного человека.

Таким образом, осевая симметрия вала оболочечной конструкции и рва при нём не только указывает на дефицитность леса, но может нести некоторую информацию о характеристиках субъекта строительства, а именно косвенно свидетельствовать о том, что содержание работников не находилось в прямой зависимости от их подённой выработки.

Изложенные в статье в тезисной форме способы и последовательности строительных операций (процессуальная модель) для возведения укреплённых городищ являются логической реконструкцией, в основе которой лежат общеизвестные строительные нормы и правила.

**В.В. Мингалев.
ПАМ-СОТНИК КАК
ЛИТЕРАТУРНО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ,
ОТРАЖАЮЩИЙ
ИСТОРИЮ РАЗВИТИЯ
КОМИ В XIV – XV ВВ.**

Историография упоминаний имени и деятельности Пама-сотника не велика, но она не оставляет сомнений в том, что это реальное историческое лицо, жившее в XIV в., и, несмотря на ограниченность источниковедческой базы можно говорить о том, что это была неординарная личность.

Пам-сотник упоминается в Житии Стефана Пермского [Повесть о Стефане 1982, с.203-212; Сказание о Стефане 1898, с.7-18], написанном Епифанием в 90 гг. XIV в., в книге Пахомия Серба «Служба Стефану» [Турилов, Чернецов 1986, с.102], написанной в 1473 г., в Патриаршей или Никоновской [ПСРЛ 1965, с.164-165], Вымско-Вычегодской летописи [Доронин 1958, с.258-259], Вологодско-Пермской летописях и легендах хантов Большого Атлыма [Абрамов 1857, с.342-345; Мартынова 1998, с.62].

В появлении на страницах летописей и житийной литературы имени языческого служителя культа, противостоящего христианскому миссионеру, является необычным явлением. Имена языческих жрецов мы можем встретить в деяниях святых апостолов и житиях мучеников первых веков христианства (время Римской империи). Появление же Пама на страницах жития XIV в. можно объяснить только тем, что Стефан Пермский столкнулся с неординар-

ной личностью, которая вызвала у его библиографов живой интерес.

Основной причиной христианизации коми населения Северного Урала в XIV в., на наш взгляд, являлась торговая перспективность данной территории для русских купцов и широкая база для налогообложения (ясачная или даническая системы). Перспективность данной территории объясняется тем, что после насильственной смерти в 1357 г. Джанибека в Орде началась «замятня», продолжавшаяся 25 лет (1357-1381 гг.), вследствие чего Поволжские степи стали весьма опасным местом для передвижения караванов, т.к. военные действия по всей территории Поволжья не прекращались весь этот период [Греков 1970, с.49; Якубовский 1946 с.62-64]. Ухудшаются взаимоотношения между ослабленной внутренними раздорами Ордой и окрепшей Московской Русью, пиком конфликта являются начало 80-х гг. XIV в. (Куликовская битва и московский поход Тохтамыша). Но даже после прихода к власти в Орде чингизида Тохтамыша и объединения ее в единое государство, Волжский торговый путь на восток нельзя было считать безопасным, слишком окрепли за время «замятни» местные князьки, а их маленькие отряды превратились в настоящие банды «с большой дороги» [Греков 1970, с.49-52]. Северный торговый путь, соединяющий Русь и Сибирь через Северный Урал, становился наиболее интенсивным и привлекательным для торговли.

Вывоз пушнины из Сибири и Урала давал русским купцам большие «барыши», особенно в XIV в., когда в Европе на этот товар повысился спрос и конъюнктура европейского рынка требовала от русских купцов интенсифици-

© Мингалев В.В., 2007.

ровать торговлю «русскими» мехами. Свидетельство интенсивности вывоза пушнины есть и в Житии, когда Пам говорит о богатстве страны Пермской: «Не от наших ли ловля и в Орду посылаются и доязают доже и до самого того мнимого царя, но во Царьград, и в Немци, и в Литву, и в прочия грады, и страны и дальняя языки» [Повесть о Стефане 1982, с.137-138]. Местное население, судя по археологическим материалам, весьма поднаторело в транзитной торговле как с южными степными районами, так и Северной Русью [Белавин 1999а, с.65-73; Голдина 1996, с.17-18; Розенфельдт 1976, с.126], на это же указывают и более поздние этнографические материалы, где коми (зыряне) выступают всегда, как весьма предприимчивый и связанный с торговлей народ [Жаков 1901, с.5; Воропай 1901, №4, с.25; Воропай 1901а, №8, с.50; Хайду 1985, с.52, 53].

Начиная с конца XII в., за контроль над северным торговым путем боролись Новгородская республика и Ростово-Суздальское княжество, но в XIII в. Ростово-Суздальское княжество развалилось. Новгородские ушкуйники получили полный контроль над северным торговым путем, несмотря на то, что узловые пункты торгового пути — Устюг и Гляден, оставались за Ростовским княжеством.

Торговая перспективность и сложившиеся торговые и военные (коми участвовали в походах на Югру в составе русских дружин) контакты с местным населением ставили на повестку дня вопрос о присоединении Северного Урала к Московскому княжеству. Против этого выступала правящая элита Новгородской республики. После того, как в 1383 г. по настоянию Сте-

фана (мирское имя Степан Храпа) создается Пермская епархия с центром в Усть-Выме [Житие 1992, с.335], которая должна была стать миссианским и идеологическим центром Московского княжества на Северном Урале, новгородцы начинают военные действия на Северном Урале против Стефана епископа Пермского. В 1385 г. был организован первый военный (карательный) поход против Пермской епархии, который не увенчался успехом по причине помощи устюжан пермякам [Доронин 1958, с.260]. В военном походе 1386 г. на стороне Дмитрия Иоановича Московского выступили вычегодские князья, как союзники. На этом притязания Новгорода на Пермскую Землю закончились.

Пермская епархия охватывала земли междуречья р.Вычегды (до Ульяновского монастыря), р.Вашка (до дер.Вендинга), р.Сысолы (до сел.Вотча), низовий р.Печора (до сел.Троица) и верховий р.Кама (ур. Пернаяг, Пернаег под пос.Гайны) [Святитель Стефан 1995, с.24, 25]. Русское население в это время на данных территориях было незначительно, основным же населением являлись коми. Выявить, какие племенные группы коми были вовлечены в сферу влияния Пермской епархии, довольно сложно. Можно лишь предполагать об этом исходя из посыла, что племенное и родовое деление коми было по рекам, о чем говорит летопись и диалектное деление коми (все диалектные группы у коми хорошо привязываются к определенным междуречьям) [ПСРЛ 1965, с.165; Основы 1975, с.113-115; Хайду 1985, с.51]. Усть-Вымь расположен между тремя большими группами коми: к северо-западу жили нижнемезенские и ваткинские коми, к

северо-востоку от Усть-Вымь селились вымские коми, к юго-западу средневычегодские, а к юго-востоку сыктывкарские [Чебоксаров 1946, с.52-55]. Функции «власти» в таких племенных образованиях выполнял шаман (туно), по крайней мере в XIV веке. С одним из них и пришлось столкнуться Стефану Пермскому как с основным препятствием на пути христианизации края.

Пам, вероятнее всего, возглавлял вычегодскую группу коми, на это указывает предложение Пама купаться в проруби р. Вычегды [Повесть о Стефане 1982, с.214], хотя р. Вымь также была рядом от места спора, соответственно, можно предполагать, что дух р. Вычегды был одним из духов покровителей Пама.

Приставка к имени Пама – «сотник» указывает на то, что он являлся не только религиозным руководителем на данной территории, но и светским руководителем: «Был он сотником той страны ... Правителем его называли ...» [Повесть о Стефане 1982, с.207].

В Житии Стефана Пермского и в Патриаршей летописи резко разграничиваются две социальные категории: кудесники (или чародеи) и волхвы – «Молящиеся ... и кудесником, и волховом» [ПСРЛ 1965, с.164], «...нарочит кудесников, волхвам начальник, обавникам старейшина, отравникам больший ... имя его Пам–Сотник» [Повесть о Стефане 1982, с.207]. Из этих упоминаний видно, что у коми в XIV в. существовали жрецы (волхвы), колдуны (кудесники или чародеи), знахари (обавники), травники (отравники). Пам-Сотник возглавлял все четыре категории служителей культа, существующих у Коми, над жрецами по праву «начальства», т.е. он был выбран, над

колдунами по праву умения («нарочит»), над знахарями и травниками по праву старшинства. Упоминаемая в Житии социальная категория «кудесник», вероятнее всего, идентична социальной категории – шаман, т.к. в легендах хантов из Большого Атлыма Пам-сотник прямо называется шаманом [Абрамов 1857, с.343], кроме того, косвенным доказательством этого может служить предложенное Памом Стефану Пермскому испытание «войти в огонь и воду», у коми эти две стихии считались стихиями Туно (шамана) [Сидоров 1997, с.32].

Светская власть Пама базировалась на колдовском могуществе, о чем говорит отрывок из Жития: «...яко того влешением управлен бути Пермские земли и яко того учением утверждается идольская вера ...». Доказательств этому предостаточно в самом повествовании, а кроме того, в более поздней этнографической литературе [Богаевский 1890, с.123-128; Религиозные верования 1993, с.194, 195].

После проигрыша в споре и испытании Пам не вступает в конфронтацию с русской церковью, что вполне объяснимо, если учесть, что за ней стояла сила русского войска. Не зря, обвиняя Стефана, Пам говорит о том, что вместе с ним «не оттуду ли нам тяжести быша и дани тяжкыя, и насилстав, и твуни, и доводищи, и приставницы?» [Святитель Стефан 1995, с.124; Повесть о Стефане 1986, с.208]. Он собирает своих последователей, перебирается через Урал и селится в Атлымских горах (средняя р. Обь) [Абрамов 1857, с.343]. Ситуация с Памом была, скорее всего, типичной для коми XIV века - народ как бы раскололся на две части: одна, наиболее пассионарная и

консервативная, во главе со своими туно начала уходить на восток за Урал, где к этому времени была достаточно крупная диаспора коми [Мартынова 1998, с.60, 61]. По сведениям И.Г. Георги, больше половины коми (пермяков и зырян) перебралось в это время за Урал, спасаясь от христианства [Георги 1776, с.78]. В дальнейшем коми на Оби были ассимилированы местными уграми, «чему способствовало разрушение этнических стереотипов коми (хозяйственных и пищевых), что было практически неизбежно в других природно-географических условиях» [Конаков 1983, с.11-16; Мартынова 1998, с.63]. Но пришлое население оказало существенное культурное влияние на местных хантов, что выразилось в сложении городской (или, правильнее, городковой) культуры (кодские городки) [Головнев 1995, с.112-114; Мартынова 1998, с.61-63], своеобразного культа Мир-Сусне-Хума и Калтас-анки (в зарождении которых, возможно, принимал участие и Пам-сотник (?)), и т.д. [Мингалев 1999, с.54-55].

Оставшиеся в Северном Предуралье коми утрачивают свою самостоятельность и к кон.XIV – XV вв. входят в состав Русского государства.

Д. И. Ражев, Е.О. Святова
ПАЛЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ КЛАДБИЩА
НОВОГО ВРЕМЕНИ
г.ВЕРХОТУРЬЯ

Кладбище Верхотурского Кремля расположено на высоком мысу коренного берега р. Туры, на месте первого Верхотурского острога. Все погребения совершены по христианскому православному обряду. По всей видимости, мы имеем дело с захоронениями, устроенными в алтарной части первой городской Свято-Троицкой церкви, которая была заложена одновременно с основными городскими сооружениями в мае 1598 г., в течение первых пяти лет являясь единственным приходским храмом. Именно с этого времени начинает функционировать и кладбище.

В течение XVIII-XX вв. на территории Верхотурского Кремля производились неоднократные строительные и земельные работы, в результате которых значительная часть кладбища была уничтожена. Вместе с тем, аварийно-спасательные и научно-исследовательские работы, которые систематически производились с 1989 г., позволили вскрыть значительный участок кладбища и на его основе провести палеодемографическую реконструкцию. Палеоантропологическая серия с кладбища Верхотурского Кремля представляет собой коллекцию из 92 индивидуумов, из которых 17 - восстановлены из сборов разрозненных костей, обнаруженных при археологических раскопках, либо собранных во время строительных работ, что объясняет большое

© Ражев Д.И., Святова Е.О., 2007.

количество взрослых индивидуумов без определения пола и с широкой возрастной характеристикой.

С исторической точки зрения, кладбище интерпретируется как место захоронения первопоселенцев, гарнизона и строителей города. В связи с этим предполагается следующая априорная демографическая модель соотношения половозрастных характеристик умерших: некоторое превышение количественных показателей мужской смертности над женской и заниженный, в сравнении с обычным, уровень детской смертности. Палеодемографическое преломление этого сценария, согласно эмпирически наблюдаемым закономерностям, допускает еще большее уменьшение детских погребений и некоторое увеличение мужских.

Проведенный половозрастной анализ исследуемой совокупности показывает картину, весьма отличную от ожидаемой. В первую очередь это выражается в высоком уровне детской смертности (57,6%), приходящейся, в основном, на первый год жизни. Примечательно, что планиграфически фиксируется обособленный детский участок кладбища. Это позволяет предполагать воздействие постоянных или спорадических специфических факторов на формирование структуры кладбища: эпидемии, особые социально-бытовые или культурно-религиозные условия. Обращает на себя внимание и значительное преобладание количества мужских погребений над женскими (более чем в 2,5 раза), при абсолютных количественных показателях 24 и 9 костяков соответственно. Если оба явления по отдельности вполне приемлемы для палеодемографической модели, то их сочетание оказывается парадоксаль-

ным и ставит вопрос: откуда столь много детей, при столь малом количестве женщин?

Остановимся на поведении кривых смертности (по пятилетним возрастным интервалам). Сразу отметим, что поскольку смертность первого года жизни является важным демографическим показателем, этот показатель вынесен в самостоятельный период. Кривая смертности объединенной выборки имеет несколько подъемов: наибольший приходится на первый год жизни, довольно существенный подъем отмечается в возрастном интервале 15-19 лет, причем, не только за счет женского населения, что традиционно связывают с исходом ранних родов, а в большей степени за счет мужской выборки.

Отмечаются так же пики смертности на женской и мужской кривых, однако распределение смертности по возрастным когортам для мужчин и женщин различно. Мужская кривая демонстрирует более или менее прямую зависимость смертности от возраста, причем значимое повышение вероятности смерти отмечается в интервале 35-44 года, при этом до 60 лет доживает около 5 % взрослых мужчин. Кривая женской смертности не имеет ярко выраженных пиков, небольшой подъем приходится на период 30-34 года. Между тем, до 60 летнего рубежа женщин доживает столько же, сколько и мужчин (5%). Полученная картина, на наш взгляд, свидетельствует о стабильности и, следовательно, относительном благополучии взрослого населения.

Вопрос о более точной датировке периода существования кладбища имеет особое значение в методике палеодемографических реконструкций, по-

этому имеет смысл остановиться на нем более подробно. Имея точную дату основания (1598 г.), исследователи расходятся во взглядах на время прекращения функционирования погоста. Точно известно, что к началу XVII в., когда на Троицком мысу началось масштабное каменное строительство, в том числе и кремлевских стен, ни один из письменных документов не содержит упоминания о погребениях на территории строящегося Кремля. По мнению П.А. Корчагина, кладбище было закрыто после 1674 года. Исследователь связывает этот факт с пожаром, уничтожившим большинство деревянных сооружений, в том числе и Свято-Троицкую деревянную церковь. Восстановление храма началось в 1684 г., но уже на новом месте. А к началу XVIII в. память о существовавшем кладбище стерлась. На наш взгляд, 25-30-летний промежуток явно недостаточен для забвения, поскольку еще здравствуют родственники погребенных. С момента последних захоронений должно смениться не меньше двух поколений (т.е. умереть внуки погребенных), а, следовательно, пройти не менее 60 лет. Таким образом, обратный отсчет от начала XVIII в. дает дату - не позднее 1640-х годов. Здесь же необходимо отметить еще одну особенность: Верхотурье сразу было заложено как город. В таких случаях место для захоронений отводиться вне жилой территории, однако, в первые годы могут существовать погосты и внутри строящихся крепостей. Со временем, когда в полной мере формируются слободы, возможности прицерковных кладбищ уже не могут удовлетворить потребности города и определяется новое место для погребений. Для Верхотурья этот

период настал, по-видимому, к концу первой четверти XVII в., когда город, первый из уездных центров Сибири, перешел на самообеспечение. Таким образом, согласно историческим параллелям, исследуемое кладбище прекратило свое функционирование не позднее конца первой четверти XVII в.

К настоящему времени археологическими методами исследована примерно четверть территории, занимаемой в XVII в. захоронениями. Таким образом, имея в выборке 24 мужских костяка, мы можем реконструировать общее количество мужских погребений на всей территории кладбища как близкое к 100.

Поскольку переписи населения в XVII в. вели учет только душ мужского пола, мы сочли целесообразным провести демографические реконструкции, учитывая именно мужское население и, соответственно, данные мужских погребений. Данные демографической статистики свидетельствуют, что для искомого периода, при благоприятном уровне жизни, смертность составляет 3% популяции ежегодно. Однако, в случае неурожайных лет, эпидемий или военных действий, смертность может достигать пятипроцентного рубежа, превышение которого ведет к вымиранию. Исходя из этих данных было подсчитано абсолютное количество возможных мужских захоронений по временным рубежам, соответствующим годам переписи.

Статистика свидетельствует, что количество погребенных мужчин на кладбище Верхотурского Кремля полностью соответствуют количеству мужчин, умерших в Верхотурье до 1610 г., и не вступает в выраженное противоречие с количеством умерших лиц

мужского пола до 1621 г., при трехпроцентном уровне смертности.

Одна из возможных моделей структурной организации кладбища предполагает погребение *всех умерших* жителей на единой территории. В этом случае половозрастная статистика исследованных погребений показывает следующую демографическую модель общества: количество мужчин, проживавших в г. Верхотурье в период функционирования кладбища, в 2,5 раза превышает количество проживавших там женщин. При этом на каждую женщину, начиная с 15-летнего возраста, приходится более 5 умерших (а следовательно, не менее 10-15 рожденных) детей [Шабуров 1979, с. 31]. Такие показатели вступают в явное противоречие с большинством палеодемографических статистических данных, согласно которым соотношение детских погребений к женским составляет от 0,7 до 3,2.

Согласно историческим источникам, население Верхотурья в течение XVII в. не имело значительного прироста, который был бы неизбежен в случае, если доля детских погребений отражает реальную рождаемость. Таким образом, количество детей, погребенных на кладбище Верхотурского Кремля, непропорционально количеству погребенных здесь женщин, да и вообще взрослых людей. Разрешение противоречия авторы видят в двух возможных гипотезах.

1. Выборка селективная.

Контингент умерших жителей Верхотурья не соответствует контингенту похороненных на кладбище людей. Следовательно, кладбище, существовавшее на территории Верхотурского посада, не являлось единствен-

ным. Очевидно, что при совершении погребений на исследуемой части, предпочтение отдавалось детским захоронениям. В таком случае, остаются открытыми вопросы о финальной дате функционирования погоста, принципах отбора и месте расположения альтернативного погоста.

2. Выборка объективная (случайная).

На территории кладбища *хоронили всех умерших жителей* г. Верхотурья, но при этом действовали факторы, резко увеличивающие количество детских захоронений: высокая смертность детей младенческого периода в среде женщин, занимающихся проституцией, или эпидемия с летальным исходом в раннем детском возрасте. График смертности первого года жизни обладает характеристиками модели, при которой ведущее место в причинах смерти занимают экзогенные факторы, среди них в первую очередь пневмония, желудочно-кишечные и инфекционные заболевания. Средний возраст смерти в группе до 1 года - 4,5 мес., что также подтверждает описанную модель.

Среди исследованных детских погребений нами были обнаружены останки с явными следами заболевания экзогенного характера. Всего зафиксировано 7 случаев из 53, что составляет 13,2 % от общего количества детей в возрасте до 15 лет. В 70 % заболевание поражает детей первого года жизни, причем, в равной мере в первом и втором полугодии. В двух случаях заболевание зафиксировано в более старшем возрасте - 1-2 года и $2 \text{ г} \pm 8 \text{ м}$.

Во всех случаях болезни обнаружено поражение костей свода черепа в виде наслоений плотной мелкопористой костной ткани, особенно в области

барабанной части височных костей (периоститом и кавернозное поражение). Толщина наслоений варьирует в пределах от десятых долей до 1 мм. В большинстве случаев поражаются длинные кости верхних или нижних конечностей. Периостальные наслоения локализуются, как правило, в проксимальных третях диафизов плечевых или бедренных костей и иногда сопровождаются утолщением диафизарной части. Поражения костей носят, как правило, симметричный характер. Ввиду большого количества пораженных детей заболевание, по нашему мнению, имело инфекционный характер. Смерть, в большинстве случаев, наступала в течение первого года жизни.

По макроморфологии периостит на детских останках близок к проявлению остеологических симптомов врожденного сифилиса, инфекционной инвазии с (неуточненной) этиологией и тяжелых случаев рахита. Сифилис и рахит имеют настолько сходные симптомы поражения костей, что определяющим при распознавании заболеваний следует считать биохимические и клинические показатели, что для палеоантропологических исследований не представляется возможным.

Практически существенным моментом дифференциального диагноза служит различие в возрасте детей: рахит не встречается обычно раньше 5-6-го месяца жизни, в то время как проявления раннего врожденного сифилиса фиксируются уже с 5-го месяца внутриутробного развития, а наибольшие изменения костей происходят уже в первые месяцы жизни. Однако, в педиатрии хорошо известно, что заболевание врожденным сифилисом предрасполагает к рахиту, и в этом случае ра-

хит протекает тяжелее, дольше и, что особенно важно, начинается значительно раньше обычных сроков. Поэтому мы считаем весьма вероятным, что исследуемые патологии являются проявлениями раннего врожденного сифилиса, осложненного рахитом, и его рецидивами.

В то же время структура детской смертности весьма близка к демографической норме [Демографический словарь 1985], следовательно, несмотря на наличие широко распространенного инфекционного заболевания, при интерпретации соотношения женских и детских захоронений, мы не можем говорить о деформирующем воздействии на демографическую картину эпидемиологического фактора и имеем все основания более подробно остановиться на первой из высказанных гипотез.

По археологическим данным планиграфически выделяются как минимум два участка, содержащих преимущественно детские погребения: это группа из 17 погребений в раскопе 1999 года и 11 погребений из раскопа 2004 года. По всей видимости, такая ситуация возможна в случае одновременности или хронологической близости захоронений. По этнографическим данным известны ситуации, когда у православного населения совершение погребения откладывалось в силу неблагоприятных климатических условий. Существовала традиция отсрочивать похороны умерших в зимний период и совершать захоронения по весне, когда прогревается земля. Для этого покойных помещали на хранение в специально отведенных местах [Забылин 1880].

Весьма вероятно, что подобная

традиция существовала и в Верхотурье. Причем тела могли храниться именно в Свято-Троицкой церкви, во-первых, потому, что в течение первых пяти лет она была единственной церковью, а во-вторых, потому что Свято-Троицкая церковь была, по свидетельству архивных документов, «холодной», т.е. не отапливаемой, а зимой службы проводились в светских помещениях.

В раскопе 2004 г. было зафиксировано младенческое погребение, ориентированное, как и положено, по линии запад–восток, но тело покойного было уложено головой на восток. Наиболее вероятным представляется объяснение, что с момента смерти ребенка до его погребения прошло значительное количество времени, непосредственно перед захоронением гроб (а, скорее всего – колода) не вскрывался, а родственники просто забыли, где находится голова умершего. Если принять гипотезу отсроченных детских погребений, подобная ситуация представляется вполне правдоподобной. Кроме того, этим объясняется и значительно большее, чем ожидалось, количество детских погребений. На наш взгляд, Свято-Троицкая церковь являлась местом, где хранились умершие дети не только из самого Верхотурья, но и из других населенных пунктов округа. Весной они погребались на ближайшем, то есть Верхотурском, кладбище, тогда как их матери, да и отцы, хоронились в свое время на других погостах.

Зафиксированные в ходе исследования моменты, такие как:

1) соответствие количества погребенных мужчин смертности мужского контингента Верхотурья,

2) близость полового соотношения взрослого населения априорной моде-

ли,

3) соответствие структуры детской смертности модели, при которой ведущее место в причинах смерти занимают экзогенные факторы,

4) парадоксальное соотношение детских и взрослых захоронений,

могут быть объединены в непротиворечивую картину, объединяющую две казавшиеся альтернативными гипотезы. На территории кладбища хоронили всех умерших жителей Верхотурья, а диспропорция взрослых и детских захоронений объясняется притоком умерших детей из сельской округи.

Итак, кладбище Верхотурского Кремля начало функционировать в 1598 г. при первой городской Свято-Троицкой церкви, и в течение 5-10 лет являлось единственным местом погребения жителей строящегося города. Период существования кладбища при церкви, по всей видимости, не перешагнул рубежа 2-3-го десятилетий XVII века. Вероятно, в это время, или чуть раньше, было организовано второе городское кладбище, которое располагалось уже за пределами Верхотурского острога.

Половозрастной анализ серии позволил сделать вывод о стабильности и относительном благополучии взрослого населения города. Максимальное количество умерших мужчин приходится на возрастной интервал 40-44 года, женщин – 30-34 года, но при этом встречаются погребения мужчин и женщин, доживших до 60 лет. Мужское население города в начале XVII в. более чем в 2 раза превосходило женское.

Непропорционально высокое количество детских погребений, при типичной структуре детской смертности,

свидетельствует о захоронении на кладбище умерших детей из Окологородного стана. Приток умерших осуществлялся в зимнее время, когда тела покойных временно сохраняли в Свято-Троицкой церкви, а погребали уже по весне. Структура детской смертности первого года жизни, зарегистрированная для Верхотурского кладбища, соответствует типу С, определяемому экзогенными факторами. В исследуемом случае значительную роль в системе экзогенных факторов играла эпидемия такого инфекционного заболевания, как ранний врожденный сифилис, осложненный, по всей видимости, тяжелой формой рахита.

**Г.Х. Самигулов
ИСТОРИКО-
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
РУССКИХ ПОСЕЛЕНИЙ
НОВОГО ВРЕМЕНИ УРАЛА
И СИБИРИ. К ВОПРОСУ О
МЕТОДОЛОГИИ
ИССЛЕДОВАНИЙ***

Работы по исследованию культурных напластований археологических памятников Нового времени сейчас проводятся во многих регионах России. В последние десятилетия расширяется изучение русских поселений XVII–XIX вв. на Урале и в Сибири. Подобные исследования важны и актуальны, несмотря на хронологическую близость изучаемого периода. Это обусловлено рядом моментов: изучение материальной культуры русского населения востока России XVII–XIX вв. практически не проводилось до последнего времени, в лучшем случае происходила экстраполяция данных этнографии на указанный период; архивные материалы зачастую не содержат информации о вещах, которые были для современников обиходными, т.е. само собой разумеющимися; систематический сбор этнографических коллекций начался с конца XIX в.; материалы, имеющиеся в коллекциях музеев и, вполне возможно, относящиеся к XVIII – началу XIX в., по большей части не имеют четко обоснованной датировки.

Археология дает материал датированный, иногда относительно – в слу-

© Самигулов Г.Х., 2007.

** Работа подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 04-01-85103 а/у.*

чае стратиграфической датировки, иногда практически абсолютно – материал из закрытых датированных комплексов. Но материалы, получаемые в ходе археологических исследований, требуют интерпретации, осмысления. И интерпретации не только на уровне «бедный двор» – «богатый двор», «керамика ручной лепки» – «керамика гончарная», «погребение с архаичными элементами». Очень важно осмысление конкретного материала и восстановление его «паспортных данных» – исторических названий, сфер и способов использования, времени бытования. С другой стороны, необходимо видение информации, полученной в ходе исследований, в контексте общих культурных, этнических и конфессиональных процессов, происходивших в соответствующий период в регионе и в стране в целом.

Без подобной интерпретации материала, как в конкретно-бытовом, так и общеисторическом контексте, невозможно полноценное применение данных археологических исследований культурного слоя Нового времени в образовательных программах. Использование при составлении учебных курсов материала, который сами исследователи скорее не понимают, а интуитивно ощущают, вряд ли приведет к лучшему постижению истории учащимися. Равным образом и привлечение материалов позднего времени в выставках и музейных экспозициях необходимо, но познавательная и интересная подача информации возможна лишь при условии, если эти экспонаты не являются «*tabula rasa*» для экскурсоводов и научного персонала музея. Если экскурсовод скажет, к примеру, о топорах лишь одну фразу: «такими топорами

работали наши предки в XVIII в.», в этом не будет ничего страшного. Но если этой фразой исчерпываются его знания о предмете и он не в состоянии ответить на вопросы о разнообразии форм и размеров топоров, о конкретном использовании того или иного вида инструмента и пр., ему будет сложно заинтересовать экскурсантов.

В общем, речь идет о том, что мало исследовать культурный слой, в данном случае, памятника Нового времени, зафиксировать и описать объекты и отобрать материал. Важнее, чтобы эта информация и материалы стали «говорящими». Проблема далеко не нова, но при разговоре об археологии Нового времени обретает особую актуальность, как раз в силу хронологической близости изучаемого периода. В этом случае мы имеем дело с материалом периода, предшествующего современному, и если мы не можем адекватно интерпретировать эти данные, тогда что говорить об изучении более ранних материалов. Хотя сейчас сложилась довольно парадоксальная ситуация – для того, чтобы понять материал Нового времени, мы обращаемся к исследованиям по археологии средневекового Новгорода, Москвы и т.д. Материалы этнографии используются, но в меньшей степени. Хотя должно было быть наоборот.

Вещевым материалом и остатками конструкций не ограничивается информация, полученная при помощи археологических методов. В ходе исследований накапливаются сведения по топографии населенных пунктов, планировке дворов и поселений, взаиморасположению населенных пунктов и кладбищ и пр. Выявление и фиксация этой информации – лишь начальный

этап работы, важно превратить ее в реальный источник исторических сведений.

По мере расширения археологических исследований накапливается материал, часть которого является уникальной. Причем к таковому можно отнести не только единичные находки высокохудожественных изделий или анахроничных артефактов. Фактически, на данном этапе изучения мы можем считать уникальным значительную часть массового материала, получаемого при проведении археологических исследований.

Употребляя слово «уникальный» в отношении массового материала, допущен совершенно сознательный оксюморон – уникальность, в данном случае, определяется не редкостью, единичностью, – а степенью изученности. Имея на руках значительные коллекции материала, мы не находим времени их обработать, чтобы сделать какие-либо конкретные выводы, и (в лучшем случае) отделяемся либо публикацией материала, либо довольно общей схемой его (материала) эволюции. Если говорить о чисто археологических вопросах, то на сегодняшний день мы не имеем: типологии керамики, а также ее хронологии; типологии топоров, равно как и другого бытового инвентаря из черного металла и опять-таки его хронологии. Это, наряду с фарфорово-фаянсовой посудой и стеклом, самые массовые материалы при изучении слоя русских поселений Нового времени. Кстати, история распространения фарфоровой и стеклянной посуды тоже слабо изучена.

Причем зачастую речь не идет о создании типологического ряда, выработке критериев и проч., проч. – мно-

гие из изделий таковую типологию имели, она рождалась и разрабатывалась в ходе их использования и пополнялась по мере возникновения новых разновидностей. Так с коваными гвоздями, которые мы продолжаем делить на большие кованые гвозди, средние и, естественно, маленькие, уточняя эти «определения» конкретными цифрами: длина, сечение. В XVIII–XIX вв., а, скорее всего, гораздо раньше, бытовало около десятка разновидностей и, следовательно, названий этих гвоздей. Скорее всего, их было больше, кроме того, вполне возможны региональные, диалектные названия разных видов. Практически, классификацию разрабатывать не нужно, надо использовать готовую, возможно уточняя ее в соответствии с задачей исследования. Та же картина в отношении литой посуды из железа и чугуна и некоторых других изделий. Конечно, все не так просто, все эти названия надо еще восстановить, т.е. найти в архивных документах, исследованиях, и соотнести с конкретными типами гвоздей, чугунных горшков, топоров и т.д. Но, представляется, что использование исторической реальной классификации, предпочтительнее разработки искусственной схемы.

Сложнее вопрос с классификацией керамики Нового времени. С одной стороны, имеется ряд очень хороших работ по средневековой глиняной русской посуде, где сосуды распределяются по группам на основании drobных признаков – форма, оформление верхнего края, исходное сырье, примеси и пр. Но довольно сложно дать краткое определение сосуда на основании столь drobной схемы. Функционально-типологический подход позволяет класси-

фицировать имеющийся массив материала, но слишком громоздок в ситуациях, когда нужно проследить эволюцию керамики. Возможно, более продуктивно применение к керамике позднего времени принятых этнографических названий с уточнениями, определенными конкретными характеристиками – «приземистая кринка», «прямостенный баночный горшок». Последний вариант привлекателен, поскольку рассматривается посуда весьма недавнего времени, в некоторых местностях глиняные горшки все еще используются в хозяйстве. Проблема в том, что разнообразие местных вариантов названий посуды довольно велико. Достаточно сравнить этнографические названия посуды Русского Севера, Сибири и Центральной России; да еще внутри каждой области наберутся десятки разночтений. Учитывая, что керамический материал является самым массовым и довольно хорошо отражает изменения в материальной культуре, представляется, что вопрос об изучении керамики Нового времени достаточно важен. Возможно, имеет смысл организовать семинар по вопросам изучения русской керамики Нового времени. Такой семинар не решит всех вопросов, но может помочь выработке каких-то общих подходов. Иначе нам так и придется говорить не о конкретных сосудах, из опасения, что тебя не поймет оппонент, а о «русской керамике архаичного типа, подобной новгородской XIII–XIV вв.», «московской керамике», давая общую характеристику через подобие.

Период XVII – начала XX в. в плане бытовой материальной культуры характеризуется постепенным переходом от изготовления большей части

бытового инвентаря кустарным способом к фабричному или мелкофабричному его производству. Широко распространенная еще в XVIII в. керамическая посуда архаичных форм, с локальными вариантами технологии изготовления, в XIX в. вытесняется сначала «московской» керамикой, а затем поливной посудой. Металлическая кованая утварь сменяется к концу XIX в. заводскими изделиями, широко распространяется фарфор, фаянс, металлическая посуда и т.д.

Планировка городов, сохранявших некоторые черты «нерегулированных» населенных пунктов, к началу XX в. приводится в соответствие с генпланами, утвержденными в конце XVIII – середине XIX в.

Православный погребальный обряд, преодолев иноэтничные влияния, архаичные (языческие) элементы, обрел единообразие. Практически все археологи, исследовавшие русские кладбища XVII–XVIII вв., указывают на разнообразие положения рук погребенных; встречается использование бересты в погребениях, иначе говоря, те элементы погребального обряда, которые нами с традиционным православным обрядом не связываются и исчезают к середине XIX в.

Разумеется, были исключения из этой схемы, особенно в сельской местности. Однако в городах, более вовлеченных в товарно-денежные отношения и просто подверженных постоянному обновлению населения, процесс перехода к новому времени происходил повсеместно – в некоторых раньше, в некоторых с запозданием.

Таким образом, период XVII–XIX вв., который сейчас осваивает уральская и сибирская археология, является

переходным. Уже к началу XX в. многие элементы, которые были характерны для конца XVIII – начала XIX в., стерлись из памяти населения. Сейчас мы практически заново открываем материальную культуру русских этого исторически недавнего периода. Материальная культура, как известно, отражает особенности образа жизни своих носителей и изменяется вместе с развитием общества. Зависимость эта обычно не носит характера жесткой детерминации, а проявляется опосредованно, результаты отстоят во времени от причин.

При попытках интерпретации материала мы часто оказываемся в ловушке как собственных шаблонных представлений об истории России в целом и Урало-Сибирского региона в частности, так и фактической неизученности многих моментов нашей истории. Представляется, что некоторые вопросы должны изучаться на стыке исторических дисциплин – археологии, «числой» истории, истории православия и, в частности, старообрядчества, этнографии. Некоторые проблемы раньше просто не поднимались, они выявились только сейчас, благодаря археологическим исследованиям.

Для пояснения приведем обычную ситуацию: самым распространенным видом находок при исследовании русских некрополей XVIII в. (как и более ранних и поздних) являются кресты-тельники. Есть традиционные представления об иконографии старообрядческих и «никонианских» крестов, сложившиеся в исторической науке, они зафиксированы еще у Брокгауза и Ефрона. Если исходить из этих представлений, то практически все кресты, найденные при исследованиях некрополей

XVIII в. на Урале и в Сибири, относятся к старообрядческим. Так их и интерпретируют. Вопрос – являлось ли все население Урала и Сибири в XVIII в. старообрядцами? Видимо, нет. Следовательно, вопрос в изученности истории развития иконографии крестов-тельников. Небольшая деталь, ошибочная интерпретация которой может привести к серьезным недоразумениям.

Есть такая расхожая шутка в археологии – все непонятное относить к объектам военного или культового характера, мол, кто ж их знает, военные хитрости и ритуальные замудренности предков? Похоже, подобная участь «резервных» вариантов в археологии Нового времени Урала и Сибири, может ожидать старообрядчество и рудознатцев. Объекты неясного назначения, особенно вне населенных пунктов, будут в полу-шутку относить (и уже относят) к «старательским» или «старообрядческим».

В связи с археологическими данными, в основном полученными при раскопках некрополей, проявился ряд вопросов, которые практически не освещены в литературе. Один уже описан выше – как в реальности отличалась иконография крестов старообрядцев и «никониан», и с какого времени эти различия стали реально проявляться?

В силу особенностей метода исследования, многие вопросы, в том числе и связанные с православием, относятся к прикладной стороне, в частности, к погребальному обряду: Фиксируется ли в документах наличие архаичных черт в погребальном обряде, принимали ли государство и церковь какие-либо меры к стандартизации этого обряда, помимо требований к глубине могил?

Имеются ли этнографические или исторические данные по изменению погребального обряда, как у старообрядцев, так и у прихожан официальной церкви? Каковы были взаимоотношения верующих старообрядцев различных согласий и хоронили ли они своих покойников на одном общем кладбище или устраивали два или три погоста в пределах одного населенного пункта? Перечисленные вопросы вызваны следующей ситуацией – в Челябинске выявлено четыре кладбища, которые не обозначены на планах города и не известны по письменным источникам. Два кладбища было выявлено в начале XX в., в ходе строительных работ, и два – в течение последних десяти лет. Все эти кладбища, по характеру погребального обряда и расположению на местности, могут быть датированы XVIII в. Подобные находки, естественно, вносят коррективы в представления об истории города, его планировке. Но мы сейчас не имеем объяснения – откуда в небольшом городе – максимум населения в Челябине в XVIII в. семь тысяч человек – четыре кладбища, плюс пятое, официально существовавшее уже в 1784 г.? Два кладбища довольно уверенно могут быть отнесены к официальным, одно раннее, другое более позднее, вынесенное за пределы крепости. Возможно, оставшиеся являлись старообрядческими, но их три и они расположены в пределах 500 м друг от друга.

Открытым остается вопрос о том, какова же в реальности была доля старообрядцев в населении Урала и Сибири в различные периоды. В том случае, если было бы известно примерное количество старообрядцев в различных регионах в течение XVII–XIX вв., мож-

но было бы провести корреляцию материала и выяснить, существовала ли зависимость между долей старообрядческого населения и бытованием «новомодных» или «архаичных» предметов утвари, или такой деталью, как количество найденных курительных трубок.

В плане общей или социально-политической истории неясен (возможно, только для нас) вопрос «успокоения» населения на Южном Урале, а возможно, и на Урале в целом, на рубеже XVIII–XIX вв. Еще в конце XVIII в. Челябинск окружен деревянной стеной, которая, кстати, оказалась нелишней во время восстания Е.И. Пугачева. В тот же период, как по архивным материалам, так и по данным археологии, дворы окружены заплотами или частоколами, причем весьма солидными. На рубеже XVIII–XIX вв. происходит замена крепостных стен чисто символическими «барьерами», заплотов вокруг дворов становится все меньше, видимо, по мере обветшания их заменяют простыми заборами. Подобные изменения должны были произойти на уровне сознания и эмоций, должен был уйти страх, заставлявший людей огораживаться мощными заплотами. Но в первую очередь, должна была исчезнуть причина этого страха. Описанное явление было следствием того, что жизнь стала восприниматься как процесс «более безопасный». Но собственно картины подобных изменений в жизни Урала в этот период не описано.

Одной из традиционно популярных тем исследований является история горнозаводской промышленности Урала. Заводы играли и играют огромную роль в жизни Урала. Существует

много работ, посвященных отдельным заводам, истории металлургии в целом, отдельным персоналиям и династиям, приписному крестьянству. Есть работы по технологии чугунных и переделных заводов. Однако один аспект крайне скудно освещен в литературе, это производство бытового инвентаря на уральских заводах. Известно, что уже в XVII в. Ницынский завод производил, по крайней мере, в случае необходимости, лопаты и кирки. Но насколько было распространено изготовление бытовой хозяйственной продукции на уральских заводах XVIII в., неизвестно. Имеется в виду не то количество инвентаря, которое было необходимо для работ в самих заводах и на строительстве новых заводских объектов, а именно производство бытовой утвари и инструментов на продажу. С какого времени началось такое производство и на каких заводах? Этот вопрос смыкается с проблемой типологии железных изделий XVIII–XIX вв. Изучение ассортимента такой продукции и ее характеристик, их изменение, при сопоставлении с археологическим материалом, позволило бы восстановить историческую, существовавшую в реальной жизни, типологию различных предметов.

Количество подобных вопросов велико и будет увеличиваться по мере углубления в изучение материала. Вполне возможен упрек в том, что лень самому разбираться с вопросами, искать архивные материалы, перерывать груды исследований. Разумеется, практически все археологи, имеющие отношение к исследованиям памятников Нового времени, работают в архивах и выискивают информацию в исторических исследованиях и публикациях.

Вполне возможно, что часто они открывают секрет Полишинеля, и то, что они разыскали с большим трудом, давно известно источниковедам, историкам промышленности и пр. Представляется, что, оставив за собой разработку чисто археологических методических исследовательских вопросов, археологи должны больше сотрудничать со специалистами «смежных» направлений. Такое сотрудничество принесет пользу всем сторонам и, вполне возможно, приведет к корректировке некоторых уже сложившихся представлений.

Список вопросов явно не ограничивается затронутыми в докладе, представляется, что каждый исследователь может составить свой и, возможно, более обширный перечень. Постановка таких вопросов и их решение – своими силами или в сотрудничестве с «чистыми» историками и этнографами – это необходимый шаг. Сейчас археология Нового времени все еще находится на стадии накопления материала. Работы, посвященные интерпретации информации раскопок поздних поселений, единичны. Пора от констатации фактов находок интересных объектов и вещей переходить к осмыслению материала. Материалы археологических исследований позднего периода должны стать полноценным источником исторической информации.

А.С. Дубинин, П.А. Корчагин
КИСТЕНИ ИЗ
КОЛЛЕКЦИИ
ПЕРМСКОГО
ОБЛАСТНОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В отечественной науке существует множество публикаций, посвящённых различным видам холодного оружия, однако такая категория оружия, как кистени, оказались несколько в стороне от внимания исследователей. Монографии А.Н. Кирпичникова «Древнерусское оружие» [Кирпичников 1966] и «Военное дело на Руси в XII – XV веках» [Кирпичников 1976], оказались практически единственными, в которых кистени и их типология были предметом особого исследования, однако верхняя хронологическая граница их исследования ограничивается XV в. К сожалению, кистени более поздних эпох остались практически неизученными.

Надеемся, некоторым вкладом в исправление сложившейся ситуации послужит наше исследование коллекции кистеней Пермского областного краеведческого музея (рис.1). Коллекция состоит из 29 предметов, имеющих различную сохранность. 21 кистень сохранился полностью, у одного сломана рукоять, у 7 - рукоять утрачена, а от одного кистеня сохранилась лишь гирька. Большая часть кистеней имеет одинаковую конструкцию, т.е. состоит из рукояти, связки (цепочки, ремня) и гирьки.

На первом этапе исследования была проведена фотофиксация, были

обмерены конструктивные части кистеней, гирьки, связки и рукоятки. Оговоримся, что длина рукоятей измерялась полностью, не отделяя металлические и деревянные части.

Также собраны легенды о поступлении экспонатов в музей. В связи с тем, что часть дореволюционных книг приёма экспонатов (а, значит, и легенд) была утрачена, датировка кистеней была затруднена, однако анализ характера и соотношения конструктивных частей кистеня позволяет говорить не только о назначении, но и датировке отдельных предметов. Применение типологического метода позволили судить о назначении и сферах использования кистеней в зависимости от их конструктивных особенностей, выделить отдельные типы кистеней, установить время бытования различных типов.

Длина рукояти различных кистеней значительно варьируется - от 51,4 см до 151,5 см, причем явно выявляются две группы (до 61 см и свыше 75 см), внутри которых отличия длин не так велики, что наталкивает на мысль о функциональном различии (разном назначении) коротких и длинных экземпляров.

А.Н. Кирпичников приводит цитату из С. Герберштейна, описывающего кистень великого князя Василия III, суть которой сводится к тому, что длина великокняжеского кистеня была отнюдь невелика и напоминала плетень [Герберштейн 1908, с.209]. Рукоять кистеня профессионального воина была сравнительно небольшого размера, поскольку конный воин должен был действовать в бою одной (правой) рукой, а левой управлять конем. В плотном боевом соприкосновении с противни-

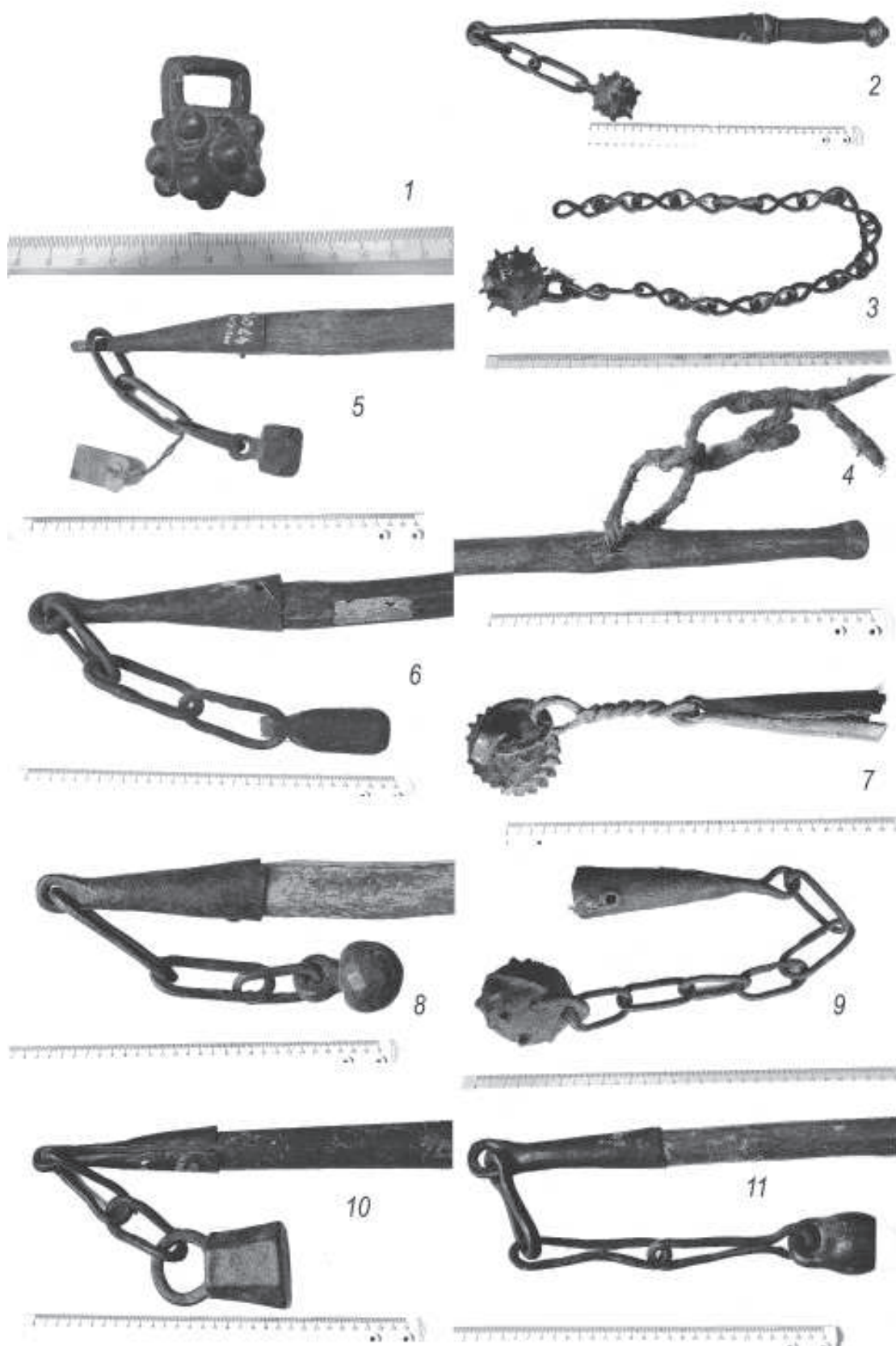

Рис.1. Кистени из коллекции ПОКМ

ком слишком длинный кистень был весьма малоповоротлив и неудобен.

В коллекции ПОКМ имеется единственный экземпляр подобного кистеня (ПОКМ №4722), от которого сохранилась только гирька (поз.1), крепившийся к рукояти при помощи ремня (это следует из прямоугольной формы отверстия в ушке гирьки). Согласно Кирпичникову он относится к типу IV и датируется XIII–XIV вв. [Кирпичников 1966, с.60]. Заметим, что у остальных кистеней в коллекции для крепления гирьки использовалась железная цепь.

Известна и другая ситуация, когда кистени с длиной рукояти от 51,4 см до 71 см использовались хулиганами и уголовниками. Подобные экземпляры бытовали в Перми ещё в начале XX в., о чём свидетельствует стихотворение Little man'a (псевдоним Сергея Ильина) «На Егошихе» [Прогулки 1998, с.68]:

Сижу себе бодрехонько
Отменным храбрецом:
Два ружьяца смирнехонько
Лежат со мной рядом,
Да кистени наручные
Так фунтов двадцати,
Коллеги неразлучные
Как за город идти...

В коллекции ПОКМ есть экземпляр (ПОКМ №4721), как раз описанный поэтом. Он изготовлен весьма аккуратно, единственный из всей коллекции имеет сделанную на токарном станке рукоять (поз.2). Несомненно, что данный кистень был предметом гордости, может быть, даже особого статуса его владельца. Короткие кистени пользовались популярностью в преступной среде не только из-за боевых качеств, но и потому, что были удобны

для скрытного ношения. Они легко умещались в рукаве и под полрой пальто, при этом не сковывали движений и могли быть оперативно извлечены.

Представляется возможным объединить подобные (короткие) экземпляры кистеней в общий тип, условно называемый «наступательными» (или «профессиональными»), поскольку их владельцы сознательно искали повод для их применения.

Подавляющую часть коллекции составляют кистени с длинными рукоятями, длина которых колебалась от 75 до 151 см. Такой размер оружия подразумевает действие им, как правило, обеими руками и на достаточно большом (до 2 м) расстоянии от противника. Естественно, они не были рассчитаны на тайное ношение, скорее всего, их просто держали рядом. Длина рукояти зависела, во-первых, от роста владельца оружия, во-вторых, от планируемых конкретных условий применения.

Функциональное назначение длинных кистеней весьма прозрачно раскрывается легендой поступления в музей одного из экспонатов. Так из документации следует, что кистень с инвентарным номером ПОКМ №5326 поступил в 1954 г. от А.М. Чащихиной из д. Верхние Шавели, Троельчинского с/с Калининского р-на Молотовской обл., которая сообщила, что «её дед ездил за рыбой с обозами в Сибирь по Сибирскому тракту. Передовой обоз имел кистень для обороны от нападений грабителей» (поз.7). Легко представить, как именно использовались крупноразмерные кистени возницами. Им приходилось защищаться от грабителей стоя на возу (возможно, движущемся), а в этом случае важно было не допустить

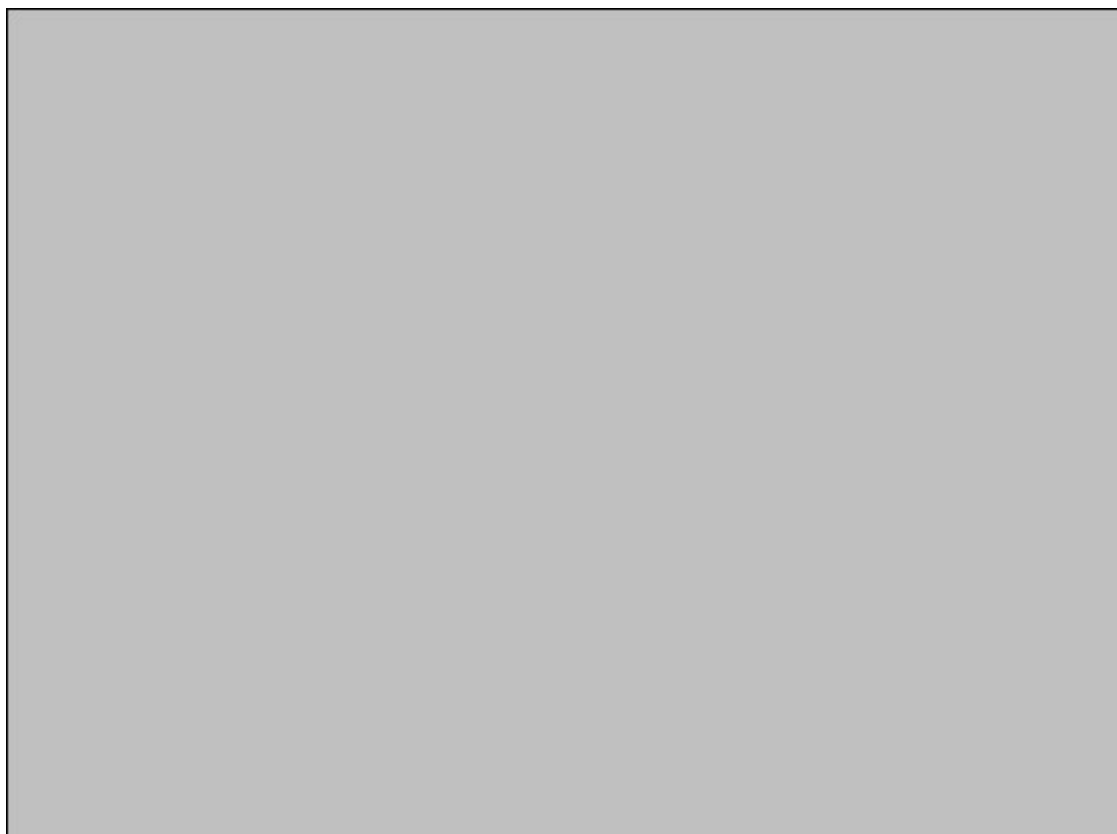

Таблица 1. ТИПОЛОГИЯ КИСТЕНЕЙ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ПОКМ
(курсивом выделены возможные, но не встреченные в коллекции типы)

противника близко к себе, поскольку в плотной рукопашной схватке хорошо вооруженный и тренированный разбойник заведомо имел преимущество. Кистени с длинными рукоятями изготовлены весьма топорно, они не несли эстетической или статусной нагрузки, все было очень прагматично.

Крупноразмерные кистени необходимо отнести к отдельному типу – «оборонительные» (или «крестьянские»), как специфическое оружие крестьян и возниц торговых обозов.

Стоит отметить специфические детали рукояток кистеней. Как короткие, так и длинные экземпляры имеют утолщение на конце (набалдашник), служившее для упрочения хвата. Для этой же цели на расстоянии около 20 см от конца рукояти укреплялась пет-

ля из кожаного ремня или верёвки (поз.4).

Хотя в коллекции ПОКМ петли зафиксированы лишь на длинных кистенях, однако, мы можем предполагать, что они могли быть и на коротких экземплярах, подобно темлякам на саблях или плетях. Поскольку наличие приспособлений для упрочения хвата является универсальным признаком, не обуславливающим функцию предмета, то оно не может служить классификационным критерием.

Если типы кистеней выделять по признаку длины рукояти (длинные и короткие), логично выделить и еще один тип – экземпляры с «нулевой» рукояткой. Или кистени, имеющие из трех составных частей (рукоять, связка, гирька) только две последние. Та-

кой несколько экзотический предмет вооружения (ПОКМ №4714) - гасило [Трубников 2002, с.56] - имеется в музейной коллекции (поз.3). Очевидно, третий тип кистеней удобно именовать именно «гасило».

Приемы действия с гасилом существенно отличались от использования традиционных кистеней, здесь роль рукоятки исполняла человеческая рука. В известном смысле этот тип оружия был универсальным, поскольку регулировка длины цепи позволяла использовать его как на длинных, так и на коротких расстояниях. Однако, как и все универсальные орудия, гасило обладало существенными недостатками. Поскольку цепь была длиной с руку или больше, существовал риск поранить себя при неловком движении. У кистеней первых двух типов связка всегда короче рукоятки и надо быть особенно неуклюжим, что причинить себе вред.

На основании легко поддающегося измерению формального критерия (длина рукоятки) возможно выделить три типа кистеней, каждый из которых имеет «физический смысл», характеризуется специфической областью и особыми приемами применения.

Рассмотрим другую составную часть кистеня – связку. Крепление гирьки к штоку осуществлялось при помощи ремня сыромятной кожи или цепи. Легко уяснить генезис связки, если обратиться к непосредственному предшественнику кистеня - молотильному цепу. У цепов связка всегда короткая - короче, чем рукоять и собственно ударная часть. Собственно, это своеобразный шарнир с бесконечным количеством степеней свободы. Аналогично назначение связки и у широко известного восточного боевого снаряда нун-

чаки. Очевидно, не стоит даже подтверждать статистически бросающуюся в глаза обратную зависимость размеров связки и ударной части. Что касается их суммарной длины, важно, чтобы она не превышала половины длины рукоятки. При соблюдении таких пропорций цепи, нунчаки и кистени будут одновременно эффективны и безопасны для владельца.

Теоретически нет разницы, что используется в качестве связки: кожаный ремень или железная цепь. Они обеспечивают одинаковую свободу вращения гирьки. Можно лишь отметить, что цепь способна дольше выдерживать нагрузку более тяжелых гирь, не истончаясь, не вытягиваясь, не обрываясь. Однако при небольшой массе гирьки у кистеней первого («наступательного») типа ременная связка была вполне приемлема. Нам думается, что массовый переход к использованию цепи в качестве связки, вероятно, произошёл на Урале не ранее XVIII в., что было связано с широким строительством металлургических заводов и ликвидацией известного дефицита железа. Цепи для кистеней использовались трех основных разновидностей: обычная (звенья которой могли быть причудливо изогнуты); изготовленная кустарно со незамкнутыми звеньями в виде математического знака бесконечности и состоящая из одного звена со скрученной серединой (поз.7).

Все вышесказанное подводит к выводу, что наличие связки есть универсальный, системообразующий признак для целого класса ударных орудий с «шарнирным» принципом действия. Следовательно, разновидности связок не могут служить критерием для выделения типов или более мелких клас-

сификационных подразделений. По материалу и особенностям изготовления связки можно лишь (с известной долей условности и, обязательно, в комплексе с другими признаками) судить о времени изготовления кистеня.

Что касается третьей (ударной) составляющей кистеня – гирьки, то здесь наблюдается гораздо большее разнообразие, а, следовательно, большие возможности для классификации. Многообразие форм, материалов и размеров гирек без малого бесконечно. Особенно это касается экземпляров, выполненных кустарным способом. Они практически уникальны, неповторимы, поскольку их форма определялась не только потребностями заказчика, но также уровнем квалификации и вкусом мастера.

В принципе любой достаточно тяжелый и компактный предмет с отверстием мог быть приспособлен к кистеню и послужить причиной увечья или летального исхода. Стало быть, форма гирьки на данном уровне классификации не может служить критерием выделения подтипов. То же самое нужно сказать и о размерах гирьки, так как наглядно проявляется прямая зависимость размера и веса ударной части от общей длины кистеня. На наш взгляд, наиболее плодотворным и перспективным основанием для классификации гирек (выделения подтипов кистеней) является критерий способа изготовления: кустарный (ремесленный) или промышленный (фабричный). К первому подтипу относятся кованые железные или литые бронзовые изделия. В коллекции ПОКМ нет гирек, вырезанных из кости, но нам известно об их существовании. Ко второму подтипу относятся гирьки литого железа или

железные, но изготовленные на различных станках (токарных, зуборезных и пр.).

Такая классификация по технологическому критерию позволяет достаточно точно развести оба подтипа хронологически: второй явно датируется Новым временем, когда появились необходимые технологии, а кистени первого подтипа с костяными и бронзовыми гирьками принадлежат к средневековой эпохе. Нижняя хронологическая граница бытования кованых гирек пока не определена вследствие почти полного отсутствия надежно датированных кистеней эпохи Позднего Средневековья.

Для создания более подробной классификации можно выделить две особые группы гирек: изготовленные специально и приспособленные из предметов, которые первоначально имели иное назначение. Кистени с гирьками, принадлежащими ко второй группе, легче датировать (как правило, они относятся к XIX в.), кроме того, они изготавливались явно не для профессионалов, что дает все основания относить такое оружие ко второму («крестьянскому») типу.

Возможно и дальнейшие детализация и углубление классификации кистеней, однако, на материалах одной небольшой коллекции это делать преждевременно, поэтому ограничимся описанием нескольких вариантов гирь.

В рамках первой группы в коллекции кистеней ПОКМ наиболее распространенной формой гирьки является кубическая. Подобная форма, вероятно, появилась в результате видоизменения (упрощения) гирьки типа IV (по Кирпичникову), а их изготовители имели возможность непосредственно ви-

деть и подражать средневековым профессиональным экземплярам оружия. Упрощенная форма, тем не менее, имеет углы, которые осложняют нанесенные ранения, когда осколки черепной кости проникают в мозг. Поэтому возможно, что подобные кистени (например, ПОКМ №4707) наиболее ранние в коллекции (поз.5). Второй формой гирек являются гранёные призмы (более или менее правильные). Подобные гирьки этого вида (ПОКМ 16959/44) уплощенные и восьмиугольные в сечении (поз.6). Они напоминают ударную часть цепа, к которым, очевидно, и восходят. Третья форма гирьки - кованная шаровидная без шипов (ПОКМ №11062/82) (поз.8). Две последние формы рассчитаны более на оглушение противника, нежели на серьезное ранение, хотя многое зависит от силы удара.

Особое место среди первой группы занимают литые гирьки в виде правильного шара с острыми коническими шипами (поз.2,3,9). Отлитые в двухсторонней форме (о чем свидетельствует литейный шов), они могли быть произведены только в заводских условиях, потому что в кузнице температура плавления железа недостижима. Очевидно, на уральских металлургических и механических заводах существовал промысел, когда некоторые предметы изготавливались частным образом на вынос. Подобные гирьки могли быть изготовлены не ранее конца 70-х гг. XIX в., когда на уральских заводах повсеместно стал внедряться бессемеровский способ получения литой стали. Кроме того, похоже, что они были скопированы с кистеней появившихся в эти же годы многочисленных богатырей В.М. Васнецова, у которых, прав-

да, гирьки имеют несколько гипертрофированный размер.

Вторая группа кистеней снабжена ударными частями из предметов, первоначально имевших совсем иные функции. В качестве гирек начинают использовать весовые гири либо гранёной (ПОКМ №4720) (поз.10), либо округлой формы (ЛМЗ) (поз.11). Все они относятся к XIX-XX вв. Хронологически округлые гири стали изготавливать позднее, однако момент изменения формы датировать сложно. Кроме весовых гирек могли использовать и другие предметы. Ярким примером из данной коллекции служит кистень (ПОКМ №5326), гирька которого изготовлена из шестерни и датируется гранью XIX-XX вв. (поз.7).

Итак, в первом приближении классификация кистеней из коллекции ПОКМ выглядит следующим образом (таб.1.): типы выделяются по длине рукояти (именно от этого показателя зависит сфера применения оружия), подтипы – по способу изготовления ударной части (датирующий признак), а группы – по изначальной функции гирьки (уточняет круг владельцев оружия). Заметим, что указанные критерии формальны, легко измеримы и определены визуально, т.е. объективны. В то же время, они в целом определенно отражают особенности функционирования кистеней, указывают на социальный статус их хозяев, позволяют понять генезис и развитие данного типа оружия.

Кистени, как несложное в изготовлении, но эффективное оружие, на Урале (да и в России) использовались не только в древности, но применялись до первой четверти XX в. включительно. Менялась лишь сфера их применения

— из армейского вооружения они превратились в оружие крестьян и уголовников. Коллекция кистеней ПОКМ при всей ее скромности позволяет не только реконструировать заключительный этап бытования этого своеобразного вида вооружения, но и создать «естественную» классификацию, в которой выделение таксономических единиц зависит от «наиболее существенных признаков и от наибольшего числа их».

П.А. Корчагин ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ УГЛЕЖОГНЫХ ЯМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМИ МЕТОДАМИ

В 2003 г. во время раскопок городища-святилища Искор в Чердынском районе Пермской области в 1 км к западу от памятника в молодом сосновом бору вокруг безымянной речки, впадающей в р. Люнва, было обнаружено несколько десятков объектов, внешне напоминавших небольшие курганы. «Курганы» имели размеры до 6 м в диаметре и до 0,5 м в высоту (рис.1). Вокруг многих из них сохранились кольцевые канавки. Объекты располагались достаточно плотно. Расстояние между ближайшими составляло 3 м, а чаще «курганы» отстояли друг от друга на 5-10 м.

Поскольку эта группа объектов располагалась в беломошной тайге, предположение о том, что это погребальные памятники, было сразу отброшено. Очевидно, что данные «курганы» привлекли не только наше внимание, и мы не были первыми - в центре одного из них была обнаружена разведывательная (грабительская) «закопущка» диаметром около 0,4 м и глубиной 0,5 м. В ней фиксировалась весьма простая стратиграфическая ситуация: непосредственно под покровом мха залегал слой, сложенный из крупных кусков древесного угля вперемешку с желтым песком. Ниже залегал такой же материковый песок. Это позволило сделать предварительный вывод, что обнаруженные объекты представ-

© Корчагин П.А., 2007.

Рис.1. Углежогная куча, внешний вид

ляют собой углежогные ямы, или точнее углежогные кучи, поскольку они не были углублены в землю.

В 2005 г. по информации одного из жителей пос. Ныроб на правом берегу р. Колва недалеко от д. Колва было обнаружено еще скопление объектов аналогичного назначения, но несколько иной конструкции. Они представляли

собой ямы размерами около 6х2 м, и глубиной 1-1,2 м (рис.2). Расстояние между ними в среднем составляло 15-20 м. Осмотреть всю территорию не удалось, но в поле зрения исследователей попало не менее 50 объектов. Вокруг рос сосновый бор, состоящий из деревьев, имеющих стволы 40-50 см в диаметре.

Рис.2. Углежогная яма. Внешний вид

Рис.3. Раскоп на углежогной яме

Находчик предпринял попытку самостоятельных раскопок, поскольку принял объекты за остатки древних жилищ, но ему не удалось найти ничего, кроме равномерно распределенных по дну ямы кусков древесного угля и одного фрагмента сероглиняной русской керамики XIX-XX вв. Из осмотра как нетронутых, так и раскопанных находчиком объектов стало понятно, что мы наткнулись на скопление углежогных ям конца XIX – начала XX в.

С целью обнаружения каких-либо датирующих находок на «Искорской» группе углежогных куч, для исследования технологии углежжения, а также для определения перспективности раскопок углежогных ям в будущем один из объектов решено было исследовать археологическими методами. Для этого была выбрана одна из самых высоких куч на левом берегу безымянного ручья недалеко от грунтовой дороги, ведущей от Искорского святилища в пос. Ныроб. Был заложен раскоп общей площадью 36 кв. м, таким образом, чтобы накрыть весь объект. Поскольку он напоминал курган, то избра-

на была методика раскопок по четвертям, применяемая при исследовании курганных погребений: были оставлены две взаимоперпендикулярные бровки, проходящие через центр объекта.

Практически сразу подо мхом были обнаружены разрозненные куски угля разного размера, а чуть ниже и бревна, в разной степени обугленные (рис.3). Они фиксировались на двух уровнях, причем полностью обугленные верхние бревна сохранились частично, а расположенные перпендикулярно к ним нижние бревна, почти не тронутые огнем, остались практически целыми. Самое длинное из сохранившихся бревен достигало 3 м, остальные были короче. Перед тем как подвергнуться выжиганию, бревна укладывались в прямоугольный штабель, размеры которого реконструируются как 5х5 м. На одном из нижних бревен удалось обнаружить участок сохранившейся коры, характерной для сосны. Однако на остальной поверхности бревна коры не было, видимо, ствол был предварительно окорен. Ясно, что нижние бревна были оставлены в куче,

потому что не прогорели, как производственный брак. Каких-либо особых находок в раскопе не было, что и понятно, ведь вещи в штабеле могли оказаться только случайно, если их нечаянно обронили, а вероятность этого чрезвычайно мала.

Сравнение двух типов углежогных конструкций позволяет сделать следующие выводы: устройство углежогных куч было менее трудоемко, поскольку не требовалось выкапывать ямы для укладки штабеля, а сам штабель делался больше (площадью до 25 кв. м); в то же время, углежогные ямы были эффективнее углежогных куч, в них не было обнаружено неперегоревшей древесины.

Подобные размеры углежогных объектов характерны для Чердынского района Пермского края, как и такие большие скопления ям и куч. Однако это не является правилом. Так в 1996 г. в пределах г. Перми (в бассейне р. Гайва) была обнаружена одиночная углежогная куча диаметром 12 м.

Что касается перспектив археологического исследования подобных объектов, то нам кажется, что какой-либо новой научной информации при раскопках получить не удастся. Обнаружение датирующих (да и каких-либо других особых) особых находок в ямах чрезвычайно маловероятно, что не позволяет датировать найденные объекты. Сама технология углежжения с течением времени практически не менялась, в то же время, ее подробные описания можно найти в письменных источниках.

Ставить углежогные ямы и кучи на государственную охрану в качестве объектов историко-культурного наследия, исследовать их как археологичес-

кие памятники нам кажется совершенно излишним. Вполне достаточно научиться уверенно распознавать их на местности, фиксировать, картографировать и использовать сведения о них в комплексных исторических исследованиях.

Литература и источники

- Абрамов Н.А. 1857. Описание Березовского края // Записки Русского географического общества. СПб. Кн.12. С.342-345.
- Авдусин Д.А. 1984. Полевая археология СССР. М.: Высшая школа.
- Агеев Б.Б., Овсянников В.В. 2000. Камышинское городище // Уфимский археологический вестник. Вып.2. Уфа.
- Акбулатов И.М. 1988. Керамика Таптыковского городища эпохи раннего средневековья // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа.
- Алексеева Т.И. и др. 1993. Ранние этапы освоения русского Севера: история, антропология, экология // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М.: Наука.
- Альтшуллер Г.С. 1979. Творчество как точная наука. М.184 с.
- Археологическая карта Башкирии. 1976. М.
- Археология Южного Урала. 1992. Стерлитамак, 234 с.
- Безденежных Т.В., Карлюк Т.Н., 1990. Светильники. Коллекция осветительных приборов Пермского областного краеведческого музея. Пермь: Пермск. кн. изд-во. 240 с.
- Белавин А.М. 1986. Городищенское городище на р. Усолке // Приуралье в древности и средние века. Устинов.
- Белавин А.М. 1990. Отчет о раскопках могильника и селища Телячий Брод в 1989 г., Пермь, 1990. Рукопись. (Хранится в лаборатории археологических и этнографических исследований ПГПУ).
- Белавин А.М. 1997. О локализации Страны Вису в Пермском Приуралье // Коми-Пермяки и финно-угорский мир. Материалы 1 Международной научно-практической конференции. Кудымкар, 26-27 мая 1995. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. из-во.
- Белавин А.М. 1999. Внешние и внутренние этнокультурные и экономические контакты средневекового населения Предуралья (по керамическому комплексу) // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Ижевск-Глазов. С.65-73.
- Белавин А.М. 1999а. Камский торговый путь из Болгара «в страну Вису и Чулыман» // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX-XII веков. Казань: ИВ РАН, ИИ АНТ.
- Белавин А.М. 2000. Камский торговый путь. Пермь: ПГПУ. 201с.
- Белавин А.М. 2000а. Этнокультурные связи Предуралья в эпоху средневековья // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI веков, Ижевск. С.316-318.
- Белавин А.М. 2006. Пермское Предуралье – перекресток торговых путей Евразии // II Северный археологический конгресс. Доклады. Екатеринбург – Ханты-Мансийск: Чароит.
- Белавин А.М. 2006а. Древняя Афкула (Рождественский археологический комплекс в Пермском Предуралье X-XIII вв.) // Современные

- проблемы археологии России. Т. II. Материалы Всероссийского археологического съезда (23-28 октября, г. Новосибирск). Новосибирск: ИАЭ СО РАН.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б. 1995. Волжская Болгария и финно-угорские племена Прикамья: этнокультурные контакты (по материалам Рождественского археологического комплекса) // Уржумка. Научный журнал ЧГПИ, №1.
- Белавин А.М., Мельничук А.Ф. 1984. Средневековые памятники у д. Володин камень в приустьевой части р. Яйвы // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск.
- Белорыбкин Г.Н. 2003. Прикамские элементы в Западном Поволжье // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: материалы. Пермь. С.139.
- Бобринский А.А., Волков Е.В., Гей И.А. 1993. Кострища для обжига керамики // Археологические исследования в Поволжье. Самара.
- Богаевский П.М. 1890. Очерки религиозных представлений вотяков // Этнографическое обозрение. М. №1. С.123-128.
- Богданова Е.В., Белавин А.М. Булгарская керамика Рождественского городища // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Выпуск 1. Пермь: ПГПУ. С. 37-74.
- Бординских Г.А. 1991. Работы Соликамского музея // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск.
- Васильев С.В., Газимзянов И.Р. 2003. Палеодемография Усть-Иерусалимского могильника (г. Болгар, Татарстан) // Экология древних и современных обществ. Доклады конференции. Вып.2. Тюмень: СО РАН.
- Верещагин Г.Е. 1995. Вотяки Сосновского края. (репринт с изд. 1886 г.) // Собрание сочинений Г.Е. Верещагина. Т.1. Ижевск.
- Викторова В.Д. 2000. Угры в потоке Великого переселения народов // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI веков, Ижевск. С.196-200.
- Воропай И.М. 1901. По Оби до Северного океана и обратно через большеземельную тундру // Природа и охота. СПб. № 4.
- Воропай И.М. 1901а. Тундра и ее обитатели // Природа и охота. СПб. № 8.
- Гаврилова А.А. 1965. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М-Л. 143 с.
- Генинг В.Ф. 1982. Очерки по истории советской археологии М.: Наука.
- Генинг В.Ф., Голдина Р.Д., 1970. Позднеломоватовские могильники в Коми-Пермяцком округе // ВАУ, в.9. Памятники ломоватовской культуры. Свердловск: УрГУ. С.30-56.
- Георги И.Г. 1776. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб.
- Герберштейн С. 1908. Записки о московских делах. СПб.
- Голдина Р.Д. 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: ИрГУ. 280с.
- Голдина Р.Д. 1996. Основные этапы взаимодействия финно-пермян другими этносами в древности и средневековье // Славянский и финно-угорский мир вчера, сегодня. Ижевск.
- Голдина Р.Д. 1999. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмуртский университет. 464 с.

- Голдина Р.Д., Голдина Е.В. 1997. Скандинавия и Верхнее Прикамье: контакты во второй половине I тыс. до н.э. // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи. Киров. С.5-23.
- Голдина Р.Д., Кананин В.А. 1989. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: УРГУ. 215с.
- Голдина Р.Д., Королева О.П., Макаров Л.Д., 1980. Агафоновский I могильник – памятник ломоватовской культуры на севере Пермской области // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск: УдГУ. С.3-66.
- Головнев А.В. 1995. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург.
- Голубева Л.А., 1973. Весь и славяне на Белом озере. X-XIII вв. М.: Наука. 212 с.
- Городцов В.А. 1937. Подчеремский клад // СА, М.-Л., вып. 2. С.113-150.
- Горюнова Е.И. 1953. Муромский могильник // КСИИМК, М. № 52. С.33-43
- Горюнова Е.И. 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. М., № 94. 267 с.
- Греков И.Б. 1970. Восточная Европа и упадок Золотой орды. М.: Наука.
- Губайдуллин А.М. 2002. Фортификация городищ Волжской Булгарии. Казань: ИИ АН РТ.
- Даркевич В. П. 1994. Происхождение и развитие городов древней Руси (X-XIII вв.) // Вопросы истории. №10.
- Демографический энциклопедический словарь. 1985. Под ред. Валентей Д.И. М.: Советская энциклопедия.
- Денисов В.П., Мельничук А.Ф. 1986. Памятники с накольчато-прочерченной керамикой в неолите Среднего и Верхнего Прикамья и их роль в формировании гаринско-борской культуры // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы. Оренбург.
- Дмитриев А. 1889. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов. Вып.IV. Пермь Великая в XVII в. Пермь.
- Доронин П. 1958. Документы по истории коми: Вычегодско-Вымская (Мисайло-Евстихиевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып.4. Сыктывкар: ИИЯЛ КФ АН СССР. С.258-259.
- Дьяченко В.А. 1958. Рентгенодиагностика заболеваний костей и суставов. М.: Медгиз.
- Жаков К. 1901. Этнологический очерк Зырян // Живая старина. СПб. Вып.1.
- Житие 1992. Житие Святого отца нашего Стефана епископа Пермского // Избранные жития русских святых (X-XV вв.). М.: Молодая гвардия.
- Забылин М. 1880. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М.
- Засецкая И.П. 1968. О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья // СА. М., №2. С.52-62
- Засецкая И.П. 1979. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей // КСИА, № 158. М. С.5-17.
- Збруева А.В. 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА, № 30. М.
- ИАК 1910. Известия археологической комиссии, прибавление к вып. 34. СПб.

- Иванов А.Г. 2000. Накладки-тройчатки: к вопросу о происхождении поясов неволинского типа. // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э., Самара. С.87-102.
- Иванов В.А. 1982. Городище Петер-Тау (Юлдашевское) // СА, № 3.
- Иванов В.А., Останина Т.И. 1983. К вопросу о бахмутинско-мазунинской проблеме // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа.
- Ищериков П.Ф. 1953. Отчет о наблюдениях за земляными работами на территории г.Уфы с 16.VII.1953 г. по 17.IX.1953 г. Рукопись. (Научный архив УНЦ РАН. Ф.39. Оп.1. №169).
- Ищериков П.Ф. 1959. Городище Уфа-2 // Башкирский археологический сборник. Уфа.
- Ищериков П.Ф., Мажитов Н.А. 1962. Городище Уфа – 2 // Археология и этнография Башкирии. Т.1. Уфа.
- Каталог 1894. Каталог выставки археологических коллекций и предметов древности Пермского края. Пермь.
- Кирпичников А.Н. 1966. Древнерусское оружие: копья, боевые топоры, булавы, кистени IX – XIII вв. // Археология СССР. САИ. Е1-36. М.: Наука.
- Кирпичников А.Н. 1976. Военное дело на Руси в XIII–XV веках. Л.
- Ковалевская В.Б. 1969. К вопросу о «поломской» культуре // Древности Восточной Европы. М. С.84-91.
- Кокорина Н.А., 2002. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV веков. Казань: ИА РАН, ИИ АНТ. 384 с.
- Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // МИА, № 65. С.7-120.
- Конаков Н.Д. 1983. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX – XX вв. М.: Наука.
- Коробейников А.В. 2004. Городище Кучино I : эволюция фортификации// Вопросы истории и культуры Пермского Прикамья. Березники. С.53-59.
- Коробейников А.В. 2005а. Ментальная основа деятельности фортификатора-создателя городища Иднакар// Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность: материалы Всероссийской научно-практической Интернет-конференции на сайте sib-subethnos.narod.ru с 1марта по 1 декабря 2004 года. Красноярск. С.107-119. Режим доступа: [mhtml:http://sib-subethnos.narod.ru/p2005/korobeinikov.htm].
- Коробейников А.В. 2005б. Внутренний вал городища Иднакар. Пример исторического моделирования на основе технологического анализа // Историческая реконструкция по данным археологии. Ижевск. С.133-178.
- Коробейников А.В. 2005в. О расчёте трудоёмкости древних оборонительных сооружений // Историческая реконструкция по данным археологии. Ижевск. С.114-132.
- Коробейников А.В. 2005г. Типологический анализ чепецких городищ с позиций их уровня защиты // Историческая реконструкция по данным археологии. Ижевск. С.66-91.
- Коробейников А.В., Мингалев В.В. 2005. Способ и приспособление для фиксации зенитного и азимутального угла столбовых ям в целях реконструкции построек // Материалы XXXVII Урало-Поволжской археологической студенческой

- кой конференции. Челябинск. С.99-101.
- Корчагин П.А. 2001. История Верхотурья (1598-1926). Закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города. Екатеринбург: Банк культурной информации.
- Корчагин П.А., Мельничук А.Ф. 2003. «Протогород»: а была ли проблема? // Вестник Пермского университета. Выпуск 4. История. Пермь: ПГУ.
- Кривошеков И.Я. 1897. Указатель к карте Соликамской губернии. Пермь.
- Кривошеков И.Я. 1914. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда. Пермь: 1-я Земская тип.
- Крыласова Н.Б. 1995. Подвеска со знаком Рюриковичей из Рождественского могильника // РА, № 2.
- Крыласова Н.Б. 2005. Керамические валики (новая категория вещей, выявленная на средневековых городищах Пермского Предуралья) // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Кудымкар
- Крыласова Н.Б. 2007. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: ПГПУ. 352 с.
- Крыласова Н.Б., 2001. История прикамского костюма. Пермь: ПГПУ. 260 с.
- Крыласова Н.Б., Белавин А.М. 2001. Неволинские пояса в системе международных связей // Миграции и оседлость от Дуная до Ладоги в I тысячелетии христианской эры (материалы к пятым чтениям памяти Анны Мачинской). СПб. С.88-94.
- Кузеев Р.Г. 1978. Историческая этнография башкирского народа. Уфа.
- Кулемзин В.М., Лукин Н.В. 1977. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв. Этнографический очерк. Томск.
- Лобанов Н.А., 1989. Некоторые бытовые находки из Пскова // КСИА. В.195. С.80-85.
- Лунегов И.А. 1954. Отчет об археологических исследованиях, проведенных в пределах Чердынского и Ныробского районов Пермской области в 1954 г. Рукопись (Архив ИА РАН, ф. Р-1, д. 943).
- Лунегов И.А. 1955. Редикарский могильник // КСИИМК. Вып.57. М.
- Мажитов Н.А. 1981. Курганы Южного Урала VIII-XII вв., М. 163 с.
- Мажитов Н.А. 1959. Поселения бахмутинской культуры // Башкирский археологический сборник. Уфа.
- Мартынов А.И. 2002. Методы археологического исследования. М.:МГУ.
- Мартынова Е.П. 1998. Очерки истории и культуры хантов М.: Наука.
- Матвеева Г.И. 1970. Работы в Бельско-Уфимском междуречье // АО-1969. М.
- Матвеева Г.И. 1975. Памятники кара-якуповского типа в Приуралье // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Вып.V. Куйбышев.
- Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Берлина С.В., Чикунова И.Ю., 2005. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири (проблемы социокультурной адаптации в раннем железном веке). Новосибирск: СО РАН. 227 с.
- Материальная культура, 1989. Свод этнографических понятий и терминов. М.: Наука. 224 с.
- Мачинский Д.А. 1997. Ладога/Aldeigja: религиозно-мифологическое сознание и историко-археологическая реальность (VIII-XII вв.). // Ладога и религиозное

- сознание (материалы к третьим чтениям памяти Анны Мачинской), СПб, с.156-167.
- Мейнандер Карл Ф. 1979. Биармы // Финно-угры и славяне. Л. С.35-40.
- Мельничук А.Ф., Соколова Н.Е., Цыпуштанов В.А., Шилов В.В. 1994. Памятники археологии и архитектуры Березниковско-Усольского района. Усолье.
- Мингалев В.В. 1999. Происхождение культа Мир-Сусне-Хума и его особенности // Историко-культурное наследие: новые открытия, сохранение, преемственность. Березники.
- Морозов Ю.А. 2000. Исследования Уфимского городища // Уфимский археологический вестник. Вып.2. Уфа.
- Морозов Ю.А. 2000. Исследования Уфимского городища // Уфимский археологический вестник. Вып.2. Уфа.
- Мурыгин А.М. 1992. Печорское Приуралье: эпоха средневековья. М. 182 с.
- Новый политехнический словарь 2000. М. 353 с..
- Носов Е.Н. 2002. Происхождение первых городов Северной Руси (постановка проблемы: история и археология) // Исторические записки. Вып.5 (123). М.
- Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. 2005. Городище под Новгородом и поселения северного Приильмения. (Новые материалы и исследования) // Труды ИИМК, т.XVIII. СПб.:Дмитрий Буланин.
- Оборин В.А. 1970. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // Памятники ломоватовской культуры. ВАУ, в.9. Свердловск: УрГУ. С.3-29.
- Оборин В.А. 1972. Раскопки в Верхнем Прикамье. АО, 1971.- М.: Наука.
- Оборин В.А. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // Памятники ломоватовской культуры. ВАУ, в. 9. Свердловск: УрГУ. С. 3-29.
- Оборин В.А., Балашенко Л.А. Итоги изучения памятников позднего железного века и русской колонизации Верхнего Прикамья // УЗ ПГУ. № 191: Труды камской археологической экспедиции. Пермь: ПГУ. С. 28-48.
- Обыденнов М.В. 1994. История археологического изучения Урала в XVIII- начале XX вв. Уфа: БГУ.
- Овсянников В.В. 1992. Раскопки городища Уфа 2 в 1990 г. // Башкирский край. Выпуск 2. Уфа.
- Овсянников В.В., Сунгатов Ф.А. 2004. Городище Каменная коза в среднем течении р.Уфы // Уфимский археологический вестник. Вып.5. Уфа.
- Основы 1975. Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермский и угорские языки). М.: «Наука».
- Останина Т.И. 1997. Население Среднего Прикамья в III-V вв.: монография / Т.И.Останина. Ижевск.
- Очерки истории и культуры города Верхотурья и Верхотурского края: (К 400-летию Верхотурья) 1998. Екатеринбург: УрГУ.
- Плетнева С.А. 1967. От кочевий к городам. М.: Наука. 199 с.
- Повесть о Стефане 1982. Повесть о Стефане Епископе Пермском // Древнерусские предания (XI-XVI вв). М.: Сов.Россия. С.203-212.
- Поляков Ю.А. Гляденовская культура // Археология и этнография Среднего Приуралья: Сб. ст. Перм. ун-т., Кам. археол. эксп. Вып.1. Березники. С. 10-20.

- Прогулки... 1998. Прогулки по старой Перми: Страницы городского фельетона конца XIX – начала XX в. Пермь.
- Прокофьева Е.Д. 1947. Древние жилища на реках Тым и Кеть // Советская этнография. М-Л. № 4.
- ПСРЛ 1965. Патриаршия или Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т.11. С.164-165.
- Ревел П.А. 1993. Патология кости. М.: Медицина.
- Рейнберг С.А. 1955. Рентгенодиагностика заболеваний костей и суставов. М.: Медгиз.
- Религиозные верования. 1993. Вып.3. М.: Наука. С.194, 195.
- Рохлин Д.Г. 1965. Болезни древних людей. М-Л: Наука.
- Рошефор Н.И. 1927. Иллюстрированное урочное положение. Пособие при составлении и проверке смет, проектировании и исполнении работ. М. 225 с.
- Руденко С.И. 1914. Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска // Материалы по этнографии России. Т.II. СПб. С.35-56.
- Рычков Н.П. 1772. Продолжение журнала или дневных записей путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства. СПб.
- Савельева Э.А. 1971. Пермь Вычегодская. М.: Наука. 221с.
- Савельева Э.А. 1979. Хронология погребальных комплексов Веслянского I могильника // КСИА, №158. М. С.91-96.
- Савельева Э.А. 1987. Вымские могильники XI-XIV вв.Л.: ЛГУ. 200с.
- Сарапулов А.Н. 2006. Развитие систем земледелия в Верхнем Прикамье в эпоху средневековья (по археологическим данным и этнографическим параллелям) // Русановские чтения, Пермь: ПГПУ. С. 65-67.
- Святитель Стефан... 1995. Святитель Стефан Пермский. К 600-летию со дня представления. СПб.: Глагол.
- Сергеев С.И. 1896. Памятники древностей близ сел Искор, Губдора и Верх-Боровского Чердынского уезда // Тр.ПУАК. Пермь.
- Сидоров А.С. 1997. Знахарство, колдовство и магия (репринт с изд. 1928 г.). СПб.: Алетейя.
- Синенко С.Г. 2002. Город над Белой рекой. Уфа.
- Сказание о Стефане... 1898. Святой Стефан первосвятитель Пермский. Пермь. С.7-18.
- Спицин А.А. 1902. Древности Камской чуди. Атлас рисунков с пердисловием. МАР № 26. Спб.
- Струков А.И., Серов В.В. 1993.Патологическая анатомия: Учебник. М.: Медицина.
- Талицкая И.А. 1952. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы // МИА № 25. М.: АН СССР.
- Талицкий М.В. 1951. Верхнее Прикамье в X-XIV вв. // МИА, № 22. М.: АН СССР. 192 с.
- Теплоухов А.Е. 1884. Описание коллекции черепков глиняной посуды // Записки Уральского Общества Любителей Естествознания. Т.7,. Екатеринбург.
- Теплоухов Ф.А. 1892 Земледельческие орудия Пермской Чуди// Пермский край. Т.1, Пермь.
- Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. 1990. Погребения младенцев в курганах VII в.

- н.э. в Новосибирском Приобье // Мировоззрение финно-угорских народов, Новосибирск: Наука. С.149-162.
- Трубников Б.Г. 2002. Оружие и вооружение. Определитель. СПб-М.
- Турилов А.А., Чернецов А.В. 1986. О письменных источниках изучения восточнославянских народных верований и обрядов // СЭ, № 1.
- Финно-угры и балты 1987. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука.
- Хайду П. 1985. Уральские языки и народы. М.
- Халикова Е.А. 1976. Больше-Тиганский могильник // СА, №2, с.158-178.
- Чебоксаров Н.Н. 1946. Этногенез Коми по данным антропологии // Советская этнография. М.-Л. № 2.
- Черных Е.М. 1992. Жилища племен Прикамья 1 тыс. до н.э. –перв. пол. II н.э. Автореф. дисс. канд. ист. наук. На правах рукописи. М.: МГУ.
- Шилов В.В. 2001. Уникальный экземпляр пермского звериного стиля из с. Троицкое // Пермский регион-история, современность, перспективы. Березники.
- Шмидт А.В. 1929. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук. Приложение к журналу «Хозяйство Башкирии», № 8-9. Уфа.
- Якубовский А. 1946. Тимур // Вопросы истории. № 8-9. С.62-64
- Янкаускас Р. 1993. К антропологии средневекового города (по литовским остеологическим материалам) // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М.
- Feachem R.W. 1971. Unfinished hillforts// The Iron Age and it's hill-forts.- Southampton: University of Southampton. P.19-41
- Ortner D.J., Putschar G.J. 1985. Identification of Patological Conditions in Human Skeletal Remains // Smithsonian contributions to anthropology. № 28.

Список сокращений

АНРТ – Академия наук республики Татарстана
ВАУ - Вопросы археологии Урала
ГАПО - Государственный архив Пермской области
ГИМ - Государственный исторический музей
ГЭ - Государственный Эрмитаж
ЗВОРАО - Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ИИ – Институт истории
ИА - Институт археологии
ИИиА - Институт истории и археологии
ИАК - Известия Императорской археологической комиссии
ИИМК - Институт истории материальной культуры
КАЭ - Камская археологическая экспедиция
КАЭЭ - Камская археолого-этнографическая экспедиция
КГУ - Казанский государственный университет
КСИА - Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК - Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛАИ - Лаборатория археологических исследований
МАВГР - Материалы по археологии восточных губерний России
МАР - Материалы по археологии России
МИА - Материалы и исследования по археологии СССР
ПГПУ - Пермский государственный педагогический университет (с 1994г.)
ПГУ - Пермский государственный университет
ПОКМ - Пермский областной краеведческий музей
РА - Российская археология (журнал)
РАН - Российская Академия наук
СА - Советская археология (журнал)
САИ - Свод археологических источников
СКМ -Соликамский краеведческий музей
УАЭ - Уральская археологическая экспедиция УрГУ
УрГУ - Уральский государственный университет
УрО РАН - Уральское отделение РАН
ЧКМ - Чердынский краеведческий музей
ИЭРЖ – Институт экологии растений и животных

Сведения об авторах:

Белавин Андрей Михайлович - доктор исторических наук, проректор ПГПУ по научной работе и внешним связям, профессор, г. Пермь.

Босенко Ирина Владимировна, учитель истории гимназии №2, соискатель кафедры Древней и средневековой истории России ПГПУ, г.Пермь

Дубинин Александр Сергеевич, студент исторического факультета ПГПУ, г. Пермь.

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, зав. кафедрой Отечественной истории БашГПУ им.М. Акмуллы, профессор, г.Уфа.

Иванова Евгения Владимировна, аспирант кафедры историко-культурного наследия БашГПУ им.М. Акмуллы, г. Уфа.

Ильиных Вероника Викторовна, аспирант УдГУ, г. Ижевск.

Корчагин Павел Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ПФ ИИА УрО РАН, г. Пермь.

Коробейников Алексей Владимирович, гл. редактор журнала «Иднакар», г. Ижевск.

Крыласова Наталья Борисовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ПФ ИИА УрО РАН, доцент, г.Пермь.

Мельничук Андрей Федорович, старший преподаватель кафедры Древней и новой истории России ПГУ, г. Пермь.

Мингалева Виталий Викторович, зав. кабинетом археологии и этнографии ПГПУ, г.Пермь.

Ражев Дмитрий Иванович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИИА УрО РАН, г. Екатеринбург.

Самигулов Гаяз Хамитович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ЧНЦ УрО РАН, г.Челябинск.

Сарапулов Алексей Николаевич, лаборант кафедры Древней и средневековой истории России ПГПУ, г. Пермь.

Святова Евгения Олеговна, ведущий специалист ОГКУ «НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области», г. Екатеринбург.

Скорнякова Светлана Владимировна, зав. отделом истории Березниковского историко-художественного музея им. И.Ф. Конова-лова, г. Березники.

СОДЕРЖАНИЕ

БЕЛАВИН А.М.	ПРОБЛЕМЫ РАННЕГО ЭТАПА УРБАНИЗАЦИИ В ВОЛГО-КАМЬЕ	4
ИЛЬИНЫХ В.В.	СВЕДЕНИЯ О СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ В ЛИЧНОМ ФОНДЕ ТЕПЛОУХОВЫХ	12
ИВАНОВА Е.В.	ИСТОРИЯ И ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДИЩ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА ТЕРРИТОРИИ БАШКИРИИ	16
БЕЛАВИН А.М.	РЕДИКАРСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 1996Г.)	23
МЕЛЬНИЧУК А.Ф., СКОРНЯКОВА С.В.	СЕМИНСКОЕ ГОРОДИЩЕ- ПАМЯТНИК РОДАНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРЕДЕЛАХ ГОРОДА БЕРЕЗНИКИ ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ	50
ИВАНОВ В.А.	НАСЕЛЕНИЕ «УФИМСКОГО ПОЛУОСТРОВА» В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	64
КРЫЛАСОВА Н.Б.	СПОСОБЫ ИСКУССТВЕННОГО ОСВЕЩЕНИЯ ЖИЛИЩ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ПРЕДУРАЛЬЕ	71
БОСЕНКО И.В.	ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ НЕВОЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ БРОНЗОВЫХ УКРАШЕНИЙ)	76
САРАПУЛОВ А.Н.	К ВОПРОСУ О ХРАНЕНИИ ЗЕРНА В ВЕРХНЕМ ПРИКАМЬЕ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	83
МИНГАЛЕВ В.В.	ГЛИНЯНАЯ ОБМАЗКА, КАК АРТЕФАКТ	89
КОРОБЕЙНИКОВ А.В.	О РЕКОНСТРУКЦИИ ПРОЦЕССА СТРОИТЕЛЬСТВА ГОРОДИЩА ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ	92
МИНГАЛЕВ В.В.	ПАМ-СОТНИК КАК ЛИТЕРАТУРНО- ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ОТРАЖАЮЩИЙ ИСТОРИЮ РАЗВИТИЯ КОМИ В XIV – XV ВВ.	104
РАЖЕВ Д.И., СВЯТОВА Е.О.	ПАЛЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЛАДБИЩА НОВОГО ВРЕМЕНИ Г. ВЕРХОТУРЬЯ	107
САМИГУЛОВ Г.Х.	ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НОВОГО ВРЕМЕНИ УРАЛА И СИБИРИ. К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЙ	113
ДУБИНИН А.С., КОРАГИН П.А.	КИСТЕНИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ПЕРМСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ	120
КОРЧАГИН П.А.	ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ УГЛЕЖОГНЫХ ЯМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМИ МЕТОДАМИ	127
	ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ	131
	СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	139

Научное издание

Труды Камской археолого-этнографической экспедиции:

**Поселенческие памятники Предуралья
Средневековья и Нового времени:
к проблеме раннего этапа урбанизации**

Сборник научных трудов

Выпуск IV

На обложке: деталь хороса, XIII в., Рождественское городище, бронза

Редколлегия:

Белавин Андрей Михайлович (отв. редактор серии)

Крыласова Наталья Борисовна (отв. редактор выпуска)

Ленц Галина Тимофеевна

Лычагина Евгения Леонидовна

Мельничук Андрей Федорович

Корректоры О.В. Пирогова, Л.Г. Щуплецова

Технический редактор Е.Е.Покровская

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА НПЕ «АФКУЛА»

ИБ № 240

Изд.лиц. ИД №03857 от 30.01.2001

Свидетельство о государственной аккредитации вуза №1426 от 23.04.04.

Подписано в печать 16.12.2006. Формат 60X84 1/8.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать ризограф.
Усл. печ. л. 16,65. Уч.—изд. л. 10,6. Тираж 200 экз. Заказ

.

Редакционно-издательский отдел Пермского государственного педагогического университета.
614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, тел (342) 238-63-12

Отпечатано в отделе

Электронных издательских систем ОЦНИТ

Пермского государственного технического университета

614990, г.Пермь, Комсомольский пр., 29а, оф. 113, тел. 219-80-33

*Камская археолого-этнографическая экспедиция исторического факультета
Пермского государственного педагогического университета
Редколлегия сборника тел (342) 238-64-10
e-mail: belavin@pspu.ac.ru*